

Трымайся праўды

№ 1 (104) 2014

аБАЖУР

ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
The Belarusian Association of Journalists

Международный кодекс безопасности журналистской деятельности

(Неофициальный перевод)

Все чаще и чаще приходится слышать о рисках, с которыми сталкиваются журналисты и другие сотрудники СМИ, работающие в опасных условиях и зонах конфликтов. Многие гибнут, получают ранения или подвергаются преследованию и устрашению в зонах военных конфликтов — как в результате целенаправленных действий враждующих сторон, так и в случайных инцидентах. Иные журналисты становятся жертвами умышленных нападений и попыток запугивания со стороны преступников и террористов, терпят ущерб в результате скрытых и противоправных действий представителей государственной власти: полиции, военных или агентов спецслужб.

Безусловно, нельзя полностью избежать происшествий, даже прилагая максимум усилий в плане гарантии безопасности. Также мало что можно сделать, если заинтересованные влиятельные стороны используют жесткие и безжалостные методы, чтобы поставить крест на журналистском расследовании.

Однако существуют шаги, которые журналисты и СМИ должны предпринимать для минимизации рисков в отношении себя самих. В частности, следующие постулаты являются жизненно важными для гарантирования журналистской безопасности.

Соответствующая подготовка, обучение и социальная защита. Важно, чтобы журналисты были морально готовы к трудностям. Должна быть разработана система медицинской помощи и социальной защиты сотрудников. Медиапрофессионалы должны быть проинформированы о специфике политической, физической и социальной среды, в которой им придется работать. Ненадежность или опасность их положения не должны усугубляться неведением либо несоответствующим поведением.

СМИ обязаны оберегать своих сотрудников от рискованного поведения ради коммерческой выгоды; должны поощрять журналистов к совместной деятельности в потенциально небезопасных условиях работы. Правительства должны устранить препятствия для журналистской деятельности. Они не должны ограничивать без необходимости свободу передвижения журналистов либо ставить под вопрос право информационных СМИ на сбор, подготовку и распространение информации в безопасных условиях.

Люди не должны диктовать условия СМИ. **Все обязаны уважать физическую неприкосновенность журналистов и других медиаспециалистов во время их работы.** Физическое вмешательство в операторскую либо иную журналистскую деятельность должно быть запрещено. Учитывая вышеизложенные постулаты, МФЖ призывает журналистские объединения, медийные организации и органы власти придерживаться следующих норм **Международного кодекса безопасности журналистской деятельности:**

1. Журналисты и иные сотрудники СМИ должны быть соответствующим образом обеспечены для осуществления любых заданий. Кроме прочего, они должны получить комплекты для оказания первой медицинской помощи, средства связи, надлежащее транспортное обеспечение и, при необходимости, защитную одежду.
2. Медийные организации и, по возможности, органы государственной власти должны предоставлять информацию о потенциальных рисках для журналистов и иных сотрудников СМИ, которые могут быть задействованы на заданиях в местностях, где преобладают небезопасные условия работы либо есть основания предполагать такие условия.
3. Официальные власти должны информировать своих подчиненных о проявлении уважения к правам журналистов; проинструктировать их на предмет необходимости проявления уважения к физической неприкосновенности журналистов и других представителей СМИ во время их работы.
4. СМИ обязаны обеспечить всем сотрудникам, которые осуществляют журналистскую деятельность в опасных условиях, социальную защиту, включая страхование их жизни.
5. СМИ должны гарантировать бесплатное лечение и иное медицинское обслуживание, включая стоимость реабилитации, журналистам и другим сотрудникам СМИ, которые получили травму или заболевание в результате осуществления профессиональной деятельности в опасных условиях.
6. СМИ обязаны защищать фрилансеров и специалистов, которые работают на неполную ставку. Эти люди должны получать такую же социальную защиту, обучение и снаряжение, как и сотрудники, работающие на условиях полной занятости.

АБАЖУР
ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 1 (104) 2014 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Дзмітрый Ягораў (1-я вокладка)
Photo.bymedia.net
Архіў «А»

Выданне зарэгістравана у Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 04.03.2014 г.
Дата выхаду 20.03.2014 г.
Фармат 60х84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 500 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

В зоне риска

С некоторых пор стало очевидным, что содержание понятия «безопасность журналистской деятельности» для нас меняется. Если еще десять лет назад на семинарах по этой тематике основное внимание уделялось правилам подготовки статей и других материалов с целью избежать исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, то в последнее время на первый план вышло другое — мы даем журналистам рекомендации о том, как вести себя при задержании, допросе, проведении обыска…

Андрей БАСТУНЕЦ

Теперь в практической деятельности юристам БАЖ все больше приходится заниматься не исками, трудовыми спорами и обжалованиями решений государственных органов, а проблемами, которые связаны с задержаниями журналистов и распространителей СМИ, случаями их безосновательного привлечения к ответственности (не только административной, но и уголовной). Достаточно сказать, что за последние пять лет одним из главных адресатов обращений БАЖ было Министерство внутренних дел Республики Беларусь и его руководство. В абсолютном большинстве случаев — по причине массовых препятствий деятельности журналистов и даже насилия в отношении их со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Поэтому мы подготовили специальный выпуск «Абажура», в основу которого легли материалы книги ***«В зоне риска. Пособие по безопасности для белорусских журналистов».*** Вы ознакомитесь с опытом защиты и самозащиты работников СМИ в тех случаях, когда им угрожала опасность. Конечно, универсальных советов на все случаи жизни, которые бы застраховали всех и каждого от неблагоприятных последствий, не существует. Поэтому модель безопасного поведения в той или иной ситуации вы должны выбирать, исходя из собственных ощущений, опыта, степени уверенности.

Понятно, что профессия журналиста связана с рядом рисков, избежать которых порой невозможно. Но в ряде случаев журналисты сами навлекают на себя дополнительные угрозы. Например, когда занимают ангажированную позицию при отстаивании чьих-либо бизнес- или политических интересов. Либо вступают в контакт с людьми, которые могут потом использовать эти отношения для давления или шантажа.

Существенно снизить степень такой «дополнительной» опасности позволяет соблюдение норм профессиональной этики, потому что декларации и кодексы журналистской этики не только устанавливают «высокие стандарты этичного и профессионального поведения» (Кодекс журналистской этики БАЖ), но и служат своеобразным инструментом для обеспечения безопасности журналиста.

Надеемся, что предложенные вам материалы будут интересны и полезны тем, кто занимается журналистской деятельностью.

За последние тринадцать лет в Беларуси при невыясненных обстоятельствах погибли три известных журналиста (Дмитрий Завадский, Вероника Черкасова, Олег Бебенин). Сотни репортеров подвергались задержаниям, избиениям, арестам и обыскам, более десяти человек были осуждены по обвинениям, так или иначе связанным с профессиональной деятельностью.

По сей день в адрес журналистов поступают угрозы самого разного характера и из самых разных источников. СМИ и их сотрудники подвергаются преследованию со стороны властей не только за распространение нежелательной информации, но также за идеи и мнения.

В этом номере журнала достаточно информации, собранной и обработанной службой

мониторинга Белорусской ассоциации журналистов более чем за десять лет. Использование этой фактической информации позволило системно представить и проанализировать проблемы безопасности журналистов в Беларуси. Белорусская ассоциация журналистов провела анкетирование среди сотрудников редакций, репортеров-фрилансеров, а также ряд интервью с коллегами, которые неоднократно подвергались различным рискам в связи с профессиональной деятельностью. Белорусские журналисты высказали свои соображения относительно угроз, с которыми они сталкиваются, поделились личным опытом поведения в экстремальных ситуациях. Надеемся, что, наряду с комментариями юристов, психологов, специалистов в области информационной безопасности, изложенные здесь истории и «советы бывалых» помогут коллегам не потерять присутствие духа и правильно действовать в критической ситуации. Во всяком случае, когда не получается не рисковать, мы должны снижать риск всеми возможными способами.

Группы риска

Самыми беззащитными являются те журналисты, чья профессиональная идентификация в формальном смысле затруднена, — фрилансеры и те, кто сотрудничает с незарегистрированными белорусскими или неаккредитованными иностранными СМИ. Такая работа не дает журналисту официального статуса: он не может подтвердить свою профессиональную принадлежность редакционным удостоверением. Это не только значительно затрудняет доступ к информации, но и выводит журналиста за рамки правового поля в случае конфликтной ситуации. Особенно уязвимыми (как правило, перед представителями власти и силовых структур) в таких случаях оказываются репортеры, работающие с техникой, — фото- и видеооператоры.

Безусловно, в группу риска входят сотрудники общественно-политических изданий или программ. Они могут подвергаться угрозам не только в процессе сбора, хранения и распространения информации, но и в ответ на выражение собственного мнения в комментариях или публицистических материалах. Вопросы безопасности актуальны для журналистов, специализирующихся на расследовательской деятельности. Заниматься качественной журналистикой в Беларуси вообще довольно рискованно, поскольку качественная журналистика не вписывается в идеологические рамки. Важно отметить, что при анкетировании на вопрос о том, кто является основными агрессорами для журналиста в его профессиональной деятельности, большинство коллег отвечало: «Власть».

Общие рекомендации по безопасности

Есть несколько условий, выполняя которые, мы как минимум наполовину можем себя обезопасить.

Первое: журналист должен хорошо знать свои права. Основные положения Закона о СМИ, соответствующие нормы Конституции, некоторые международные правовые документы — это катехизис, без освоения которого не стоит заниматься репортерской деятельностью. Журналист должен следить также за изменениями законодательства в области СМИ.

Второе: при сборе, хранении и распространении информации необходимо строго соблюдать профессиональную этику. Придерживаясь этических правил, журналист в большой степени страхует себя от появления эмоциональных недоброжелателей, оскорбленных или обиженных в ходе или результате его работы.

Третье условие — понимание и принятие факта, что то или иное действие чревато тем или иным риском. То есть возможность угрозы должна быть осознана. Если журналист не готов действовать в условиях, которые не гарантируют необходимой степени безопасности, ему лучше отказаться от выполнения такой работы. Это абсолютно нормально. Пожалуй, мы назовем это **главным общим правилом журналистской безопасности: оценивать риски, прежде чем рисковать.**

И последнее. В той правовой ситуации, которая сложилась сегодня в Беларуси, мы не сможем дать журналистам четких и действенных рекомендаций, которые наверняка сработали бы в критический момент, хоть и будем стараться. Но важно помнить главное: журналист, как и любой специалист, работает в рамках правового поля государства, — а значит, на защите личных и профессиональных интересов сотрудников медиа должны стоять законы — как отраслевые, так и общие. Поэтому апеллировать к закону нужно всегда, каким бы бессмысленным это ни казалось в конкретных условиях. Даже если милиция не принимает у вас заявление об угрозах в ваш адрес или посягательстве на имущество, — пишите еще, обращайтесь в вышестоящие инстанции. И, конечно же, рассказывайте об этом людям — на страницах своих газет или в интернет-ресурсах, в своих теле- и радиопрограммах. Информирование общественности о том, что с нами происходит, постоянный мониторинг конфликтов — часть нашей стратегии безопасности.

Бяспечны Майдан

Зміцер ЯГОРАЎ

Мы выправіліся ў Кіеў у той час, калі здавалася, што пратэст затухае і гэта ледзь не «апошні вагон», у які рэпарцёрам можна скочыць, каб паказаць феномен Майдана. На месцы выявілася, што гэта быў толькі пачатак. Некалькі разоў пашкадаваў, што не ўзяў з сабою каску.

Від з акна на Майдан. Чым бліжэй база, тым лепш

Барыкада пратэстоўцаў ля будынка адміністрацыі прэзідэнта

Карнавал і рэвалюцыя

Першае, што кідаецца ў вочы беларусу, які трапіў на Еўрамайдан, — узровень арганізацыі пратэставай грамады. Ёсць намёты і сцэна, медычныя пункты, кожны дзень прывозяць дровы для вогнішчаў, і агонь палае не дзе заўгодна, а ў вялікіх бочках. Створаныя атрады самааховы, ёсць штаб і прэс-цэнтр.

У вялікай ступені ўсё гэта — самаарганізацыя. Сотні, калі не тысячы валанцёраў, і кожны заняты тым, што ўмее, хоча, а галоўнае — трэба рабіць. Медыкі выдаюць прастуджаным таблеткі, кухары гатуюць ежу, тыя, чыя спецыяльнасць наўпрост незапатрабаваная, могуць раздаваць бутэрброды, прыглядаць за агнём, прыбіраць тэрыторыю, запісацца ў ахову. Грамада ля сцэны слухае палітычных лідараў. На будынку, што побач, — велізарны экран з трансляцыяй, каб не толькі ля сцэны было бачна і чутно тое, што там адбываецца.

Журналістам адчыненыя ўсе навакольныя дзверы і ачапленні самааховы — дастаткова атрымаць акрэдытацыю ў майданаўскім прэс-цэнтры. Дзеля гэтага трэба паказаць пасведчанне, з якога перапісшуць дадзеныя ў журнал. У якасці пацверджання выдаюць паперку-бэйдж, якую, што праўда, трэба такім чынам атрымлівалі кожны дзень наноў. Навокал — ніводнага міліцыянта (прынамсі, у форме) — і нічога, парадак. Міжволі ўздыхаеш: куды нашай апазіцыі да Клічко, Яцанюка і Цягнібока... Зрэшты, беларускія апазіцыйныя лідары прыехалі на Майдан ці не праз правакацыю нашых незалежных медыяў, якія некаторы час настойліва пыталіся ў іх, чаму тыя не едуць хоць на дзень падтрымаць украінцаў.

Проста ідэальны мірны пратэст! Салідарнасць шараговых грамадзян, смеласць палітыкаў, што агалошваюць бескампрамісныя патрабаванні да ўлады са сцэны перад дзясяткамі, а часам і сотнямі тысячаў пратэстоўцаў. Як магчыма не захапіцца?

«Карнавал», — скрозь зубы цэдзіць кіяўлянін Аляксей. Ён разам з двума дзясяткамі паплечнікаў стаіць на барыкадах насупраць кардона міліцыянтаў ля Адміністрацыі прэзідэнта. Гэта ўжо не тэрыторыя Майдана, тут не разносяць гарбату студэнткі, тут не спявае Вакарчук. Стаяць і ўдзень, і ўночы — у касках, побач ляжаць самаробныя шчыты і дубінкі. «У іх карнавал, — паўтарае Аляксей, — а ў нас — рэвалюцыя».

З цягам часу становіцца відавочна, што «на карнавале» нічога істотнага адбывацца не будзе. Палітыкі гэтак і будуць рашуча прамаўляць са сцэны, а народ — слухаць, чакаць выступаў музыкаў, апладзіраваць Клічко, Яцанюку і Цягнібоку, спяваць гімн. Агульная салідарнасць цесна пераплеценая тут з недаверам — недаверам да апазіцыі. Ніводзін з удзельнікаў Майдана, з якім мне ўдалося паразмаўляць, цалкам

Што варта мець падчас «гарачай» камандзіроўкі:

— каска
— яркая камізэлька з надпісам «Прэса»
— цёплая непрамакальная вопратка, узімку — тэрмакасцюм
— зручны абутак
— дзве сім-карты розных апаратараў
— 3G-мадэм
— запасныя акумулятары і карты памяці
— нататнік з выпісанымі важнымі тэлефонамі
— аптэчка з самымі неабходнымі лекамі

не давярае гэтай тройцы лідараў. Апазіцыя ж не давярае тым, хто гатовы да наўпроставых сілавых акцый, — іх нават называюць часам правакатарамі.

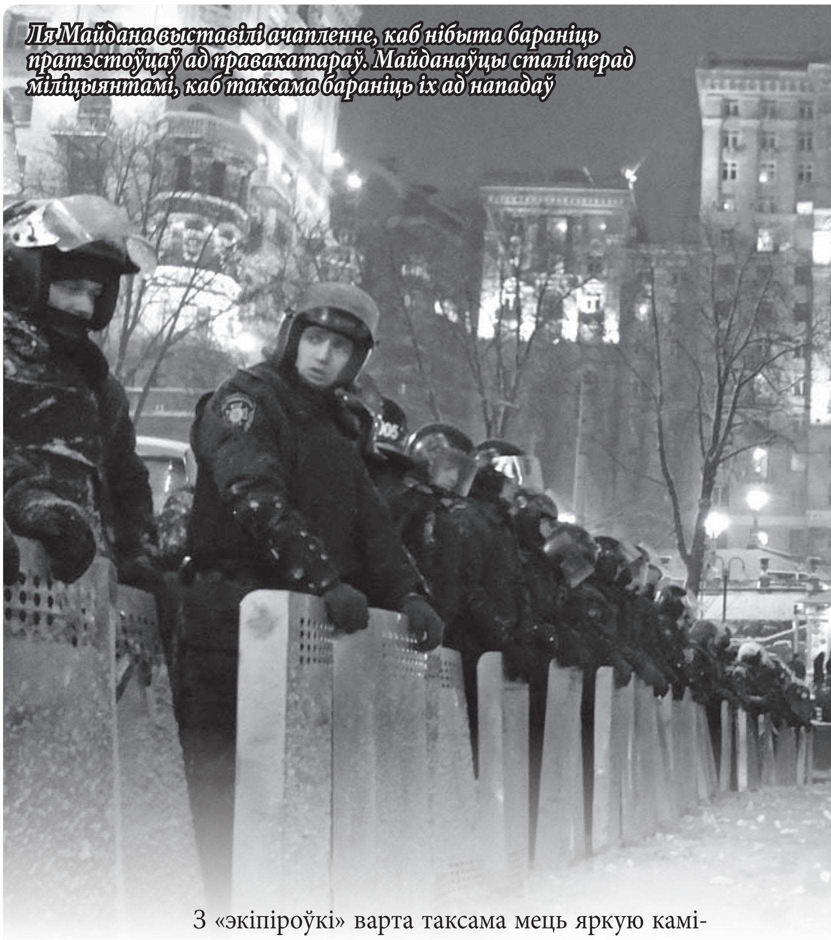
Беражыце галаву — вы ёю працуеце

Што на Майдане, што на барыкадах з «правакатарамі», — адчуваеш сябе дастаткова бяспечна. Да міліцыі і ўнутраных войскаў пратэстоўцы ставяцца не так негатыўна, як да «Беркута», што раней збіваў майданаўцаў. Таму і атмасфера адноснага спакою застаецца, нават калі насупраць стаяць «касманаўты» са шчытамі і дручкамі.

Але адчуванне бяспекі хутка праходзіць, калі становіцца вядома, што «Беркут» падцягвае сілы. Чакаючы штурму ў будынку Кіеўскай Рады, я шкадаваў толькі аб адным — што не маю каскі, як, напрыклад, мой абачлівы калега аператар Саша Баразенка. Ба! Цяпер і Саша не мае каскі — аддаў дзяўчыне-аператарцы.

Тым часам пратэстоўцы актыўна рыхтуюцца да штурму: ставяць барыкады, прымотваюць скотчам кавалкі пластыку і дрэва да рук і ног, каб абараніцца ад дубінак, хтосьці падкладае турыстычныя дыванкі з пенкі пад вопратку.

Калі вы будзеце збіраць торбу, каб паехаць на падобныя падзеі, пакладзіце туды каску. Можна звычайную будаўнічую ці хаця б шлем для раварыстаў. Магчыма, вы будзеце сябе адчуваць у гэты момант параноікам ці баязліўцам. Але ў гэтым няма нічога заганнага. Каска можа ўратаваць вас ад страсення глуздоў і тыдня-двух у шпіталі, калі раптам над галавою пачнуць свістаць камяні, бутэлькі ці міліцэйскія дручкі.

Ля Майдана выставілі ачапленне, каб нібыта бараніць пратэстоўцаў ад правакатараў. Майданаўцы сталі перад міліцыянтамі, каб таксама бараніць іх ад нападаў

З «экіпіроўкі» варта таксама мець яркую камізэльку з надпісам «Прэса», гэта можа ўратаваць вас ад траўмаў пры разгоне пратэсту. Калі, канечне, не будзе адмысловага загаду збіваць журналістаў. Але ў кожным выпадку варта трымацца трошкі збоку ад дэманстрантаў і таго ж міліцэйскага ачаплення, каб не апынуцца паміж молатам і кавадлам. Не факт, што кадры з цісканіны атрымаюцца добрымі — гэта першае, другое — не факт, што вы, калі «зачэпяць» усур'ёз, зможаце іх перадаць у рэдакцыю.

І апошняе — карыстайцеся заплечнікам. Тады ў вас не толькі будуць свабодныя рукі — заплечнік змякчыць удары міліцэйскага дручка. Падчас сілавых разгонаў міліцыянты любяць «прыкласці» менавіта па спіне.

Без тэлефона — як на бязлюдный выспе

Хлопцы з самаахоўы захопленага будынка Кіеўскай Рады бяруць у рукі металічныя пруты. Становіцца зразумела, што калі сапраўды будзе штурм, то застаюцца лічаныя хвіліны дзеля таго, каб пакінуць будынак. Мы з Сашам Баразенкам вырашаем застацца.

Падчас штурму можна схавацца пад стол і такім чынам спрабаваць уратавацца ад удараў спецназаўцаў. Але тут зараз пануе іншы погляд на рэчы. Калі ад стала адарваць ножкі — атрымаюцца чатыры дубіны і шырокая дошка, прыдатная для

Аляксандр Баразенка, аператар «Белсата»:

— Калі шчыра, на Майдане мяне нічога не здзівіла ў плане бяспекі журналістаў. Усё, як і ў нас: будзе загад біць журналістаў — будуць біць, будзе загад быць ласкавымі і ліберальнымі — супрацоўнікі сілавых органаў будуць «белыя і пушыстыя». Я патрапіў акурат на такую хвалю «лібералізацыі» ў дачыненнях СМІ і праваахоўнікаў.

Тым, хто ўпершыню на такіх акцыях, магу параіць апранацца больш цёпла, трымацца калегаў, безумоўна, насіць з сабою шлем, шалік (які можа трошкі дапамагчы ад газу), а лепш — процівагаз.

Галоўнае — быць побач з калегамі і слухацца парадаў больш дасведчаных журналістаў.

Наконт таго, ці было страшна… Ну не тое каб былі хвіліны, калі баяўся за жыццё, але адрэналінавых момантаў магу ўспомніць некалькі: штурханіну ля Банкавай, калі быў заціснуты паміж вялізным натоўпам мітынгоўцаў і атрадамі ўнутраных войскаў і «Беркута». Таксама двойчы ў Кіеўскай Радзе, калі з'яўлялася інфармацыя пра штурмы. Аднойчы, калі да штурму ўсё ж дайшло, прыехаў «Беркут», а мітынгоўцы забарыкадавалі будынак, і мне ўдалося праціснуцца туды ўнутр праз маленькае акенца. Прыкідваў, куды схаваць знятую картку, бо, калі штурм працягнецца, я адтуль ужо не выйду, а відэа захаваць трэба. Але штурму больш не было, і неўзабаве будынак зноў адчынілі.

Уладзь Грыдзін, фотажурналіст:
— Калі я працаваў у Кіеве, першае, што кінулася ў вочы, — гэта асцярожнасць беларусаў, якія ўжо пужаныя нашымі ўмовамі працы. Але калегі хутка прызвычайваюцца да больш лагодных умоваў і адчуваюць свабоду. Зрэшты, як паказваюць падзеі, свабода тая адносная. Калі «Беркуту» даюць каманду, — яны не глядзяць, што ты журналіст, хутчэй, наадварот: апазнавальныя знакі «Press» больш кідаюцца ў вочы і больш дражняць.
Узгадваецца таксама адна дзяўчына на снежаньскім Майдане. Яна выконвала службовыя журналісцкія абавязкі і была абгорнутая бел-чырвона-белым сцягам, а таксама мела шалік колераў украінскіх паўстанцаў. На маю думку, такія людзі толькі падстаўляюць сваіх калег падобнымі ўчынкамі. Тут ты альбо журналіст, альбо актывіст (у дадзеным выпадку змагар). Тым, хто збіраецца ехаць на падобныя акцыі ўпершыню, я б параіў... увогуле туды не ехаць. Бо для працы ў такіх умовах трэба мець досвед. Сярод беларускіх калег такі досвед маюць адзінкі...

барыкады. Стаяць бутэлькі з вадою — можна намачыць шалік, каб у выпадку газавай атакі закрыць рот і нос ды хоць трохі ўратавацца.

«Я ў будынку Кіеўскай Рады. Чакаем штурму. Тэлефануйце», — гэтая СМС у рэдакцыю так і засталася ў «чарнавіках» майго тэлефона як віртуальны напамін пра тое, што грошай на сувязь лепш не шкадаваць. Менавіта ў гэты момант выявілася, што скончыліся грошы нават на роўмінгавай сім-картцы. А што можа быць горшае для рэпарцёра, як трапіць у вір падзеяў — і застацца без магчымасці аператыўна перадаваць інфармацыю ў рэдакцыю?

Каб абараніць сябе ад непрыемных сюрпрызаў з сувяззю, варта мець дзве сім-карты: адна — мясцовага аператара, другая — роўмінгавая. Менавіта роўмінгавая карта можа саслужыць вам добрую службу, калі вы апынецеся ў месцы, дзе «не цягне» вашая «лакальная» сімка. Тая, што на роўмінгу, «зловіць» сетку з «першым-лепшым» сігналам. У ідэале варта мець тэлефон на дзве «сімкі», каб не губляць час на перастаўленне картак. Другі варыянт — купіце старую добрую «Nokia» вытворчасці пачатку 2000-х. Калі раптам яе забяруць сілавікі, «труба» разаб'ецца ці згубіцца, — не будзе шкада. Да таго ж тэлефоны з тых часоў не дарма называюць «неўміручымі».

Яшчэ маленькі хітрык — нумар рэдакцыі ці надзейнага чалавека, які напэўна не адключае тэлефон на ноч і будзе ў стане распаўсюдзіць інфармацыю, напрыклад, пра вашае затрыманне, запішыце такім чынам, каб у кантактах ён быў першым радком. Напрыклад, «aaaaRedakcyja». Тады ў экстрэмальных сітуацыях вы зможаце падаць знак, звязацца з гэтай асобаю, не дастаючы руку з тэлефонам з кішэні.

Юрась Высоцкі, журналіст «Белсата»:
— Калі я трапіў на Майдан, далёка не ўсе журналісты насілі каскі і камізэлькі. Троху адрэналіну было падчас размоваў з рэгіяналамі, па сутнасці нейкімі «браткамі». Міліцыянты тады ўвогуле ніяк на журналістаў не звярталі ўвагі.
Але каска, накаленнікі і камізэлька ў мяне заўсёды былі з сабой. Без іх не выходзіў з гатэля. Былі яшчэ маска і акуляры для лыжнікаў на выпадак, калі будзе выкарыстоўвацца слёзацечны газ. Таму галоўная парада — браць усё гэта з сабою. Для аператараў-экстрэмалаў варта і капу баксёрскую захапіць, бо некаторыя атрымалі ў зубы ды папракусвалі языкі.

Падрыхтуйце «тылы»

На месцы падзеяў журналіст бачыць нашмат больш, чым седзячы ў рэдакцыі. Аднак не заўсёды. Маштаб такіх пратэстаў, як той, што на Майдане, не дазваляе вам быць заўсёды ў цэнтры падзеяў. Дадайце да таго плыні дэзінфармацыі і плётак — і сапсаваны працоўны дзень амаль што гарантаваны.

Калегі, што знаходзяцца ў рэдакцыі і ў стане манітараваць сацыяльныя сеткі і іншыя СМІ, могуць і мусяць падказваць вам, дзе адбываецца самае важнае. Часам таксама трэба, адкінуўшы ўласныя планы і амбіцыі, падпарадкавацца «цэнтру»: гэта можа быць заданне зрабіць інтэрв'ю з ключавой асобаю ці трапіць на важную прэс-канферэнцыю.

Перад штурмам. Саша Баразенка ўгаварыў калегу ўзяць ягоную каску

Каска і камізэлька — неабходная частка экіпіроўкі фотакарэспандэнта

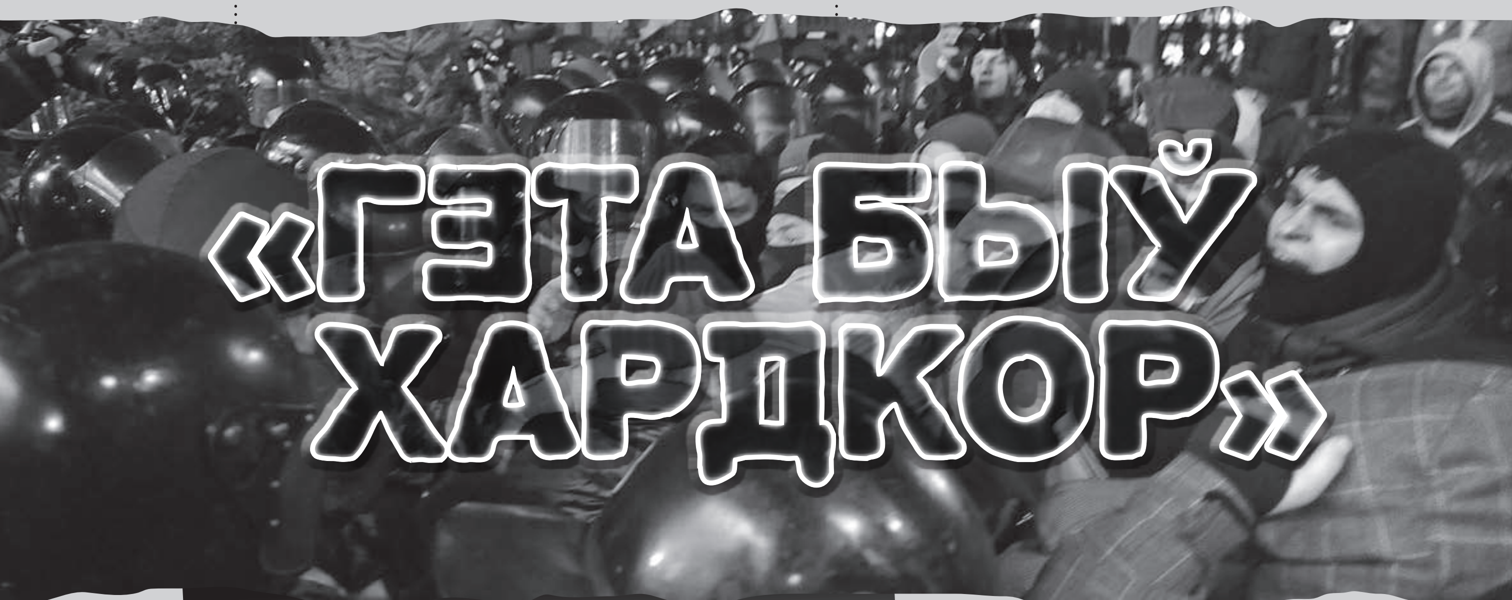
Калі вы працуеце не сам-адзін, а з фотарэпарцёрам, тым больш — аператарам, абавязкова трэба трымаць сталую сувязь, каардынаваць свае планы з калегам. Бо часам давядзецца «падзяляцца»: хтосьці робіць «карцінку», хтосьці піша тэкст. У ідэале вы ў кожную хвіліну мусіце ведаць, дзе знаходзіцца ваш калега і дзе вы можаце сустрэцца, калі раптам пачне адбывацца нешта важнае.

Другі важны пункт адносна «тылоў» — вашае месца жыхарства. Яно павінна быць максімальна блізкае да месца падзеяў, лепш за ўсё, калі ад вашага нумара ў гатэлі ці кватэры можна дайсці туды пешшу. «Дома» заўсёды мае быць пітная вада, хаця б лёгкі «перакус» (печыва, шакалад), падрыхтаваная сухая цёплая вопратка на змену (ніхто не дасць вам гарантыі, што не трапіце пад вадамёт ці банальны лівень).

Трымайцеся праўды

Калі мой калега Алесь Залеўскі запісваў чарговы стэнд-ап для інфармацыйнага блока на нашым канале, за аператарам сталі некалькі хлопцаў. Яны ўважліва слухалі, што гаворыць Алесь на камеру. А потым патлумачылі, што рабілі гэта не з прычыны цікаўнасці, а... «щоб ні спиз***в». Яны бачылі сюжэты некаторых расейскіх калегаў і, відавочна, былі расчараваныя іх непраўдзівасцю. Калі б аўтара тых сюжэтаў пабачылі яшчэ раз, але не на экране, а на Майдане, каска наўрад ці дапамагла б.

Фота аўтара

«Гэта быў хардкор»

Аўтары і героі «Бяспечнага Майдана» апынуліся пад ударам праз пару дзён пасля напісання артыкула для «Абажура».

Журналіст «Белсата» Сяргей Марчык, якога разам з калегам Юрыем Высоцкім «Беркут» збіў у Чаркасах, распавёў Радыё «Свабода» пра абставіны збіцця і затрымання.

«Я такога на барыкадах нават не бачыў. Я бачыў на свае вочы, як дзеда гадоў шасцідзесяці-сямідзесяці “Беркут” расстрэльваў гумовымі кулямі проста ва ўпор, недзе з метра — па нагах, у твар. Я не магу вам сказаць нават, у якім стане цяпер гэты чалавек», — журналіст Сяргей Марчык патрапіў у Чаркасах у надзвычай небяспечнае месца і апынуўся ў шпіталі.

«На мне была бронекамізэлька, яна мне ўратавала рэбры, — распавядае Сяргей Марчык. — Але ногі-рукі — усё ў страшных сіняках. Моцна пабіты. На галаву наклалі 11 швоў, але лекары сказалі, што страсення няма і косткі цэлыя».

Журналісты «Белсата» выправіліся ў Чаркасы з Кіева разам з калонай Аўтамайдана.

«Я і мой калега Юрый Высоцкі разам рабілі матэрыял пра незалежных журналістаў, якія пацярпелі ад рук праваахоўнікаў ва Украіне. Мы ўвечары разам з калонаю Аўтамайдана паехалі ў Чаркасы. У гэтай жа калоне ехала Тацццяна Чарнавол, украінская журналістка, якая пацярпела ад нападу афіцыйна невядомых, але падобных да спецслужбоўцаў супрацоўнікаў. Яна нас найбольш цікавіла як асоба для нашага рэпартажа. Калі мы прыехалі, там, у Чаркасах, распачаўся захоп адміністрацыйнага будынка», — распавядае рэпарцёр.

«У пэўны момант з’явіўся “Беркут”— і далей быў хардкор», — кажа Сяргей.

Вось як тое было — з першых вуснаў: «Мы здымалі здарэнне: аднаго з беркутаўцаў збіў аўтамабіль. Мы якраз здымалі гэты момант і рабілі побач “стэнд-ап”. У пэўны момант беркутаўцы раззлаваліся ў тым ліку і на нас, наляцелі, пачалі біць. Мой калега паспрабаваў мяне неяк выцягнуць з-пад дубінак “Беркута”, але пачалі збіваць і яго.

Нас пабілі, пасадзілі ў машыну. Разбілі і адразу забралі ўсю тэхніку.

Мяркую, у пэўны момант “Беркуту” далі загад біць журналістаў. Пабілі не толькі нас, але, падаецца, і журналістаў “5-га канала”, “Інтэра” і нейкага мясцовага канала.

Не магу сказаць, колькі дакладна было затрымана. У тым аўтобусе, дзе я сядзеў, было 9 чалавек, і побач — яшчэ чалавек 9–10. Але, калі мы ад’язджалі, я бачыў два аўтобусы, шчыльна набітыя людзьмі. Агулам можна сказаць, што 30–40 чалавек затрыманых былі ў аўтобусах.

Пасля пэўных перамоваў і зваротаў да міліцыянтаў нас выпусцілі, бо ў нас — польскія журналісцкія пасведчанні. Мяне адвезлі ў шпіталь, бо мне трэба было швы накладаць на галаву. А калегу адвезлі ў міліцэйскі пастарунак.

Ён спрабаваў падаць заяву пра страту — а фактычна пра крадзёж — тэхнікі, бо ў нас яе афіцыйна ніхто не канфіскоўваў. Але яму пачалі пагражаць, пачалі ціснуць на яго. Урэшце ён ледзь здолеў выбрацца з гэтага пастарунку. Прыехаў у шпіталь, там яму прапанавалі мінімальную медычную дапамогу.

Цяпер, дзякуючы дапамозе журналістаў, мы выехалі з Чаркасаў у Кіеў».

Сяргей шкадуе, што не ўдалося ўратаваць ніякіх здымкаў, але галоўнае — удалося ўратаваць жыццё.

Паводле Радыё «Свабода»

Репортер на массовых акциях:

постараемся избежать опасностей и задержания

Освещение журналистами массовых акций — работа рискованная. В Беларуси, где власти крайне редко санкционируют проведение протестных мероприятий и где задержаниями заканчиваются не только оппозиционные митинги, но и вполне безобидные флэшмобы (например, знаменитые молчаливые акции с аплодисментами лета 2011 года), журналистов вынудили понять: власть использует милицию как дополнительный фильтр, который должен препятствовать попаданию информации в СМИ.

Специфика работы журналистов во время уличных акций

Сотни репортеров пострадали в Беларуси во время и после уличных мероприятий. Примечательно, что в кризисных ситуациях на протяжении многих лет угрозы работающему журналисту только в единичных случаях исходили от демонстрантов, — журналистов задерживали, избивали, незаконно привлекали к административной ответственности сотрудники силовых и правоохранительных структур. На некоторых акциях «зачистки» в отношении представителей СМИ проводились очень жестко, иногда же силовики ведут себя с прессой более или менее лояльно.

Как правило, в инструкциях по безопасности журналисту, который собирается работать на массовой акции, прежде всего рекомендуется заручиться поддержкой властных структур. Например, International News Safety Institute советует предупредить власти о том, что ваше издание или телеканал планирует освещать акцию протеста, узнать номер телефона ответственного лица (начальника полиции, приемной мэра и т. п.). Однако ни уведомление властей о работе на акции, ни официальная аккредитация не являются полной гарантией безопасности. Опытные репортеры, освещающие массовые мероприятия в Беларуси, говорят, что прогнозировать, каким будет поведение силовых структур во время той или иной акции, практически невозможно.

Рассказывает Любовь Лунева, которая в качестве корреспондента Радио «Свобода» работала на акциях с конца девяностых: «В начале двухтысячных у командира ОМОНа Подобеда на акциях была четкая политика: журналистов не трогать и при видеокамерах никого жестоко не задерживать. И демонстранты часто старались держаться поближе к нам, потому что знали, что при нас, во всяком случае, жестко хватать их никто не будет. Хотя и тогда всякое было…

Однажды меня “пригласили” в автозак, и один омоновец там как-то жутко, истерично орал. Я позвонила Подобеду. Тогда у многих журналистов, которые работали на акциях, был его номер. Меня довезли до Оперного театра и отпустили, причем этот, который орал, очень вежливо и ласково извинился и подал мне руку.

Первое, что начали делать силовики после смены командования, — стали толкать, заслонять, не давать репортерам снимать. Подножка фотокору, который бежит что-то снять, — это стало уже традиционным профприемом. И на одного журналиста стали выходить три здоровых парня, которые закрывают объектив, выбивают камеру… То есть, если раньше начальник говорил: “На видеоряд никого не бить”, — то сейчас ставится задача — не дать сделать саму картинку».

Действительно, многие журналисты свидетельствуют, что во время массовых акций по милицейской рации можно слышать приказ: «Работаем без картинки!» Для журналиста это может стать сигналом, что стоит начать вести себя более осторожно. Нужно обратить внимание и на другие признаки в поведении сотрудников силовых структур.

— Следите за позицией, которую занимает милиция (рассеялись в толпе, стоят стеной), отмечайте присутствие спецназа. Наличие во дворах «автозаков», автобусов без номерных знаков — предвестие массовых задержаний. Присутствие спецназа указывает на возможное применение слезоточивого газа, дубинок, других способов силового разгона акций протеста.

— Если милиция препятствует съемке на начальном этапе мероприятия, можно предположить, что дальше ее действия могут стать более радикальными, и следует заранее позаботиться о сохранении данных.

— Если демонстранты настроены враждебно, повышен градус агрессивности, конфронтация с милицией более вероятна. Также нужно учитывать, движутся демонстранты или стоят на месте с плакатами, собираются ли они делать что-либо противозаконное (бить окна и т. п.). Необходимо помнить, что журналист может пострадать и от действий толпы.

В зависимости от прозвучавшего приказа милиция может преследовать следующие цели:

1. Ограничить акцию. В этом случае милиция (спецназ) искусственно блокирует толпу, ограничивая передвижение участников акции. Возможны задержания отдельных активистов, журналистов.

2. Разогнать акцию. Происходит наступление стены спецназа с дубинками, применяется специальное оружие для разгона демонстрации. Действия милиции более агрессивны, чем во время блокирования.

3. Применять «случайные задержания». Иногда во время акций протеста милиция использует тактику «группы задержания», чтобы вычленить, арестовать предположительных лидеров акции, отделить их от толпы и таким образом оказать психологическое давление на людей. Если по толпе движется группа из 3–4 милиционеров — лучше посторониться, опустить камеру.

4. Целенаправленно препятствовать журналистской деятельности. В данном случае возможны аресты именно журналистов, конфискация и повреждение техники.

С марта 2010 года на некоторых массовых акциях работает информационная группа, состоящая из сотрудников пресс-службы ГУВД Мингорисполкома. И хотя пресс-секретарь ГУВД Александр Ластовский рекомендует журналистам держаться ближе к его сотрудникам, отмечая, что такое местоположение может быть максимально безопасным, известны случаи, когда даже те репортеры, которые находились рядом с представителями информационной группы ГУВД, подвергались жестокому задержанию.

Роль журналистского удостоверения при работе на массовых акциях

Накануне одной из акций летом 2011 года пресс-секретарь ГУВД Александр Ластовский предупреждал в своем блоге журналистов: «Если вы журналист (см. определение в Законе Республики Беларусь «О СМИ»), у вас должно быть редакционное удостоверение либо аккредитация МИД РБ установленного образца. Если у вас аккредитации или удостоверения нет или вы отказываетесь их предъявить, — вы участник несанкционированной акции и, следовательно, можете быть подвергнуты административной ответственности по ст. 23.34 КоАП РБ… Блогеры, фрилансеры по белорусскому законодательству — не журналисты, но небольшие исключения могут быть сделаны тем, кого я знаю лично. Таковым необходимо иметь при себе документ, удостоверяющий личность, и найти меня».

В целях повышения безопасности при работе на массовых акциях журналистам все же стоит обзавестись служебными удостоверениями.

Почему у вас спрашивают удостоверение? Сотрудники правоохранительных органов ссылаются на п. 4.9 ст. 34 Закона о СМИ, в соответствии с которым журналист при осуществлении профессиональных обязанностей

должен предъявлять по требованию служебное удостоверение.

Что делать фрилансерам (в том числе сотрудничающим с зарубежными СМИ)? Получить служебное удостоверение внештатного корреспондента средства массовой информации, зарегистрированного в Беларуси.

Что делать журналистам, сотрудничающим с интернет-ресурсами? При невозможности получить служебное удостоверение внештатного корреспондента они могут подстраховаться служебным удостоверением корреспондента интернет-ресурса с печатью его редакции. Стоит иметь с собой удостоверение члена журналистской организации. Однако надо учитывать, что с 2010 года, когда Минюст признал незаконной выдачу членам БАЖ бейджей с надписью «Пресса», такие удостоверения свидетельствуют лишь о принадлежности к журналистской организации, а не о статусе журналиста.

К сожалению, наличие удостоверения — даже иностранного корреспондента, даже корреспондента иностранного СМИ, аккредитованного при МИД РБ, — не спасает журналистов, работающих на массовых акциях протеста в Беларуси, ни от избиения, ни от задержания, ни от повреждения техники. Однако в большинстве случаев оно позволяет избежать привлечения к административной ответственности, штрафа или ареста.

Подготовка к освещению массовых акций протеста

Практика убеждает: полных гарантий безопасности у журналиста, работающего на массовых мероприятиях в Беларуси, сегодня нет. Поэтому при подготовке к такой работе нужно тщательно продумывать стратегию собственной безопасности.

Самое главное — четко осознавайте возможные последствия. Это могут быть:

— получение психических и физических травм;

— повреждение и / или утрата профессионального оборудования;

— задержание;

— привлечение к административной ответственности, штраф или арест.

Обязательно спросите себя, готовы ли вы к этому. Если испытываете страх, сомнения или серьезные переживания, вам не стоит отправляться освещать массовое мероприятие. Займитесь другой работой — это совершенно нормально. Если же вы морально готовы ко всему вышеперечисленному, серьезно отнеситесь к этапу планирования предстоящей работы.

Постарайтесь как можно лучше защитить свое тело. Надевайте одежду с длинными рукавами, в холодное время года — плотную шапку, перчатки. Это поможет в некоторой степени защитить от травм голову и руки. Избегайте таких деталей одежды, аксессуаров, за которые можно схватить: капюшонов, длинных шарфов, бейджиков на шнурке или бус (ничего не вешайте на шею!). Если носите очки, положите в рюкзак футляр с запасными. Линзы, конечно, удобнее, но в случае применения для разгона акции спецсредств (например, слезоточивого газа) линзы доставят больше проблем. Пусть под рукой будут беруши — они помогут, если будут применяться шумовые гранаты. Возьмите с собой также бинт и йод, воду с лимоном (промыть глаза, если будет применяться слезоточивый газ; для защиты от воздействия газа можно захватить плавательные очки).

Возможно, вам придется спешно покидать место событий. Наденьте удобную обувь (лучше без шнурков). Изучите местность — знайте, где можно укрыться (дворы, подъезды, кафе и т. д.). Если поблизости живут ваши знакомые или родственники — предупредите, что можете явиться к ним, попросите ключ от кодового замка на двери подъезда.

Учитывайте, что вас могут задержать. Оденьтесь тепло и комфортно (если не жарко, можно надеть на себя дополнительную смену белья). Положите в рюкзак зубную щетку, бутылку воды, шоколад или батончики, бутерброд. Запрограммируйте кнопки быстрого набора на телефоне — это должны быть номера редактора, адвоката (правозащитника), близких. Создайте шаблоны для sms: «Меня задержали», «Нахожусь в… РУВД» и т. п.

Позаботьтесь о том, чтобы ваш телефон был заряжен. Имейте дополнительную батарею.

Распечатайте положения белорусского законодательства, на которые сможете ссылаться при общении с представителями власти, и положите этот листок в карман.

Удостоверение и паспорт (водительские права) держите при себе. Не кладите их в рюкзак или сумки, которые можно потерять в суматохе или на бегу. Не имейте с собой никаких противозаконных или подозрительных вещей.

Правила профессионального поведения журналиста при освещении акции протеста

Понятно, что читатели, зрители, слушатели хотят получать как можно более полную информацию о «горячих» событиях, и репортеры стремятся обеспечить им такую возможность. Именно поэтому журналисты обычно находятся в эпицентре событий.

Белорусские власти часто относятся к журналистам как к участникам несанкционированной

массовой акции, но самим репортерам очень важно в максимальной степени сохранять профессиональный нейтралитет. Самое главное правило, которого должен придерживаться журналист, освещающий массовую акцию, — не идентифицировать себя с участниками событий и не противопоставлять себя силовикам. Даже если вы разделяете позицию и требования митингующих, — эмоционально оставайтесь в стороне, помните, что вы находитесь на работе (как, собственно, та же милиция или бойцы спецподразделений). К тому же вы идентифицированы как журналист: на вас жилет или бейдж, в руках камера, диктофон. Ваша задача — как можно больше увидеть, качественнее снять или записать.

Лучше держаться рядом с другими журналистами. Операторам рекомендуется работать в паре — ведь, снимая, они не в состоянии видеть, что происходит за спиной. Пусть коллега прикрывает спину оператора. Однако при этом не забывайте, что ни один репортаж, ни один кадр или видеоряд, какими бы они ни были с профессиональной точки зрения, не стоят вашего здоровья (тем более — жизни!).

Поэтому необходимо четко контролировать ситуацию. Если становится понятно, что силовики начали «зачистку» (по рации слышны приказы: «Работаем без картинки!» — коллег хватают, бьют, вырывают у них аппаратуру и т. д.), — выбирайтесь из толпы, уходите с места событий. Быстро прячьте аппаратуру в сумку. Если работали со штативом, а надо бежать — штатив лучше бросить. Ни при каких условиях не нужно оказывать физического сопротивления представителям власти — если вас задержали, не стоит отбиваться или пытаться вырваться. Следует также предусмотреть возможности сохранения отснятого (записанного) материала и передачи его в редакцию на случай, если вы будете задержаны. Способы сохранения материала обсудите с коллегами в редакции и придерживайтесь избранной тактики.

Рекомендуется, например, передавать отснятый материал в редакцию частями, чтобы в случае вашего задержания вся ваша работа не пропала даром.

Журналисты, имеющие опыт работы на массовых акциях в Беларуси, рекомендуют коллегам:

1. Находиться сбоку от колонны демонстрантов. Если нужно записать что-то в гуще событий, делайте это быстро и возвращайтесь на свое место. Для записи интервью лучше вывести человека из толпы на обочину.
2. Держаться группы коллег. Установите контакты с другими журналистами, которые собираются освещать событие, договоритесь о месте встречи, совместном передвижении.
3. При виде жестокой сцены (избиение, грубое задержание и т. п.) исключить эмоциональное участие. Вмешательство журналиста в этом случае вряд ли поможет участнику акции, но способно еще больше накалить ситуацию. Лучше продолжайте снимать.
4. Обозначать себя: бейдж, жилетка, повязка на руку, наклейки, удостоверение в прозрачном кармане и т. п.
5. Не нужно разговаривать с силовиками на повышенных тонах и провоцировать агрессию по отношению к себе. Если вы просите удостоверение у того, кто вас задерживает, не берите документ в руки — просто взгляните и запомните фамилию.
6. В случае задержания как можно скорее сообщайте в редакцию либо правозащитникам (например, в БАЖ). В участке сразу показывайте свое удостоверение и объясняйте, что присутствовали на акции в качестве журналиста.

Задержание и избиение милицией во время уличных акций

В марте 2006 года, во время предпоследних президентских выборов, было задержано 45 белорусских и иностранных журналистов, многие из которых по сфабрикованным обвинениям были осуждены к административному аресту сроком до 15 суток. Несколько журналистов

были жестоко избиты милицией — например, корреспондент «Комсомольской правды в Беларуси» Олег Улевич получил сотрясение мозга и перелом носа.

Во время последних президентских выборов 19 декабря 2010 года задержанию подверглись как минимум 27 журналистов, 21 был избит, 10 осуждены к административному аресту на срок от 10 до 15 суток, шестеро подверглись уголовному преследованию. В 2011 году было зафиксировано не менее 150 случаев задержания журналистов, в большинстве своем — на различных уличных акциях. Печальная статистика, увы, пополняется. Способы задержаний хотя и варьируются, но похожи.

«Я чувствовала действие слезоточивого газа, першило в горле, был сильный кашель. Меня задержали вместе с другими. Некоторые люди лежали в автозаке на полу, задержания были очень жесткие, — фотокорреспондент Юлия Дорошкевич рассказывает о своем задержании во время освещения одной из молчаливых акций протеста летом 2011 года. — Потом в РУВД приехал пресс-секретарь ГУВД Ластовский. Это стало уже традицией: сначала жестко задерживают журналистов, ломают им аппаратуру, потом в участок приезжает Ластовский и разбирается».

Иногда журналистов просто «временно нейтрализуют» — как говорят силовики, «для вашей же журналистской безопасности». Были случаи, когда, продержав репортера некоторое время в автозаке и удалив сделанные снимки, милиционеры говорили: «Какое задержание? Вам стало плохо, мы вам помогли!»

Если вас задержали во время массовой акции, за этим могут последовать следующие действия:

— вас отпускают без составления протокола, удалив либо не удалив с ваших камер информацию;

— у вас изымают технику, носители информации (в этом случае обязательно необходимо требовать составления протокола изъятия или внесения соответствующей записи в протокол об административном задержании, правонарушении);

— в отношении вас составляется протокол об административном задержании либо административном правонарушении; затем вас либо отпускают (позднее вам придется явиться в суд), либо задерживают до суда;

— вас судят (как правило, за нарушение порядка организации или проведения массового мероприятия или пикетирования либо за мелкое хулиганство).

Белорусские журналисты нередко подвергаются задержанию не только во время работы на массовых акциях. Перед знаковыми политическими событиями иногда репортеров задерживают превентивно.

Репортеров, сотрудничающих с неаккредитованными иностранными СМИ, в Беларуси регулярно задерживают по всей стране, забирают технику (порой под предлогом, что «такая камера находится в розыске»), выносят прокурорские предупреждения за незаконное занятие журналистской деятельностью, привлекают к административной ответственности. Иногда незаконные действия милиции в отношении журналистов удается оспорить.

Помните: журналист, сотрудничающий с иностранными СМИ, не совершает никаких преступлений. Более того, такая деятельность гарантирована Конституцией и международно-правовыми договорами Республики Беларусь.

Белорусский Закон о СМИ понимает под журналистом иностранного СМИ штатного сотрудника редакции этого СМИ, связанного с ней трудовыми отношениями (п. 6 ст. 1 указанного Закона). Из этого следует, что получать аккредитацию в МИДе обязаны только журналисты, состоящие в штате редакции иностранного СМИ. Если же репортеры, сотрудничающие с иностранными СМИ в качестве фрилансера, не состоят в штате редакции, то и обязанность получать аккредитацию в качестве журналиста иностранного СМИ в соответствии с законом на них не распространяется.

Если во время работы к вам подходит милиция и требует документы, вы должны:

1. Спокойно поинтересоваться, в связи с чем вы заинтересовали правоохранительные органы.
2. Показать по их требованию свое удостоверение личности (паспорт, военный билет, журналистское удостоверение, водительские права), попросить их удостоверение.
3. Подчиняться требованиям милиции; если вам предложат проехать в участок — надо проехать.
4. Связаться с адвокатом (правозащитником).
5. Если дело дойдет до изъятия оборудования, кассет, — требуйте составления протокола изъятия, тщательно следите, чтобы все было в нем зафиксировано.

Вы не обязаны отвечать на вопрос, зачем и для кого производите съемку и почему находитесь в данном месте (в соответствии со ст. 27 Конституции Республики Беларусь никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников). Если вам говорят, что похожая на вашу камера недавно была украдена и находится в розыске, предлагают по этой причине проехать в милицию, спросите, имеется ли заявление о такой краже, и пообещайте обжаловать действия сотрудников милиции.

Если вам говорят, что вы не задержаны, а доставлены в участок для выяснения личности, требуйте обратно свой паспорт (ваша личность уже установлена!) — и прощайтесь. Если не отпускают — требуйте предъявить «Книгу замечаний и предложений». Будьте настойчивы, но вежливы и неагрессивны.

Помните, что применять физическую силу милиция имеет право только в исключительных случаях:

— для пресечения административных правонарушений;

— для задержания личностей, которые правонарушения совершили;

— в целях самообороны;

— для противостояния сопротивлению законным требованиям — только в том случае, когда это невозможно сделать ненасильственным путем.

Если ваши права при задержании или в участке нарушены, действия милиции вы можете обжаловать (и это нужно делать!) высшему должностному лицу либо в вышестоящий орган, в прокуратуру или суд.

Задержание — что это такое с правовой точки зрения?

Административное задержание — это фактическое кратковременное ограничение свободы физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, за совершение им административного правонарушения, доставление его в орган, ведущий административный процесс, и содержание в данном органе.

Административное задержание может длиться, как правило, не более трех часов. На срок свыше трех часов, но не более чем на 72 часа, могут быть задержаны лица, совершившие административное правонарушение, за которое в качестве взыскания предусмотрены административный арест, депортация. В тех статьях КоАП, по которым обычно задерживают журналистов, арест в качестве одного из видов наказаний предусмотрен, и, соответственно, задержание может длиться 72 часа.

Административное задержание на срок свыше трех часов оформляется протоколом. Срок административного задержания физического лица исчисляется с момента его фактического задержания. Сотрудники милиции могут провести личный обыск задержанного (в присутствии понятых, лицами одного пола), изъять у него вещи и документы, имеющие значение для принятия решения по делу об административном правонарушении. О личном обыске задержанного и об изъятии у него вещей и документов составляются отдельные протоколы либо делаются соответствующие записи в протоколе об административном правонарушении или в протоколе административного задержания физического лица.

ПИКоАП допускает фото- и видеосъемку задержанных. Их дактилоскопирование допускается только в случаях, если за административное правонарушение предусмотрено наказание в виде ареста. Речь здесь идет именно о задержанных, а не о тех, кого доставили в милицию для установления личности (зачастую милиция злоупотребляет своими правами).

Среди основных прав задержанного:

— требовать, чтобы сотрудники милиции сообщили о его задержании членам семьи, близким родственникам или адвокату;

— давать объяснения или отказываться от них;

— заявлять ходатайства;

— иметь защитника (адвоката) с момента начала административного процесса, а в случае административного задержания — с момента объявления о задержании;

— беспрепятственно разговаривать со своим адвокатом один на один и конфиденциально.

Право иметь адвоката с момента объявления о задержании — одно из наиболее важных. Соглашение с адвокатом должно быть заключено заранее — в противном случае этим придется спешно заняться вашим родственникам или коллегам. Если вы ощущаете себя в «зоне риска», позаботьтесь о заключении предварительного соглашения с адвокатом. В любом случае вы можете настаивать на праве иметь адвоката и без такого

Правила поведения журналиста в момент и после задержания:

1. Не будьте агрессивны. Иначе вас могут привлечь не только к административной ответственности за неповиновение либо оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий, но даже к уголовной — за сопротивление работнику милиции или иному лицу, охраняющему общественный порядок (ч. 1 ст. 363 УК РБ).
2. Предупредите, что вы журналист (а не участник акции протеста), покажите удостоверение. Попытайтесь выяснить и запомнить фамилии тех, кто вас задерживает. Вежливо попросите показать удостоверение. Не пытайтесь взять его в руки.
3. Фиксируйте момент фактического задержания. Если задержание длится дольше трех часов, оно должно оформляться протоколом.
4. Требуйте, чтобы про ваше местонахождение сообщили адвокату или родным, — вы имеете на это право. Если у вас травма — вы имеете право на медицинскую помощь.
5. Следующим вашим требованием должно быть ходатайство про адвоката. Если вас собираются снимать на фото или видео либо подвергнуть дактилоскопии, вы можете отказываться от проведения этих действий до прибытия защиты.
6. Если вы решили дать объяснения по делу, проследите, чтобы они были точно отражены в протоколе опроса, который должен быть вам предоставлен для ознакомления.
7. Внимательно читайте все протоколы и заносите в них все свои замечания (в том числе о нарушении ваших прав при задержании, о повреждении профессионального оборудования или носителей информации и т. п.). Отказ от подписания протокола большого смысла не имеет: в нем будет сделана запись о том, что вы от подписания отказались, и в дальнейшем это может создать возможности для манипуляций с текстом протокола, его переписывания.
8. В случае изъятия у вас вещей и документов внимательно следите за тем, чтобы все они были перечислены в протоколе изъятия (или в протоколе об административном правонарушении, задержании).
9. Требуйте, чтобы вас ознакомили со всеми материалами дела и выдали на руки копию протокола об административном правонарушении.
10. Как только представится возможность, обжалуйте все незаконные действия и решения против вас, делайте информацию об этом как можно более публичной, обращайтесь за помощью к коллегам, местным и международным организациям. Журналисты, которые пострадали от неправомерных действий милиции, от задержаний во время акций протеста, других нарушений профессиональных прав, должны относиться к этому не просто как к факту профессиональной биографии. Они должны воспринимать это не только как собственную проблему, но и как нападение на всю журналистику.

соглашения. Иногда это принуждает милицию освободить задержанного для заключения соглашения с защитником.

Что делать в случае, если вы были избиты, техника — поломана?

Подавать заявление в прокуратуру и суд. Тот, кто бил вас или ломал вашу камеру (иногда аппаратуру выбивают из рук оператора и демонстративно топчут ногами), может быть зафиксирован в кадрах, сделанных коллегами. Постарайтесь просмотреть как можно большее количество доступных вам фото- и видеоматериалов. Может быть, кто-то из пишущих журналистов снимал события на портативную камеру или мобильный телефон — такие съемки могут оказаться очень кстати. Если вам удастся обнаружить фото или видео, на котором запечатлен человек, нанесший повреждения вам или вашей технике, обязательно сделайте копии этих документов и приложите их к своему заявлению.

По сути, все вышеописанные случаи подпадают под определение ст. 198 УК РБ — «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста». Она предусматривает наказание — от штрафа до лишения свободы на срок до трех лет.

З Юрасём Карманавым, карэспандэнтам беларускага бюро агенцтва «Associated Press», мы гутарылі, калі ён яшчэ не ведаў, што днямі яго зноў тэрмінова адправяць у Кіеў...

www. baj.by

Юрась Карманаў: «Стандарты, якім цябе аднойчы навучылі, дазваляюць захоўваць халодную галаву...»

Мы распытвалі калегу пра папярэднюю камандзіроўку ва Украіну, якая доўжылася з 25 лістапада да 24 снежня, ды пра ўмовы працы журналістаў. На момант нашай размовы ўжо былі прынятыя рэпрэсіўныя папраўкі ва ўкраінскае заканадаўства, але жорсткіх разгонаў са стралянінай і крывёю яшчэ не адбылося.

Падзеі ў суседняй краіне развіваліся імкліва, і напрыканцы студзеня, калі процістаянне ва Украіне дасягнула вышэйшага накалу, мы стэлефанаваліся з Юрасём, каб між іншага перапытаць, ці актуальныя яшчэ ягоныя парады ды развагі.

Ён лічыць, што так.

— Як было сфармулявана тваё «рэдакцыйнае заданне»? Як выглядалі штодзённыя абавязкі?

— У Кіеў выклікалі мяне і фотакарэспандэнта Сяргея Грыца — нечакана, бо падзеі ва Украіне вельмі імкліва разгортваліся. Трэба адзначыць, што наша беларускае бюро ўжо не першы раз выязджае на дапамогу ўкраінскім калегам. У беларусаў няма абсалютна ніякіх праблем з разуменнем украінскай мовы і ўкраінскіх рэаліяў. Мы вельмі плённа працавалі там і ў часе «памаранчовай» рэвалюцыі, і даволі часта потым, таму пэўная інтэграванасць у іх сітуацыю была.

Калі мы працуем ва Украіне, то імкнемся даваць панарамную карціну падзеяў. Напрыклад, гэтым разам мы жылі ў Кіеве, але лёталі і на ўсход Украіны, які радыкальна адрозніваецца ад таго, што мы бачым у сталіцы...

У Кіеве мы пасяліліся ў вельмі кепскім гатэлі, які называецца «Казацкі». Галоўная яго перавага — вокны выходзяць на Майдан, і ўсе майданаўскія падзеі фактычна адбываліся ў нумары. З побытавага гледзішча гэта была проста катастрофа, бо я не мог ні спаць, ні адпачываць, але для працы — фантастычна. Калі быў разгон у ноч на 30 лістапада, я пачуў, што на Майдане сціхла музыка, паглядзеў у акно і ўбачыў, што там стаіць «Беркут» і пачынаецца зачыстка. Я адразу патэлефанаваў у бюро і, выбягаючы з гатэля, ужо дыктаваў інфармацыю. Мы перадавалі звесткі пра ўсё хвіліна ў хвіліну і былі першымі, хто паведаміў свету пра гэтыя падзеі.

Кожны дзень пачынаўся з таго, што я выходзіў з гатэля, ішоў на працу ў бюро праз Майдан, браў свежанькія цытаты ў людзей, заходзіў у намёты, глядзеў, якая сітуацыя ў гэтым намётавым мястэчку... А дзясятай у нас была планёрка, мы размяркоўвалі абавязкі на дзень, потым былі нейкія прэс-канферэнцыі, сустрэчы.

На другім паверсе Дома прафсаюзаў на Майдане працаваў вялікі прэс-цэнтр, дзе ўсе журналісты тусаваліся. Умовы там, дарэчы, — проста пазайздросціць: бясплатны wi-fi, бясплатныя кава-гарбата, спіс прэс-канферэнцый, кожны дзень па два-тры брыфінгі прадстаўнікоў апазіцыі, прамая трансляцыя з Майдана...

Пры канцы дня я зноў вяртаўся ў гатэль, але фактычна праца працягвалася: у нас па чарзе былі дзяжурствы на Майдане, бо па начах усе чакалі магчымага разгону.

— З кім з журналістаў, акрамя калег па «Associated Press», даводзілася найбольш шчыльна кантактаваць?

— Там было даволі шмат людзей з Беларусі. Напрыклад, з Аляксандрай Дынько з Радыё «Свабода» мы абменьваліся інфармацыяй, было вельмі шмат фатографаў, былі калегі з «Белсата», з «Нашай Нівы». Проста беларускія журналісты звычайна бывалі «наездамі» на два-тры дні, бо іх рэдакцыі не маглі ім дазволіць доўга там сядзець.

Не ведаю, чаму, але я за ўвесь час не сустрэў ніводнага журналіста з беларускіх дзяржаўных СМІ. Што да недзяржаўных — магу сказаць, што яны працуюць паводле нармальных еўрапейскіх стандартаў журналістыкі. Да таго ж беларусы абсалютна ўсё цудоўна разумеюць і значна лепш арыентуюцца ва ўкраінскай сітуацыі, чым калегі з больш далёкага замежжа. Калі быў разгон 30 лістапада, у мяне было адчуванне дэжавю: быццам я на Кастрычніцкай плошчы ў Мінску ў 2006-м. І беларускія журналісты, ужо ведаючы, як і што можа быць, паводзілі сябе асцярожна, навучаныя горкім досведам.

— Калі ты, вярнуўшыся ў Мінск, дзяліўся ў нас у офісе першымі ўражаннямі, то адразу сказаў пра адсутнасць страху ў тамтэйшых журналістаў...

— Я магу сказаць, што ўмовы працы журналістаў ва Украіне — фантастычныя ў параўнанні з Беларуссю і Расіяй. І гэта — дасягненне ўкраінцаў за дваццаць гадоў незалежнасці. Вырасла новае пакаленне журналістаў, грамадзянаў, абсалютна пазбаўленых пачуцця страху. Гэта маё галоўнае ўражанне ад візіту ва Украіну, і гэта фундаментальна адрознівае ўкраінцаў ад беларусаў і расійцаў.

Гэтая адсутнасць страху бачная ва ўсім: у тым, як паводзяць сябе дэманстранты, якія б'юцца з «Беркутам»... Сам факт узнікнення такіх грандыёзных барыкадаў азначае, што ўкраінцы не маюць намеру здавацца. Яны будуць змагацца, і гэтая адсутнасць страху дыктуе мадэль паводзінаў, у тым ліку і журналістам.

Я быў абсалютна ўражаны, калі ў ноч 30 лістапада ўкраінскі «5-ы канал» здымаў разгон, і яны тут жа, на Майдане, селі зліваць знятыя кадры ў камп'ютар. Журналістка зноў пачала праглядаць карцінкі гэтай брутальнай зачысткі, узрушылася, расперажывалася па другім разе праз усё ўбачанае, узяла свой камп'ютар і пайшла проста да «беркутаўцаў», паказваючы ім: «Вось, паглядзіце, што вы нарабілі! Гэта — вашых рук справа!..»

Уявіць такое ў Беларусі абсалютна немагчыма, а ва Украіне гэта нармальны стыль паводзінаў.

— Гэта адсутнасць таго самага «горкага досведу» ці наступства больш высокага статусу журналіста ў грамадстве?

— Я думаю, што тут адыгрывае ролю агульная атмасфера ў дзяржаве. Ва ўкраінцаў мноства тэлеканалаў, газет, сайтаў. Ва Украіне журналіст — гэта чалавек, які здабывае і распаўсюджвае інфармацыю, і яго не ўспрымаюць як ворага.

Яшчэ раз хачу падкрэсліць, што ва Украіне непараўнальна лепшыя ўмовы для працы журналістаў. У гэтай краіне вельмі лёгка патрапіць у дзяржаўныя ўстановы, узяць каментары ў чыноўнікаў. Тыя могуць не браць слухаўку, але, калі ты ўсё ж зловіш чыноўніка «жыўцом», ён абавязаны табе што-небудзь сказаць. Разгаварыць яго — гэта ўжо твая прафесійная задача...

Доступ да інтэрнэту, стварэнне і падтрымка сайтаў, існаванне недзяржаўных арганізацый — усё гэта да апошняга часу ва Украіне было вельмі проста, і гэта спрыяла сацыяльнай адкрытасці, станаўленню грамадзянскай супольнасці. І менавіта таму тое, што адбываецца цяпер, так непакоіць і насцярожвае, бо фактычна гэта не крокі, а скокі ў мінулае і вяртанне да той практыкі, якая існуе ў Беларусі і ў Расіі.

Але менавіта праз тое, што ва ўкраінцаў ёсць такія кепскія прыклады, яны гэтак балюча рэагуюць на цяперашнія падзеі. Канешне, яны баяцца страціць тое, чаго дасягнулі за дваццаць гадоў сваёй незалежнасці...

Дарэчы, украінскія журналісты бяруцца за вельмі небяспечныя тэмы. Магу сказаць, што я з захапленнем чытаў украінскія выданні, дзе абмяркоўваецца тэма карупцыі. У прынцыпе, цікаўны ўкраінец мае магчымасць атрымаць абсалютна ўсю інфармацыйна-аналітычную панараму сваёй краіны. У іх ёсць цудоўныя выданні: «Украинская правда», «Дзеркало тижня», — і тэлеканалы, што вельмі важна. Нягледзячы на розных уласнікаў, яны больш-менш аб'ектыўна асвятлялі тое, што адбывалася ў Кіеве.

— Але ж вядома і пра факты маніпулявання...

— Калі мы гаворым пра СМІ — якраз яны спраўляюцца са сваёй задачай. Але ж ёсць і СМІП — сродкі масавай інфармацыі і прапаганды. У Расіі гэта, напрыклад, тэлеканал РТР. Калі я глядзеў навіны РТР у гатэлі, для мяне гэта было як трансляцыя з іншай краіны. Гэта было нават не скажэнне, а абсалютная хлусня. Яны называлі дэманстрантаў «баевікамі», расійскі аналітык Кісялёў распавядаў, як нямецкі міністр Гіда Вестэрвеле «прыехаў да свайго каханка Віталя Клічко», — проста бруд і хлусня. Тое ж самае можна сказаць пра працу тэлеканала «Russia Today», які проста ўсё падаваў навыварат. Фактычна гэта было скажэнне пазіцыі аднаго боку — тых, хто стаяў на Майдане, і ўсхваленне пазіцыі тых, хто падтрымліваў Януковіча.

Даволі шмат украінцаў глядзяць расійскае тэлебачанне ў Кіеве. Але такія рэпартажы выклікалі ў іх адваротную рэакцыю: яны бачылі хлусню на РТР і выходзілі на Майдан удвая злейшыя — каб паглядзець, што ж адбываецца насамрэч.

Я нават быў сведкам таго, як журналісты РТР, ладзячы прамыя эфіры, стараліся стаць у недасяжнае для дэманстрантаў месца, на які-небудзь узгорачак. І вось у часе аднаго з мільённых мітынгаў у нядзелю дэманстранты ўсё ж абступілі журналіста РТР, калі ён быў у жывым эфіры, і ўручылі яму «Оскара за хлусню». У яго была прамая трансляцыя, і ён там пачаў ледзь не біцца...

Мне ў гэтым сэнсе было вельмі лёгка, бо я працаваў для «Associated Press», дзе існуюць жорсткія

стандарты: два бакі, каментары адных і другіх і заўсёды надзвычай узважаная падача таго, што адбываецца. Вось гэтыя стандарты, якім цябе аднойчы навучылі, выратоўваюць і дапамагаюць працаваць, не ўцягваючыся ў сітуацыю. Бо я магу мець розныя адчуванні як грамадзянін, але гэта не павінна ўплываць на маю працу. І гэтыя стандарты дазваляюць захоўваць халодную галаву і больш-менш аб'ектыўна ацэньваць тое, што адбываецца.

— А што рабілі журналісцкія арганізацыі? Ці заўважная была іх праца?

— Адразу зазначу, што, у адрозненне ад Беларусі, ва Украіне дзясяткі журналісцкіх арганізацый, якія вельмі жорстка дзеляць паміж сабой кірункі працы: адукацыя, прафсаюзныя справы, абарона журналістаў, рэформа заканадаўства і г. д. У іх няма такой «парасонавай» структуры, як БАЖ. Я б сказаў, што яны раздробленыя і што ў іх моцная канкурэнцыя, а салідарнасць выяўляецца ў крытычныя моманты — кшталту сітуацыі з нападам на журналістку Чарнавол. Цяпер, калі адбываецца відавочны наступ на свабоду слова, журналісцкія арганізацыі таксама аб'ядноўваюцца, разам заклікаючы адстойваць падставовыя прынцыпы.

Хтосьці з іх прынёсіў у прэс-цэнтр камізэлькі з надпісам «Прэса», хтосьці — процігазы, нататнікі. Яны імкнуліся дапамагчы, чым маглі, разумеючы цяжкасці ў працы калегаў. Але нейкай глабальнай кансалідацыі я не заўважыў. Кожны робіць сваю справу. Можа, гэта і слушна — прафесійна дзяўбці сваю дзялянку...

— А да арганізацыі працы агульнага прэс-цэнтра журналісцкія аб'яднанні не мелі дачынення?

— Прэс-цэнтр ладзіўся не самімі журналістамі, а арганізатарамі Майдана. Як сцэна з вялікімі калонкамі і плазменнымі экранамі — частка інфраструктуры Майдана, так і прэс-цэнтр.

І тут варта сказаць наогул пра сітуацыю ва Украіне, якая моцна адрозніваецца ад беларускай. Там адбылася прыватызацыя, і з'явіўся клас уласнікаў, багатых людзей. Навошта ім дэмакратыя? Бо яна гарантуе ім бяспеку вядзення бізнесу. Чаму яны хочуць у Еўропу? Не таму, што ёсць такі прыгожы міф, а таму, што еўрапейскія стандарты гарантуюць ім бяспеку. Гэтыя людзі маюць грошы і хочуць гарантавана мець добрыя стандарты жыцця, а ў гэтым ім можа дапамагчы Еўропа.

У Беларусі ж прыватызацыя не адбылася. У нас 80 % прадпрыемстваў належыць дзяржаве, няма класа ўласнікаў, і, адпаведна, няма носьбітаў ідэі дэмакратыі. У нас тыя, хто падтрымлівае дэмакратычны шлях развіцця, — гэта пераважна інтэлігенцыя і тыя, каго ў СССР называлі дысідэнтамі. Але глыбінных матываў падтрымліваць гэтыя дэмакратычныя каштоўнасці ў людзей няма, бо яны працуюць на дзяржаўных заводах і атрымліваюць дзяржаўны заробак. Адпаведна, чакаць нейкіх зменаў у Беларусі не выпадае. І ў гэтым істотнае адрозненне Беларусі ад Украіны. Бо там на Майдан выходзяць дробныя бізнесоўцы, сярэдні клас, буйныя алігархі, якія спансаруюць Майдан, — каб абараніць свае правы і тое, што ім трэба ў штодзённым жыцці. Яны давалі грошы — украінскія ўнутраныя грошы — на Майдан. І працавалі паліттэхнолагі, якія ведалі, што трэба стварыць умовы працы — і для журналістаў у тым ліку...

У Беларусі, на маю думку, няма такіх бізнесоўцаў і грошай, якія здольныя прафінансаваць Майдан ці хаця б прэс-цэнтр. І ў нас усё быццам бы больш «сумленна» — у тым сэнсе, што гэта ўсё робіцца ўласнымі сіламі, кожная ініцыятыва ідзе не «зверху», а «знізу», а ўсё, што ўзнікае, паўстае дзякуючы шчыраму імкненню, бясплатна...

І яшчэ адной думкаю хочацца падзяліцца. На Майдане, мне здаецца, зараз руйнуецца Расійская імперыя. Мы бачым, як Крэмль учапіўся за Украіну, разумеючы, што, як толькі Украіна сыходзіць у Еўразвяз, разбураецца міф пра Расійскую Імперыю, вялікую і магутную. І тады Расія ператвараецца ў нармальную нацыянальную дзяржаву, якая будуе свой унутраны строй паводле еўрапейскага ўзору. Бо як жа будаваць імперыю, калі Украіны ўжо няма? І я думаю, што, як у XX стагоддзі беларусы «ўплылі» ў незалежнасць «хвастом» пасля Украіны, гэтаксама, калі ўкраінцам удасца цягам бліжэйшых некалькіх гадоў патрапіць у Еўразвяз і імперскія амбіцыі Расіі будуць змяншацца, — і беларусы атрымаюць шанец апынуцца ў ЕЗ.

— Многія нашы калегі шукаюць магчымасці рэалізавацца за мяжой — у той жа Украіне. Для сябе ты ніколі не разглядаў такога варыянта?

— Кожны ж выбірае для сябе. Я нарадзіўся ў Беларусі, усё жыццё пражыў у Беларусі, і мне тут зручна працаваць, бо я працую ўжо 14 гадоў для замежнага агенцтва. Пакуль што мне ніхто не пагражае фізічна, і таму я даволі камфортна пачуваюся. А гэтыя камандзіроўкі даюць мне магчымасць рэалізавацца творча, бо я адчуваю сябе запатрабаваным журналістам.

У той жа час я абсалютна разумею калег, якія не могуць рэалізавацца ў Беларусі, якім перашкаджаюць, выганяюць з месца працы, а гэтых месцаў у Беларусі не так і шмат... Яны шукаюць рэалізацыі ў іншых умовах і паспяхова гэта робяць — многія з тых, хто выехаў, зрабілі добрую кар'еру і ў Расіі, і ва Украіне, яны запатрабаваныя, і за іх можна толькі парадавацца.

Але мне вельмі не хочацца з'язджаць з Беларусі. Бо, нягледзячы на тое, як я стаўлюся да дзяржавы Беларусь, я вельмі люблю краіну Беларусь.

Дагэтуль невядомы лёс аператара Дзмітрыя Завадскага

Дзмітрый Завадскі, аператар расійскага тэлеканала «ОРТ», знік без вестак 7 ліпеня 2000 г.

У той дзень Завадскі паехаў у аэрапорт «Мінск-2» сустрэць свайго калегу — журналіста Паўла Шарамета. Аднак на стаянцы аэрапорта Шарамет знайшоў толькі пустую машыну Завадскага.

14 сакавіка 2002 г.

Мінскі абласны суд амаль праз два гады пасля знікнення Дзмітрыя Завадскага прызнаў вінаватай у выкраданні журналіста групу былога супрацоўніка спецпадраздзялення «Алмаз» Валерыя Ігнатовіча, асудзіўшы двух чалавек (В. Ігнатовіча і М. Маліка) на пажыццёвае зняволенне, а яшчэ некалькіх — на розныя тэрміны пазбаўлення волі. Паводле абвінавачання, матывам злачынства сталася помста: Завадскі, змясціўшы ў адным з рэпартажаў знятыя ім у «гарачай кропцы» кадры, на думку следства і суда, публічна абвінаваціў Ігнатовіча ва ўдзеле ў чачэнскай вайне на баку баевікоў. Асуджаныя не прызналі сваёй віны па ніводным з інкрымінаваных эпізодаў.

27 лістапада 2003 г.

Суд Фрунзенскага раёна г. Мінска прыняў рашэнне пра прызнанне зніклага журналіста памерлым.

10 снежня 2003 г.

Пракуратура Беларусі аднавіла расследаванне па справе пра знікненне Завадскага. Не выключана, што аднаўленне справы было звязана з візітамі ў Мінск спецыяльнага дакладчыка паліткамітэта Парламенцкай Асамблеі Рады Еўропы Хрыстаса Пургурыдэса, які рыхтаваў справаздачу пра зніклых і ў лістападзе — снежні 2003 г. двойчы наведваў Мінск.

31 сакавіка 2004 г.

Пракуратура Рэспублікі Беларусь другі раз прыпыніла расследаванне справы пра знікненне Дзмітрыя Завадскага, спаслаўшыся на «необнаружение безвестно исчезнувшего лица».

9 красавіка 2004 г.

Міжнародная арганізацыя «Рэпарцёры без межаў» і Грамадскае аб'яднанне «Беларуская асацыяцыя журналістаў» выступілі з супольнай заявай, у якой выказалі сваю заклапочанасць з нагоды спынення расследавання крымінальнай справы, заведзенай па факце знікнення тэлеаператара Дзмітрыя Завадскага.

20 ліпеня 2004 г.

На прэс-канферэнцыі для беларускіх і замежных журналістаў Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь Аляксандр Лукашэнка заявіў, што валодае дакументамі, паводле якіх «справа Завадскага ператворыцца ў антысправу».

4 жніўня 2004 г.

Маці зніклага журналіста Вольга Завадская падала ў Пракуратуру Рэспублікі Беларусь заяву аб аднаўленні расследавання справы пра знікненне Дзмітрыя ў сувязі з наноў адкрытымі акалічнасцямі. Вольга Завадская падкрэслівала: са словаў А. Лукашэнкі на прэс-канферэнцыі вынікае, што кіраўнік дзяржавы валодае фактычнай інфармацыяй і дакументамі, якія маюць дачыненне да справы пра знікненне Дзмітрыя Завадскага, але дагэтуль не абнародаваныя і не вывучаныя следствам і судом. Вольга Завадская запатрабавала правесці пракурорскую праверку гэтых фактаў і, пры наяўнасці падставаў, узбудзіць вытворчасць па справе ў звязку з наноў адкрытымі абставінамі. Пракуратура ніяк не адрэагавала на зварот, і 17 верасня В. Завадская падала ў суд Цэнтральнага раёна Мінска скаргу на незаконныя дзеянні пракурорскіх работнікаў, патрабуючы абавязаць іх даць матываваны адказ.

12 кастрычніка 2004 г.

Суддзя суда Цэнтральнага раёна г. Мінска С. В. Ганчар адмовіўся разглядаць скаргу В. Завадскай на дзеянні службовых асобаў Пракуратуры Рэспублікі Беларусь у сувязі з «непадведамаснасцю» справы. Пасля гэтага В. Завадская падала скаргу ў суд вышэйшай інстанцыі.

25 лістапада 2004 г.

Калегія Мінскага гарадскога суда пад старшынствам суддзі Лугіной адхіліла скаргу В. Завадскай.

3 снежня 2004 г.

В. Завадская атрымала ліст з Пракуратуры Рэспублікі Беларусь за подпісам начальніка ўпраўлення Ф. А. Шэдава. У дакуменце было сказана, што «вывучэннем крымінальнай справы па абвінавачанні Ігнатовіча і Маліка выяўлена, што ў ёй сабраны ўсе матэрыялы па ўказаным эпізодзе злачынства (...) Іншых матэрыялаў у органах пракуратуры і іншых дзяржаўных арганізацыях няма. Пры такіх акалічнасцях няма падставаў для ўзбуджэння вытворчасці па наноў адкрытых абставінах…». З адказу пракуратуры не зразумела, ці былі запатрабаваныя і вывучаныя дакументы, пра існаванне якіх заявіў на прэс-канферэнцыі 20 ліпеня А. Лукашэнка і якія прасіла ў сваёй заяве даследаваць В. Завадская.

10 снежня 2004 г.

В. Завадская накіравала скаргу Генеральнаму пракурору П. Міклашэвічу на адмову Рэспубліканскай пракуратуры ўзбуджаць вытворчасць па наноў адкрытых абставінах у справе пра знікненне яе сына.

7 красавіка 2005 г.

Маці Завадскага Вольга Рыгораўна атрымала паведамленне з Пракуратуры Рэспублікі Беларусь пра «ўзнаўленне папярэдняга расследавання ў адпаведнасці з ч. 3 арт. 249 УПК Рэспублікі Беларусь». У дакуменце гаворыцца, што «папярэдняе расследаванне крымінальнай справы № 980159, узбуджанай па факце бясследнага знікнення 7 ліпеня 2000 г. Вашага сына Завадскага Дзмітрыя, 4 красавіка 2005 г. узноўлена ў сувязі з неабходнасцю правядзення следчых дзеянняў па дадзенай справе».

4 траўня 2005 г.

У газеце «Народная воля» з’явілася публікацыя М. Коктыш пад назвай «Труп Дзмітрыя Завадскага можа быць знойдзены на адных з беларускіх могілак». У ёй гаварылася, што ў Пракуратуру РБ паступіла хадайніцтва ад юрыста, намесніка старшыні БХК Гары Паганяйлы, з просьбай правесці эксгумацыю і даследаванне некалькіх трупаў, каб выключыць альбо пацвердзіць прыналежнасць аднаго з іх Дзмітрыю Завадскаму.

23 чэрвеня 2005 г.

На прэс-канферэнцыі ў Пракуратуры Беларусі намеснік генеральнага пракурора краіны Барыс Тарлецкі пацвердзіў, што пракуратура аднавіла следства па справе пра забойства Завадскага. «Створаныя і працуюць следчыя групы, праводзяцца следчыя мерапрыемствы», — сказаў ён. Паводле Б. Тарлецкага, «ужо ёсць новыя напрацоўкі па гэтай справе».

31 сакавіка 2006 г.

Расследаванне крымінальнай справы пра выкраданне журналіста Дзмітрыя Завадскага

было ў чарговы раз прыпынена. Пра гэта маці журналіста Вольга Завадская даведалася толькі ў траўні — з ліста намесніка начальніка аддзела па расследаванні справаў пра карупцыю Пракуратуры Рэспублікі Беларусь, малодшага дарадцы юстыцыі Івана Бранчаля. Паводле дакумента, «уголовное дело, возбужденное по факту исчезновения Дмитрия Завадского, приостановлено 31 марта 2006 г. по п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК РБ в связи с необнаружением бесследно исчезнувшего лица».

10 траўня 2006 г.

Міжнародная праваабарончая арганізацыя «Рэпарцёры без межаў» выказала абурэнне з нагоды чарговага прыпынення расследавання справы. Праваабаронцы нагадалі, што неаднаразова заклікалі беларускія ўлады пачаць незалежнае расследаванне.

30 траўня 2006 г.

На прэс-канферэнцыі ў Мінску генеральны пракурор Беларусі Пётр Міклашэвіч заявіў, што падначаленае яму ведамства «працягвае пошукі Дзмітрыя Завадскага». «На гэты момант месцазнаходжанне Дзмітрыя Завадскага не выяўлена, але пракуратура Беларусі працягвае яго пошук. І раней праводзіліся праверкі шэрагу эпізодаў па дадзенай справе, і яны праводзяцца і цяпер. Месцазнаходжанне Дзмітрыя Завадскага высветліць не ўдалося», — адзначыў П. Міклашэвіч на сустрэчы з журналістамі 30 траўня.

Каментуючы гэтае выказванне, намеснік старшыні БАЖ, юрыст Андрэй Бастунец падкрэсліў, што Пракуратура Беларусі не звяртае ўвагі на рашэнне суда пра прызнанне Завадскага памерлым (27 лістапада 2003 г., суд Фрунзенскага раёна) і не ставіць пытання пра ўзбуджэнне справы аб забойстве журналіста: «Генеральны пракурор, здаецца, наўмысна акцэнтуе ўвагу на пошуках «месцазнаходжання Завадскага», быццам бы гаворка ідзе пра жывога чалавека. Складаецца ўражанне, што пытанне пра яго магчымае забойства (а тым самым — пра прыцягненне да адказнасці вінаватых у гэтым злачынстве) пракуратурай ігнаруецца».

30 чэрвеня 2006 г.

ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» распаўсюдзіла заяву напярэдадні 6-й гадавіны бясследнага знікнення журналіста Дзмітрыя Завадскага. «Беларуская асацыяцыя журналістаў», выказваючы меркаванне больш як тысячы сваіх сябраў, настойліва патрабуе ад кампетэнтных праваахоўных органаў узбудзіць і правесці ў поўным аб’ёме расследаванне ўсіх абставін знікнення журналіста Дзмітрыя Завадскага. Мы не супакоімся да таго часу, пакуль не даведаемся ўсёй праўды пра гэтае агіднае злачынства, пакуль не будуць названыя імёны яго натхняльнікаў і выканаўцаў. Мы памятаем і заўсёды будзем памятаць свайго калегу і сябра Дзіму Завадскага», — гаварылася ў заяве.

7 ліпеня 2006 г.

У 6-ю гадавіну знікнення журналіста ў Мінску прайшла акцыя «Ланцуг неабыякавых людзей»: каля 18.30 некалькі дзясяткаў чалавек — калегі, знаёмыя, блізкія Дзмітрыя Завадскага, сябры маладзёвых арганізацый — сабраліся на Кастрычніцкай плошчы і паспрабавалі разгарнуць партрэты журналіста і зніклых без вестак апазіцыйных палітычных дзеячоў. Аднак байцы міліцэйскага спецназу ў форме і ў цывільным выціснулі грамаду з плошчы.

Акцыю падтрымалі і ў іншых гарадах краіны: у Магілёве на рэкламных шчытах і тумбах грамадскія актывісты расклеілі ўлёткі з напамінам пра тое, што злачынцы, якія выкралі журналіста, не знойдзеныя і не пакараныя.

У Брэсце паўтара дзясятка актывістаў апазіцыі сталі ўздоўж адной з цэнтральных вуліц горада — Пушкінскай, трымаючы ў руках партрэты журналіста. Яны раздавалі мінакам кніжку «Рэаліі беларускай журналістыкі», выдадзеную Фондам імя Дзмітрыя Завадскага.

У Гродне з ініцыятывы актывістаў Аб’яднанай Грамадзянскай Партыі 7 ліпеня была зладжана акцыя «Салідарнасць у імя свабоды». Каля 17.30 дзясятак маладых людзей з запаленымі свечкамі стаялі на Савецкай плошчы. Амаль адразу ж да іх падышлі супрацоўнікі міліцыі і загадалі разыходзіцца. Удзельнікі акцыі не падпарадкаваліся, і сямёра з іх былі затрыманыя міліцыяй. Яны правялі дзве гадзіны ў РУУС Ленінскага раёна Гродна: з іх узялі тлумачэнні, пасля чаго адпусцілі.

30 жніўня 2006 г.

Расійскі «Першы канал» агучыў імёны лаўрэатаў штогадовай прэміі імя Дзмітрыя Завадскага «За мужнасць і прафесіяналізм»: у 2006 г. імі сталі беларускія журналісты Андрэй Дынько (галоўны рэдактар газеты «Наша Ніва»), Юлія Дарашкевіч (фотакарэспандэнт газеты «Наша Ніва») і Алег Улевіч (карэспандэнт газеты «Комсомольская правда» в Беларуси»). Прэмію заснавала за шэсць гадоў да таго ААТ «Першы канал», дзе працаваў Дзмітрый Завадскі. Гэтую ідэю падтрымала таксама ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», якая штогод бярэ ўдзел у вылучэнні кандыдатаў у лаўрэаты: спачатку кандыдатуры абмяркоўваюцца Праўленнем БАЖ, а потым іх разглядае Рада дырэктараў «Першага канала».

Уручэнне прэміі адбылося ў Мінску ***11 верасня 2006 г.*** Прэміі ўручаў Павел Шарамет, кіраўнік аддзела спецпраектаў «Першага канала», калега Д. Завадскага.

Цягам наступных гадоў адказныя асобы праваахоўных органаў не агалосілі новых звестак пра абставіны знікнення і сапраўдны лёс Дзмітрыя Завадскага.

Журналісцкая супольнасць атрымала ў асобах Вольгі Рыгораўны Завадскай і Святланы Завадскай паплечнікаў у справе барацьбы за свабоду прэсы.

Алег Груздзіловіч:

«Пакуль міліцыя — галоўны чыннік нашай небяспекі»

Журналіст Радыё «Свабода» Алег Груздзіловіч — адзін з ветэранаў «экстрэмальнага» рэпарцёрскага жанру. Падчас «маўклівых акцыяў» пратэсту, што прайшлі па ўсёй Беларусі летам 2011 года, Груздзіловіч пры выкананні рэпарцёрскага абавязку быў затрыманы міліцыяй ажно некалькі разоў.

— Алег, ці Вы можаце прыгадаць гэтыя затрыманні? Як яны адбываліся, што Вы адчувалі?

— Першы раз мяне тады затрымалі на Кастрычніцкай плошчы. Там паставілі турнікеты — і мінакі мусілі ісці паміж праспектам і праезнай часткай вузенькай палосачкай, ручаінкай. Я падышоў, каб гэта зняць, выбраў удалы ракурс, а міліцыянт загадаў адысці, «не мешать людям». І калі я не пагадзіўся: «Я не перашкаджаю, я здымаю!» — дык намеснік начальніка гарадской міліцыі Яўсееў, які стаяў побач, загадаў: «У аўтобус яго!» Мяне схапілі. Спачатку проста цягнулі, потым паднялі за рукі-ногі, забралі флэш-карту, сцерлі ўсе запісы… Кінулі ў аўтобус, пабілі. Ніхто не зважаў — ты ўдзельнік акцыі ці журналіст. Там знаходзіліся некалькі чалавек у чорным, і яны білі — па спіне, па патыліцы, рукамі, нагамі... Я крычаў, што я журналіст, паказваў пасведчанне... Але ксіва іх не цікавіць. Гэта шарагоўцы — калі ім прынеслі чарговага затрыманага, значыць, загад быў, і яны цябе апрацоўваюць так, як у іх заведзена. А потым прыносяць новага — і ты ім ужо нецікавы… Потым мяне павезлі ў міліцыю разам з усімі, і толькі там разабраліся, што журналіст, і урэшце выпусцілі. Я тады не толькі пацярпеў фізічна — я ж нічога ў рэдакцыю не перадаў, не запісаў... Журналісцкая праца мая пацярпела.

На наступнай акцыі, праз тыдзень, я хоць і быў больш асцярожны, але зноў патрапіў пад хапун. Я здымаў, як пачалі хапаць людзей. Двойчы ўдарылі па камеры, адзін раз яе нават выбілі, а потым нейкі міліцыянт у цывільным схапіў мяне ззаду і пацягнуў у аўтобус. Але кіроўца не зачыніў дзверы, і я проста ўцёк адтуль. А іншыя затрыманыя сядзелі, як авечкі, нічога не прадпрымалі. Хлопец там стаяў і праз дзверы паказваў знак «V» — потым я бачыў гэтага хлопца на здымку на «Свабодзе», — дзверы былі адчыненыя, а ён стаяў. Я проста яго крыху плячом пасунуў і выскачыў з гэтага аўтобуса. Метраў дваццаць бег, потым убачыў, што ніхто за мной не гоніцца, — вярнуўся і працягваў здымаць.

Наступным разам, калі збіраліся на маўклівую акцыю па раёнах, я адказваў за асвятленне падзеяў на пляцоўцы каля Нацыянальнай бібліятэкі. Там было мала людзей, але пачаліся брутальныя затрыманні… Затрымлівалі інваліда, хлопцаў на веласіпедах — я здымаў і пытаўся ў міліцыянтаў: «Навошта вы гэта робіце?» І мяне схапілі, зацягнулі ў невялікі міліцэйскі ўазік, павезлі; потым яшчэ чатырох закінулі. Пакуль везлі ў міліцыю, я здымаў, зрабіў з гэтага ўазіка невялікі сюжэт, які потым выйшаў на расейскім тэлебачанні...

І ў чацвёрты раз, на плошчы Якуба Коласа, — гэта была амаль што апошняя акцыя, — я бегаў, здымаў гарачыя кропкі… Там білі па руках, але чамусьці на пляцоўцы не адважваліся захопліваць. А калі акцыя ўжо скончылася і ўсе разышліся, да мяне падскочылі і затрымалі ў метро. Пратрымалі каля гадзіны там, пад зямлёй, потым падагналі аўтобус з іншымі затрыманымі, павезлі ў РАУС, і там я быў да ночы, але нічога не сцерлі — усю інфармацыю, што я зняў, мне пакінулі…

— Вам не падаецца дзіўным, што пакінулі інфармацыю?

— Я тлумачу гэта тым, што часам такімі акцыямі кіруюць мясцовыя, лакальныя начальнікі, якія проста не ведаюць, што рабіць. Бо калі яны былі

супраць карцінкі — дык чаму не ўзялі камеру, не сцерлі здымкі? Нават не глядзелі нічога... Можа, ім было непатрэбна, каб менавіта зараз з'явілася гэтая інфармацыя, а заўтра — хай бы з'яўлялася...

Цяжка патлумачыць логіку паводзінаў міліцыянтаў. Яны кожны раз паводзяць сябе па-рознаму. Адныя пратрымалі паўтары гадзіны ў пастарунку, потым завезлі ў другі, але пры гэтым не праверылі, не забралі камеру... Ці вось гэтыя, якія мне дазволілі зняць матэрыял у аўтазаку. Я дазволу не пытаўся, але яны праз акно бачылі, што я здымаю... Там былі міліцыянты раённага аддзела — ім гэта, як кажуць, да лямпачкі. Узялі ля бібліятэкі, прывезлі ў пастарунак — там хай разбіраюцца... Калі змагаецеся з журналістамі — дык змагайцеся з інфармацыяй, але не бачна, каб гэта адбывалася.

Хаця вось на першым затрыманні, калі Яўсееў загадваў, усё сцерлі, а потым прыйшлі яшчэ раз і забралі картку. Скралі, можна сказаць.

— Вы кажаце, што не разумееце логіку паводзінаў міліцыі. Але ж нейкія заканамернасці, можа, бачыце — дзякуючы свайму багатаму досведу?

— Сітуацыя заўсёды складаецца па-рознаму. Вось я ўзгадваю сярэдзіну 90-х, калі пачаліся масавыя акцыі і ганенні на журналістаў. Тады мне таксама даводзілася ўцякаць ад міліцыянтаў — адзін падпалкоўнік на мяне тыцнуў пальцам і сказаў: «Гэтага забраць». Я проста пабег, і мяне не схапілі. Потым быў час, калі асабліва не хапалі журналістаў. Потым 2000 год — на плошчы Якуба Коласа зноў усіх пабралі; быў загад усім разыйсціся, журналісты стаяць, чакаюць, думаюць, што гэта тычыцца толькі ўдзельнікаў — але пачалі хапаць і нас... А затым зноў быў такі перыяд, што можна было дастаткова спакойна пайсці працаваць на акцыю і ведаць, што ты вернешся…

Досвед паказвае, што нельга прагназаваць: адлігі заканчваюцца маразамі, потым зноў адліга... Напрыклад, акцыя каля Чырвонага Касцёла (снежань 2011 г. — *Рэд.*). Мяне здзівіла, наколькі жорстка абыходзіліся міліцыянты з удзельнікамі — хаця людзі проста стаялі, нават свечкі не ўсе запалілі. І наколькі не зважалі гэтым разам на журналістаў… Мы здымалі гэты брутальны хапун, мы працавалі — на нас міліцыянты ўвогуле не звярталі ніякай увагі. Мне падалося, што, можа, нейкі начальнік вырашыў, што, чым больш мы гэта паздымаем, а потым пакажам, тым лепш. Можа, ставілася мэта — запалохаць настолькі, каб людзі проста баяліся прыходзіць на гэтае месца. А ў гэтым сэнсе карцінка, якую мы здымаем, працуе на іх: бо людзі бачаць, што проста стаяў чалавек, нічога не рабіў, не крычаў, а яго — раз, прыхапілі і пацягнулі. Дык гэта ж ужо для ўсіх астатніх, хто зазірне ў інтэрнэт, будзе сігналам, каб на наступныя акцыі не ісці. Можа, яны лічаць, што запалохванне мацней працуе, калі людзі бачаць, як гэта адбываецца.

Хаця звычайна не даюць здымаць, б'юць і па руках, і па камеры...

— Якія Вы для сябе сфармулявалі ўласныя правілы бяспекі падчас працы на масавых акцыях?

— Па-першае, нашы паводзіны мусяць залежаць ад таго, што нам трэба рабіць на дадзены момант. Калі мая задача — паведамляць тэкставую інфармацыю на сайт, я рызыкую менш за ўсё, бо я знаходжуся блізка да цэнтра падзеяў, але не ў самым цэнтры, стаю са слухаўкай і перадаю інфармацыю. Я пазначаны бэджам, не кідаюся ў кучу, не трымаю транспарант, не выкрыкваю... Тых, хто перадае аўдыё, звычайна не затрымліваюць. Зусім іншая рэч, калі я здымаю на відэа: трэба зняць так, каб паміж мной і вывавай нікога не было, — тады я мушу лезці ў цэнтр падзеяў. Я камусьці перашкаджаю, мяне могуць збіць з ног ці прыхапіць, забраць. Трэцяя сітуацыя — яшчэ больш актыўныя паводзіны, калі я не проста здымаю, а яшчэ правакую міліцыянта на нейкія адказы, напрыклад, запытваю: «За што вы затрымліваеце гэтага чалавека?» Гэта нармальнае журналісцкае пытанне, але ў той напружанай сітуацыі яно правакуе агрэсію. Бывала, што пасля акцыяў у рэдакцыю званілі і папярэджвалі, што «хай ён працуе, але працуе больш пасіўна».

Кожны мусіць выбіраць для сябе ступень актыўнасці. Калі вам трэба актыўная праца, — вы мусіце разумець, што можаце патрапіць «пад раздачу». Я думаю, што на Якуба Коласа, калі мяне пасля акцыі затрымалі ў метро, якраз была такая сітуацыя. Я некалькі разоў пытаўся ў міліцыянтаў: «За што вы іх затрымліваеце?» — нават на размешчаным відэа гучыць мой голас. Ім гэта не падабаецца, яны рэагуюць: «Бярыце гэтага!» Начальнік сказаў — падначалены выканаў. Але, з іншага боку, толькі так можна дасягнуць нармальнага асвятлення падзеяў і паказаць, што адбываецца. Здымаць з перыферыі ўвогуле нельга.

Раней наша рэдакцыя працавала толькі як радыё, у больш «акуратным» фармаце, цяпер трэба відэа, паказаць, як усё гэта адбываецца, — і мы мусім рызыкаваць.

Але і рызыку можна мінімізаваць. Я заўважыў, што, калі ты трымаешся бліжэй да ўсіх журналістаў, — менш шанцаў, што цябе затрымаюць: яны бачаць, што журналісты разам, і не хапаюць. Хаця і тут па-рознаму бывае.

Пры затрыманні не трэба ні ў якім разе актыўна супраціўляцца. Калі мяне аднойчы затрымалі на Кастрычніцкай плошчы, я проста адмовіўся ісці — мяне мусілі падняць і валачы. Вось мой супраціў — яго потым немагчыма выкарыстаць супраць мяне, бо я не вырываўся, не біў, не пхаў міліцыянтаў.

Ну і трэба быць гатовым проста элементарна пры нагодзе ўцячы.

— Ці дапамагаюць, на Ваш погляд, бэджык, спецыяльнае адзенне?

— На мяне ў асноўным нападалі ззаду, а ззаду бэджыка не ўбачыш. Можа, камізэлька ў гэтым сэнсе лепш... Але часам менавіта на прэсу палюють, і калі ты ў камізэльцы з надпісам, дык, як заяц, мусіш уцякаць. Я некалькі разоў бачыў на акцыях, што мяне з бэджам затрымліваюць, а чалавека, які прыйшоў без бэджа і здымае, не чапаюць — можа, думаюць, што свой.

— Як абараняе Вас пасведчанне журналіста Радыё «Свабода»?

— Яно дазваляе паводле закону працаваць на масавых мерапрыемствах, хаця б так. Ад затрымання ксіва не абараняе, а ад пасадкі — гарантуе. Пакуль, ва ўсялякім разе, не было, каб кагосьці з акрэдытацыяй пасадзілі на суткі. Разбіраюцца па-рознаму — у адным РАУС хутка, у іншым доўга, але ж пасля высвятлення журналісцкага статусу адпускаюць.

— Што яшчэ можа быць чыннікам для небяспекі журналіста ў ягонай працы?

— Людзі па-рознаму рэагуюць на факт здымкі. Але пакуль на акцыях людзі не супраць, каб іх здымалі. Можа, калі-небудзь прыйдзе час, што нехта будзе ладзіць акцыю і не хацець, каб яго здымалі. І стане агрэсіўна сябе паводзіць. І мы зможам звярнуцца ў міліцыю па дапамогу: «Гарантуйце нам недатыкальнасць»…

Пакуль жа міліцыя — галоўны чыннік нашай небяспекі. І не толькі нашай, але нават іншых — праз нас. Скажам, стаіць на плошчы маці вязня, да яе няма ўвагі, і тут падыходжу я з камерай і пытаннем: «Чаго вы сюды прыйшлі?» Іншыя журналісты таксама падбягаюць — вакол гэтай маці ўжо натоўп, дзесяць чалавек, камеры… Тут жа падыходзіць міліцыянт: «Зараз мы вас арыштуем, вы тут акцыю чыніце». Каля Чырвонага касцёла 19 снежня (2011 г. — *Рэд.*) так і было: некалькі чалавек затрымалі менавіта пасля таго, як да іх падыйшлі журналісты. «Так, я прыйшоў, каб выявіць салідарнасць», — адказвае чалавек на пытанне журналіста, і яго бяруць за гэтыя словы. Атрымліваецца, што — нам не задаваць такіх пытанняў? Дык мы працуем, нам трэба гэта рабіць. Тут такая складаная рэч… Я схіляюся да таго, што трэба задаваць такія пытанні.

— Ці пагражалі Вам як журналісту?

— Не, былі толькі папярэджанні ад службовых асоб, каб не лез на ражон.

— Ці турбуе Вас бяспека інфармацыі?

— Турбуе, аднак я не ведаю дакладна, ці мая інфармацыя праслухоўваецца, адсочваецца, забіраецца... Увесь час ад знаёмых я чую пытанні: «А ці не праслухоўваюць цябе?» Я цешу сябе, што не. Ці не заўсёды… Бо я не ўяўляю сабе, як такую армію можна праслухоўваць. Я проста раблю выснову, што не трэба казаць лішняга па тэлефоне, пісаць у скайпе...

— Ці трапляла да Вас сапраўды небяспечная інфармацыя, якой трэба было тэрмінова пазбавіцца, бо яна магла ўплываць на Вашу бяспеку?

— Была такая інфармацыя, яшчэ на пачатку 1999 года... Я тады працаваў у газеце «Свабода», і ў нас была інфармацыя, што рыхтуецца знішчэнне лідараў апазіцыі, у рэдакцыю нават патрапіў дакумент. Я напісаў невялікі матэрыял — і мяне потым за гэты дакумент забралі ў КДБ, была заведзена крымінальная справа, шукалі крыніцу інфармацыі. Але тады журналісты шум паднялі, старшыня БАЖ тэлефанавала, пакуль я сядзеў яшчэ на допыце ў КДБ — следчы быў здзіўлены, што так хутка даведаліся пра гэта. Па парадзе адваката Паганяйлы я там яшчэ настойваў, што не буду даваць ніякіх паказанняў, пакуль мне не забяспечаць юрыдычнага прадстаўніка, дапаможцу… І мяне адпусцілі. Праз некалькі месяцаў я выпадкова сустрэў гэтага следчага — прыходзіў на нейкую прэс-канферэнцыю, здаецца, у пракуратуру. Ён сказаў, што справу закрылі. Але, відаць, пагроза была… Бо, сапраўды, у траўні знік Захаранка, а потым Ганчар з Красоўскім — і стала зразумела, што гэта было невыпадкова.

З таго часу да мяне больш не трапляла такая інфармацыя, ад якой у мэтах бяспекі трэба было б пазбавіцца. Каб трапіла, я думаю, што вельмі хутка б абнародаваў яе — мяркую, гэта лепшы спосаб гарантаваць сабе бяспеку.

— Куды параіце журналісту звяртацца ў выпадках нейкіх пагроз, небяспекі, затрымання?

— Безумоўна, да калегаў — ёсць шэраг выданняў, якія не абмінаюць тэму затрыманняў. Кожны журналіст мусіць ведаць хаця б кагосьці з гэтых выданняў і ў любым выпадку перадаць гэтым людзям інфармацыю. Па-другое — праваабарончыя арганізацыі, тая ж «Вясна», БАЖ, якія рэальна могуць дапамагчы і дапамагаюць. Ну а калі ўжо гэта цябе дастала, ты не можаш працаваць, — тады трэба звяртацца ў пракуратуру... І, безумоўна, каб кантраляваць сітуацыю, мы мусім пісаць пра гэта. На жаль, мы мала пра гэта пішам.

Гутарыла Сабіна Брыла

Совет психолога журналистам:

Оксана Бровач,
www.baj.by

«Если в горячей точке тяжело и страшно, можно смачно выругаться»

Информацию из мест массовых протестов и конфликтов передают не роботы и не киношные супермены, а живые люди, наши коллеги-журналисты. Им приходится работать в экстремальных условиях, а это накладывает отпечаток на эмоциональное состояние и психику. Психолог и психоаналитик Юлия Лепихова, которая специализируется на психологии травмы и кризисных ситуаций, рассказала, как журналистам избавиться от перенапряжения и почему вредно убеждение «я должен держать себя в руках».

Поездка на Майдан — попытка подсознания «перезагрузить» Плошчу-2010

— Я знаю, что некоторые мои коллеги уехали работать в места народных волнений по собственной инициативе, а не по требованию редакции. Почему они вызвались добровольцами?

— Подозреваю, что в Киев, в Египет и в другие места протестов поехали белорусы, которые так или иначе столкнулись с событиями 2010 года на минской Площади.

У человека, который попал в травмирующую ситуацию, вырабатывается несколько моделей поведения. Либо он впадает в депрессию, либо предпринимает дальнейшие попытки снова и снова бросаться на амбразуру.

Грубо говоря, такое героическое поведение — это попытка взять травмирующую ситуацию под контроль. Эти люди побывали в травмирующей ситуации, которая случилась внезапно, они не были к этому готовы (да к этому и невозможно быть готовым). Последующие поездки в другие горячие точки оказываются попыткой «закрыть» свою старую неготовность, ту, прошлую потерю контроля, чувства безопасности. Это замкнутый круг. Снова возвращаясь в горячую точку, человек опять ретравмируется — и так может продолжаться бесконечно.

— Есть журналисты, которые считают себя достаточно сильными и психически устойчивыми для работы в горячих точках. Правда ли, что на сильных характером людей работа в экстремальных условиях никак не влияет?

— Это все мифы. Конечно же, влияет. Когда человек приезжает из какой-нибудь горячей точки либо был свидетелем терактов и т. п. и говорит, что его это никоим образом не тронуло, — у такого журналиста можно диагностировать начало профессионального выгорания. Это говорит о потере человечности, эмоциональности, умения

сопереживать и сострадать. Выхолащивание эмоций — «маячок»: если подобные события нас не трогают, значит, с нами не все в порядке.

Напряжение снимут разговор с коллегами и вкусная еда

— Журналисты стараются передавать с места событий объективные и непредвзятые материалы. Но у каждого есть личная оценка происходящего, какие-то переживания по поводу увиденного. И как журналисту быть в ситуации, когда хочется высказаться, но нельзя?

— Объективность, непредвзятость — это условный идеал, к которому журналист стремится в профессии. Стремиться к идеалу нужно, в принципе, всегда. У каждого из профессионалов есть какие-то свои кодексы. Журналистам важно быть объективными точно так же, как психологам нужно не плакать вместе с клиентом или врачу — не навредить.

Важно помнить, что журналист — это только профессия. Журналист — тоже человек, у которого есть свое мнение, свои переживания и сопереживания.

Прекрасный способ решения сложной проблемы — высказать свое мнение не в материале, а коллегам. Сбросить напряжение в другом месте. Прийти к коллегам, устроить с ними что-то вроде дебрифинга, где можно высказаться: «Ах, сволочи, всех ненавижу! У меня сердце кровью обливается, все гады, гады, гады!!!» — и тому подобное. Это важно — отреагировать.

Не надо пытаться быть киборгом: мол, меня не касается ничто человеческое, я должен, я обязан быть объективным, — забудьте все эти слова. Чем больше вы позволяете себе человечности и своего мнения, тем проще вам потом с этим справляться. То есть нужно пойти и отреагировать на ситуацию вместе с другими людьми.

— Репортеры на месте событий работают фактически без отдыха. А в те редкие мгновения, когда появляется время на сон, не получается уснуть из-за стресса, тревожности. Как заставить себя отдохнуть?

— Где вы таких слов нахватались? «Заставить отдохнуть!» Это вроде «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь». Конечно, с такими «должен» и «обязан» не отдохнешь. Вместо того чтобы отдыхать, что вы делаете — вы работаете над отдыхом. Как только начинается «делание отдыха», — отдыха, собственно говоря, и не будет.

Нужно с симпатией и приятием относиться к самому себе — это в первую очередь. Позволять слабости, разрешать себе ковыряться в носу, смотреть телевизор, вкусно кушать…

Чтобы отдохнуть, нужно любить себя. Есть еще такой маленький нюанс. У журналистов рабочий инструмент — мозг. Это люди интеллектуального труда: им нужно статью придумать, написать, оформить…

Очень много отдавая интеллекту, человек забывает, что он еще имеет и тело со своими потребностями. А потребности тела достаточно просты: быть сытым, накормленным, в тепле, в неге и уюте. И для того чтобы расслабиться, нужно подружиться с собственным телом и признать, что оно у тебя есть: это не костюм, который вы взяли напрокат, который можно поносить и потом сдать.

Когда возвращаешься к собственной телесности, к каким-то радостям тела — да самым примитивным, вроде принятия ванны и вкусной еды, — тогда отдыхаешь. Важно с удовольствием чувствовать, как вам хорошо в этот момент, здесь и сейчас.

Это хорошо, когда за журналиста кто-то волнуется

— Слышала от коллег, что напряженности им добавляет осознание того, что за них очень волнуются родные, друзья и коллеги. Не дают покоя мысли о том, что дома кто-то паникует. Как абстрагироваться от этого чувства?

— Слава Богу, что у журналиста есть такие люди, которые за него волнуются, которые переживают, что его могут убить или ранить. Почему журналистам это мешает? Иметь здравый смысл и чувство самосохранения вообще-то никогда никому не вредило. Приезжать в горячие точки и

работать в стиле «мы сейчас взорвемся, но все это не важно»… Мы про журналиста говорим или про камикадзе?

Если журналист каждый вечер отписывается, что он жив и с ним все хорошо, — это нормально. Он среди людей живет. Не нужно это «выключать». Я думаю, что, когда он работает, — он работает, находится в той ситуации, о которой делает репортаж. Ему некогда думать о маме, например. Он о ней вспоминает, когда возвращается домой: «Боже, мама, я забыл, надо отписаться, что я жив». Это естественная реакция. Разве это не приятно, когда есть люди, которые волнуются? Гораздо обиднее было бы, если бы вообще никто не вспоминал о вас.

Как помочь себе в экстремальной ситуации?

Журналист, который находится в экстремальной ситуации, может уменьшить напряжение, страх, тревогу при помощи следующих простых, но эффективных средств психологической помощи и взаимопомощи:

— Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов, представляя, что выдох избавляет вас от напряжения;

— Будьте рядом с коллегами, похлопайте их по плечу, коснитесь. Тактильные контакты с хорошо знакомыми людьми придают уверенности;

— Поддерживайте с коллегами зрительный контакт;

— Говорите ободряющие слова;

— Старайтесь разрядить обстановку уместными шутками;

— Покиньте место, где разворачиваются события, хотя бы на 10–15 минут и только после этого продолжайте работу;

— Прекратите работу, если ощущаете боль в груди, даже если вы знаете, что со здоровьем у вас все в порядке;

— Не сдерживайте потребность выговориться, даже если никого рядом нет — бурчите себе под нос;

— Перед выходом в эпицентр событий не употребляйте алкоголь: он лишь обостряет тревогу;

— Уровень тревоги помогают снизить сложные умственные операции: отвлекитесь на подсчет количества людей, рассчитайте площадь фасада соседнего здания и т. п.;

— Прекратите работу, если чувствуете отчаяние, опустошенность и упадок сил.

Не будьте оловянным солдатиком: идите к людям, позволяйте себе ругаться матом

— Как вернуться к нормальной жизни, приехав из стрессовой командировки?

— Если здесь отлажена нормальная жизнь, то к ней возвращаться просто. Если здесь в жизни полная «нескладуха» — и в личном плане, и со здоровьем, или вас никто не ждет, — то к чему возвращаться?

После того как ты поработал в горячей точке, желательно с коллегами провести какой-то дебрифинг, чтобы снять напряжение. Причем говорить нужно много и эмоционально. И делиться не фактическими событиями (что журналист видел), а своими эмоциями (что чувствовал), чтобы проговорить эти переживания.

Ни в коем случае нельзя замыкаться в себе, быть стойким оловянным солдатиком. Нельзя это носить в себе, а-ля «мальчики не плачут», «девочки не истерят», «надо держать себя в руках»… Все это чушь. Надо и плакать, надо и кричать.

И ругаться матом — кстати, хорошо помогает. Эмоциональный заряд, который есть в мате, легко выходит наружу. Так что, если где-то в горячей точке тяжело, страшно и прочее, можно отойти в сторону и хорошенько выругаться — работает. Помогает «облегчить душу» и сбросить агрессию.

— Чем чревато удержание переживаний в себе?

— Подобные вещи не проходят бесследно. Травмирующие ситуации, в которых оказался человек, просто так не исчезают. Они растут, как жемчужинка, — наслаиваются друг на друга. Весь ужас травматических ситуаций заключается в том, что после того, как человек побывал в одной из них, все старые снова поднимаются.

Когда я занималась с вашими коллегами после событий декабря 2010-го, мы работали не с проблематикой того дня, а с тем, например, что до Площади, четыре года назад, был обыск. Человек говорил: «Странно, когда проходил обыск, я спокойно отреагировал, сам про себя тихо погордился, какой я молодец, как я справился. Но после событий на Площади этот обыск снится мне каждый день, меня трясет, я не знаю, что мне делать». То есть, чтобы проработать «Площадь», мы начинали с событий четырехлетней давности. Это как снежный ком.

Если носить это все в себе, можно так или иначе докатиться до посттравматического стрессового расстройства — это афганские синдромы и синдромы всех войн. Замыкание, нежелание разговаривать, стремление все носить в себе может привести к симптоматике посттравматического стрессового расстройства. Это все очень серьезно, потому что сильно бьет по телу.

Есть хитрый момент: когда мы увлекаемся умом и интеллектом, забывая про тело, оно потом начинает сильно мстить нам всякими болячками. Врачи могут разводить руками — мол, вы здоровы, но вдруг начался невроз сердца: «А, это к психологу...»

Это все не говорит о том, что надо себя именно заставлять говорить о травматической ситуации. Вполне возможно, она может «повариться» внутри примерно неделю, ведь что-то нужно переосмыслить. У каждого свой ритм, у каждого своя психика. Но все равно — надо идти к людям. Панацея от всех бед одна: идите к людям.

УГРОЗЫ в адрес журналистов

Многим коллегам приходилось сталкиваться с «доброжелателями», которые звонком или при встрече стараются предупредить: «Лучше не заниматься такой-то темой, за ней стоят серьезные люди».

Определенную дозу внешней агрессии журналисты воспринимают как вариант нормы: понятно, что, если ищешь ответы на серьезные вопросы или рассуждаешь на острые темы, всегда найдутся люди, которым это не нравится. И все же угрозы — телефонные, письменные, переданные по электронной почте или даже оставленные в комментарии под материалом, опубликованном на сайте, — не нужно оставлять без внимания: они могут быть предвестниками конфликтов.

Угрозы по телефону

В ночь на 11 января 2004 года гомельскому корреспонденту «Белорусской деловой газеты» Ирине Маковецкой несколько раз звонил незнакомый мужчина. Он обещал «похоронить» Ирину, если та не перестанет заниматься журналистикой. Один из звонков, полученных на домашний телефон, журналистка записала на диктофон. Утром Маковецкая подала заявление в отделение милиции, а через два дня — и в прокуратуру.

Сотрудники прокуратуры приняли заявление, однако предупредили, что рассматривать его не будут. 14 января Ирина приехала в Минск и на пресс-конференции заявила министру внутренних дел Беларуси (тогда эту должность занимал Владимир Наумов): «Я вынуждена констатировать, что за эти дни сотрудники милиции не сделали ничего, чтобы выяснить личность звонившего и гарантировать мне безопасность». Министр пообещал лично связаться с начальником УВД Гомельского облисполкома. 20 января начальник отделения милиции, куда подавала заявление Маковецкая, сообщил ей, что аноним найден. Им оказался 25-летний сотрудник Гомельской телерадиокомпании Вячеслав Булкин.

В возбуждении уголовного дела Ирине отказали, сославшись на отсутствие «угрозы убийства, тяжких телесных повреждений либо уничтожения имущества» (ст. 186 УК). И все же Булкина привлекли к ответственности за мелкое хулиганство (ст. 156 КоАП РБ), а 21 января — уволили с работы «по собственному желанию».

В феврале 2009 года анонимные звонки поступали на домашний телефон корреспондента польского издания «Gazeta Wyborcza» Андрея Почобута, кто-то порезал ножом дверь его квартиры. В это же время неизвестный мужчина днем и ночью звонил по мобильному номеру восьмилетней дочери Андрея. Журналист полагал, что давление на семью было связано с его профессиональной деятельностью. Но милиция отказалась возбуждать уголовное дело: общественный порядок, по оценке правоохранителей, нарушен не был, материального ущерба не зафиксировано, а анонимные звонки не представляли реальной угрозы.

В конце 2009 года корреспондент российской «Новой газеты» Ирина Халип получила ряд угроз по телефону, электронной почте и даже в телеграмме. Сначала

в телефонных звонках аноним советовал Ирине унять свой журналистский пыл и не выходить из дома. Потом неизвестные пообещали ей «встречу с Анной Политковской» и всячески демонстрировали, что осведомлены и о содержании ее телефонных разговоров (в том числе личных), и о здоровье маленького сына. «В таких случаях гласность и публикация — единственная гарантия безопасности», — считает журналистка. Тексты угроз были опубликованы в «Новой газете».

После событий 19 декабря 2010 года видеооператору интернет-версии газеты «Наша Ніва» Татьяне Гаврильчик, которая отказалась от беседы с сотрудниками КГБ без адвоката, звонили и обещали «бледный вид и редкие зубы». Звонки прекратились после того, как Татьяна подала жалобу на телефонные угрозы в милицию.

Что делать, если вам угрожают по телефону?

Три основных правила:

1. Записать звонок на диктофон. Даже если запись будет вестись не с начала, она позволит сохранить голос того, кто вам угрожает, его интонации и манеру говорить; а главное — будет зафиксирован сам факт угрозы. Начало диалога вы сможете воспроизвести по памяти.
2. Предать этот факт огласке: обратиться к коллегам, правозащитникам, в журналистскую организацию, сообщить в социальных сетях (туда же можно выложить запись разговора).
3. Написать заявление в милицию, а если звонили на мобильный — то еще и в службу безопасности телефонного оператора. Сообщать СМИ о том, начато ли расследование и как оно продвигается.

Как вести себя во время разговора с неизвестным?

Что бы вам ни говорили по телефону, не волнуйтесь, ведь именно в этот момент вашей физической безопасности ничего не угрожает. Чтобы справиться с беспокойством, «выровнять голос», можно сказать, что вы очень заняты, и попросить перезвонить — или сказать: «Вы не туда попали».

Можно попытаться сделать так, чтобы неизвестный раскрыл себя: замолчать в середине разговора, имитируя сбой связи. Не понимая, слышите ли вы его, он может обратиться к кому-то, сказать какие-то реплики, которые могут стать полезны при расследовании. Когда связь возобновится, затягивайте разговор, «выуживайте» детали, которые могут помочь обнаружить злоумышленника.

При невозможности произвести запись беседы необходимо максимально точно запомнить разговор и зафиксировать его на бумаге. Подробно опишите голос и особенности речи, обязательно отметьте звуковой фон (шум автомашин, воды, железнодорожного транспорта, звуки теле- или радиовещания, посторонние голоса).

После разговора нужно записать время его начала и окончания; какие требования были (если были) выдвинуты; исходят они от конкретного человека, или он говорил «мы»; поставлены ли вам какие-то условия; что вам пообещали в случае невыполнения. Все это вы должны незамедлительно сообщить коллегам и правозащитникам; изложить в заявлении при обращении в милицию.

Совет в стиле «сам себе детектив»

Если вам звонят по домашнему телефону, найдите возможность, не прерывая связи, позвонить с другого аппарата на обслуживающий ваш район телефонный узел дежурному диспетчеру. Сообщите ему причину вызова, свою фамилию и номер телефона, возможно, адрес — и попросите установить номер, с которого вам звонят. Запишите фамилию диспетчера и время звонка. Так же поступайте и в случае звонка на мобильный телефон, только обратитесь к своему сотовому оператору. Все это отразите в заявлении в милицию.

Многие белорусские журналисты сталкивались с ситуацией, когда мобильный телефон начинает работать в режиме нон-стоп: каждые несколько минут раздаются звонки с незнакомого, зарубежного или скрытого номера. При попытке ответить связь обрывается, а потом телефон звонит снова. Это случалось во время уличных акций или политических событий, когда журналисты особенно активно заняты работой. Такие звонки можно блокировать, если установить на свой мобильный телефон специальную программу.

Почему стоит обращаться в милицию

Зачастую журналисты считают, что обращение в милицию «не имеет смысла». Иногда милиция действительно отвечает, что найти злоумышленников

Советуют правозащитники

Подавая заявление о телефонных угрозах на имя начальника отделения милиции по месту прописки, спросите фамилию оперативного дежурного, который принимает заявление, и попросите его расписаться на копии, проставьте на ней также номер оригинала и дату регистрации. Эту копию оставьте себе.

При предоставлении носителя с записью беседы требуйте с соблюдением процессуальных норм немедленного ее прослушивания с перенесением разговора на бумагу. После чего требуйте упаковать и опечатать предоставленный вами носитель — опять же с соблюдением всех процессуальных норм.

Если есть возможность, сделайте себе копию записи на другой носитель (однако помните, что она не может являться доказательством).

Правоохранительные органы должны будут установить, кому принадлежит номер, с которого вам угрожали, лицо, которое воспользовалось этим номером, а также принять решение о наличии или отсутствии административного либо уголовного деяния в действиях лица, угрожавшего вам.

О принятом решении вас должны уведомить письменно. Вы имеете право ознакомиться с материалами проверки по своему заявлению и в случае несогласия с принятым решением обжаловать его в прокуратуру либо суд.

«не представляется возможным». Тем не менее обратиться в милицию стоит. Правоохранительные органы утверждают, что легко вычисляют телефонных хулиганов, — так почему же они не должны искать того, кто угрожает журналисту?

Письменные угрозы и «перформансы»

В середине 2006 года сотрудники барановичской негосударственной газеты «Intex-press» обнаружили на дверях здания, где размещается их офис, две таблички с надписью «Осиное гнездо ЦРУ» и листовки с угрозами. На тротуарной плитке было написано: «Нет — продажной прессе», — рядом на камне красовалось граффити с национал-большевистскими серпом и молотом в кругу. В тот же день в милицию было подано заявление с просьбой найти авторов и привлечь их к ответственности, предотвратить подобные акции и защитить сотрудников редакции от угроз. Через две недели из милиции пришел письменный ответ, в котором значилось, что найти авторов угрожающих надписей «не представляется возможным».

В июле 2009 года в ответ на одну из публикаций на сайте «Хартия'97» журналистка Наталья Радина получила угрожающее письмо, подписанное «Мирослав»: «Ахтунг, редакторша Радина Наталья, мобильный телефон (...)! Тебе по-хорошему говорили, объясняли, что жить надо тихо-мирно и на правых патриотов не наезжать...» Далее следовали угрозы изнасилования и грубые оскорбления.

С сохранением авторской орфографии и пунктуации письмо было опубликовано на сайте — одном из самых посещаемых белорусских интернет-ресурсов социально-политической направленности.

Сергей Сацук не занимается политикой. Его специализация — журналистские расследования. «В 2010 году у меня была одна из самых стремных ситуаций, когда и моя жена, и дочь сильно перепугались, — рассказывает Сергей. — Я расписал всю схему коррупции в органах ДФР Комитета госконтроля, назвал всех поименно: кто за кем стоит, кто что контролирует и как эта схема работает... И реакция была очень жесткой. Мне под дверь квартиры принесли могильный венок, с моим именем и датой смерти, потом еще письмо прислали, типа: "Ну что, подарок понравился? Учти, что венки хранятся долго, а цветы не вянут"... Береги, мол, здоровье — свое и близких. Пришлось тогда выслушать от жены упреки, что не забочусь о безопасности семьи, лезу, куда не надо... Я действовал не так, как мои коллеги. Я об этом не писал ни в интернете, ни в своем СМИ. Поскольку я давно работаю с правоохранительными структурами, у меня довольно много знакомых как в КГБ, так и в Генеральной прокуратуре, в ДФР... Я связался со своими коллегами, описал ситуацию, объяснил, что не в ваших, да и не в моих интересах, чтоб я поднимал крик вокруг этого. Говорю: давайте примем меры, потому что я знаю, кто это и почему. Были приняты меры. Пришлось, конечно, в течение месяца забирать дочь, чтоб она одна нигде не ходила, самому быть аккуратным... Но потом все это затихло».

К слову, все, кого назвал Сергей Сацук в той коррупционной цепочке, были уволены из органов госконтроля, некоторые были привлечены к уголовной ответственности.

Советуют правозащитники

Оборудуйте лестничную площадку видеодомофоном либо веб-камерой. Последнее предпочтительней, так как позволяет не только сохранить информацию, но и транслировать ее в реальном времени.

При получении подозрительного письма старайтесь как можно меньше прикасаться как к самому конверту, так и вложению в него. Вскрывать конверт следует — по возможности — в одноразовых перчатках, путем отрезания как можно меньшей боковой части конверта. Зафиксируйте сам конверт и вложения при помощи цифровой камеры, сканировать нежелательно. Упакуйте конверт и его содержимое в одноразовый целлофановый пакет.

Обращайтесь в милицию с письменным заявлением, на копии которого проставьте номер и дату регистрации оригинала обращения (копию оставьте себе).

При предоставлении упакованного конверта и вложения требуйте с выполнением процессуальных норм немедленного осмотра содержимого, с соблюдением указанных выше мер предосторожности и с обязательным опечатыванием пакета после осмотра. Также требуйте обязательного составления протокола осмотра. В дальнейшем настаивайте на проведении комплексной криминалистической экспертизы.

Если вам подбросили некий угрожающий предмет, зафиксируйте его при помощи цифровой камеры. Постарайтесь сами внимательно изучить предмет, записать результаты осмотра. Вызывайте милицию, тут же требуйте производства осмотра места происшествия. Обязательно обратитесь в правоохранительные органы с письменным заявлением, на копии которого проставьте номер и дату регистрации оригинала.

Угрозы при личном контакте

Угрозы, выказываемые при личном контакте, могут исходить как от известных, так и от неизвестных журналисту лиц. Иногда недовольные герои публикаций (их родственники, знакомые) угрожают журналисту, что используют все свое влияние, чтобы он больше не работал в своем издании и вообще не мог найти работы по профессии. Такие угрозы, конечно, неприятны, однако сфера негосударственной журналистики, к счастью, очень мало подвержена протекционизму со стороны «влиятельных людей». Куда более опасно, когда тебе угрожают люди, облеченные властью.

Любовь Лунева, долгое время работавшая корреспондентом Радио «Свобода» (нынче — журналистка «Народной воли»), в начале 2000-х годов активно занималась расследованием исчезновения оператора ОРТ Дмитрия Завадского. Летом 2001 года с ней приключились две, безусловно, имеющие отношение к делу Завадского и, вероятно, связанные между собой истории.

«Вдруг позвонил человек, представился Олегом Случеком, который когда-то работал в прокуратуре, и сказал, что может дать мне факты по делу об исчезновении Дмитрия Завадского. Я спросила, какие гарантии, не будет ли со мной так же, как с Димой. И он сказал, что я могу кого-то взять с собой на встречу. Я взяла с собой своего коллегу Ольгерда Неверовского, назначила встречу на завтра, на 11 утра, на Комаровском рынке».

Люба рассказывает, что уже по дороге к месту встречи обнаружила чье-то пристальное внимание к себе, а на месте встречи «увидела невероятное количество людей с рациями… Я стала на ступеньках у рынка, слышала, как говорили, что объект пришел. Со стороны неуверенной походкой ко мне подошел Ольгерд Неверовский — и вместо "Здрасьте" говорит: "Слушай, я никогда в жизни не видел столько спецслужб на одном квадратном метре". А тот, кто назвался Случеком, сказал, что будет в белом костюме и с газетой в левой руке. И тут мы видим, что он идет нам навстречу, ведут его несколько таких накачанных парней»...

Вскоре Олег Случек и Дмитрий Петрушкевич из-за границы рассказали общественности о том, что в Беларуси существует «эскадрон смерти» — специальная группа, занимающаяся ликвидацией людей, неугодных властям.

А несколько дней спустя Луневу в ее собственном подъезде «предупредили» трое здоровых парней.

«Еще когда шла домой, я заметила, что кто-то сидел в припаркованной у подъезда машине… Мой ребенок побежал к бабушке, а я осталась дома. И вдруг услышала, что кто-то там копается в тамбуре, у нас тамбур на две квартиры. Я подумала, что это малой, может, хочет мне сказать "гав" — ну, как дети шутят. Резко открыла дверь — а там такая здоровая лапа. И меня вытащили из этого тамбура к лифту, их было трое, и один вдруг говорит: "А, вот она: «Хочу все знать»"! Второй говорит: "Кто много говорит, тот мало живет". А внизу на площадке окно было открыто. Седьмой этаж… И когда они сказали, что "про ребенка надо бы подумать, а не всякой ерундой заниматься", я вспомнила, что ребенок же вышел из дома. Они, может быть, думали, что я сейчас заплачу, начну проситься… А у меня, видимо, от страха сработала обратная реакция, и я стала кричать на них, угрожать: "Не знаю, что я с тобой сделаю!!!" Они посмотрели на меня, как на сумасшедшую, потому что стоят три амбала, больше меня на две головы каждый, и тут я им угрожаю, что с лестницы спущу… И они мне: "Короче, мы тебя предупредили, давай иди…"

У меня была первая мысль — пойти в милицию, написать заявление. Но потом я подумала, как я буду выглядеть, что скажу: пришли трое дядек, которые меня не побили, в квартиру не ворвались, сказали несколько поговорок и пошли. Но делом Завадского я так и не перестала заниматься».

Вот как прокомментировала эту ситуацию психолог Юлия Лепихова:

«Спонтанная реакция журналистки в этом случае выглядит абсолютно правильной. Ведь на подобные действия — идти угрожать — соглашаются люди определенного психологического профиля. От интеллигентного человека, к которому идут с угрозами, они ожидают "интеллигентной" реакции: предполагается, что их будут увещевать, уповать на совесть, взывать к чести, говорить: "Люди, опомнитесь, что вы делаете"… Но они уже пришли, уже свой выбор сделали. Пришли именно за тем, чтобы увидеть поведение жертвы, страх в глазах, подавить волю человека. Люба нарушила их представление о том, как должно это проходить "по накатанной". Она повела себя как обыкновенная женщина в стрессовой ситуации, чем опровергла стереотип, сломала сценарий. Как правило, такие люди не готовы действовать самостоятельно, когда дело поворачивается не по их сценарию».

Советует психолог

При непосредственной встрече с незнакомцами, которые вам угрожают, можно воспользоваться свистком. Громкий звук свистка не только привлекает внимание, но и ломает поведенческий стереотип жертвы, на который рассчитывают «запугиватели».

Если вы подверглись угрозам, обязательно сразу проговорите этот факт с близкими, коллегами, друзьями. Выплесните свои злость, раздражение, тревогу, страх. Не пытайтесь забыть, вытеснить плохой эпизод — это только загонит его вглубь. И при очередном риске этот непроработанный, «забытый» кусок всплывет и еще больше обострит текущую стрессовую ситуацию. Ни в коем случае нельзя молчать, уходить в себя, пытаться «справиться» — нужно действовать: писать, жаловаться, звонить друзьям и т. п.

Правозащитники советуют журналистам сообщать о любых угрозах в правоохранительные органы. Если милиция говорит, что найти злоумышленника «не представляется возможным», — обжаловать такие ответы в вышестоящие органы, писать заявления в прокуратуру. Публичность и возможность распространения информации — серьезное оружие, которым обладает журналист, и им необходимо пользоваться. Обо всех перипетиях — в том числе и о том, как милиция расследует дело, — нужно писать и рассказывать коллегам.

С правовой точки зрения, угрозы журналисту, связанные с его деятельностью, могут быть расценены как воспрепятствование «законной профессиональной деятельности журналиста» (ст. 198 УК Республики Беларусь). В соответствии с этой статьей «воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению или отказу от распространения информации, совершенные с применением насилия либо с угрозой его применения», наказываются: виновный может быть приговорен как к штрафу, так и к лишению свободы на срок до трех лет.

За угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества виновный может понести наказание в виде штрафа, исправительных работ (до года) или ареста (до полугода). Такие меры предусматривает ст. 186 УК РБ, в которой о профессиональной принадлежности субъекта ничего не говорится. Как видим, угрозы в адрес профессионального журналиста влекут гораздо более серьезную ответственность.

Васіль Гроднікаў загінуў пры цьмяных абставінах

18 кастрычніка 2005 года ў сваім доме ў Заслаўі (Мінскі раён) быў знойдзены мёртвым пазаштатны журналіст газеты «Народная воля» Васіль Гроднікаў.

Як засведчыў брат памерлага, які знайшоў цела, на галаве ў Васіля Гроднікава была кроў, крывавыя плямы былі таксама на сценах і зламаным зэдліку.

Судмедэкспертыза Мінскай абласной клінічнай лякарні паказала, што журналіст памёр ад чэрапна-мазгавой траўмы ў выніку «кантакту з тупым прадметам». Тым не менш Мінская раённая пракуратура адмовілася ўзбуджаць крымінальную справу па факце яго смерці, заявіўшы, што смерць была негвалтоўнай.

Сваякі і калегі Гроднікава версію следства ставяць пад сумнеў. Яны не выключаюць, што смерць журналіста была звязана са зборам матэрыялу для чарговай публікацыі Гроднікава з серыі «Кідалы», дзе не ў лепшым святле фігуравалі супрацоўнікі такіх магутных ведамстваў, як КДБ і МУС.

Журналісты, якія пабывалі ў доме Гроднікава пасля забойства, звярталі ўвагу на шматлікія сляды крыві ў розных пакоях памяшкання. На іх думку, гэта стварала ўражанне прысутнасці ў хаце Гроднікава падчас трагедыі пабочных асобаў і вымагала ўзбуджэння крымінальнай справы.

Але крымінальнае следства, згодна з рашэннем Мінскай раённай пракуратуры, не праводзілася.

Смерць Алега Бябеніна — самазабойства?

Цела Алега Бябеніна, аднаго з заснавальнікаў і кіраўнікоў сайта charter97.org, было знойдзена ў пятлі 3 верасня 2010 года ў яго загарадным доме ў вёсцы Пярхурава Дзяржынскага раёна Мінскай вобласці.

Праверку абставін смерці журналіста праводзіла пракуратура Мінскай вобласці. Тэрмін праверкі некалькі разоў працягвалі, але ў выніку ўзбуджаць крымінальную справу па факце смерці адмовіліся, спыніўшыся на версіі самагубства.

Эксперты АБСЕ, якіх беларускі бок запрашаў для расследавання, «на падставе доказаў і даступнай для іх інфармацыі» прыйшлі да высновы: «…Няма прычын думаць, што Бябеніна павесілі пасля смерці». Так сцвярджалася ў паведамленні АБСЕ. У той жа час у паведамленні адзначалася, што АБСЕ прасілі забяспечыць «тэхнічную ацэнку, а не поўнае расследаванне гэтай смерці». Эксгумацыі цела не праводзілася.

Многія калегі і сябры Бябеніна з версіяй самагубства катэгарычна не пагадзіліся і сцвярджаюць, што аб’ектыўнае расследаванне трагедыі не на карысць дзейным уладам. «Алег не пакінуў пасля сябе ніякай запіскі. Сябры і калегі журналіста, якія былі на месцы здарэння, заяўляюць пра наяўнасць на яго целе слядоў гвалту», — паведамляў сайт «Хартыя-97».

Журналісты падкрэсліваюць, што Бябенін уваходзіў у каманду аднаго з галоўных канкурэнтаў Лукашэнкі на прэзідэнцкіх выбарах 2010 года — лідара грамадзянскай кампаніі «Еўрапейская Беларусь» Андрэя Саннікава. Каманда Саннікава пасля выбараў зазнала жорсткі пераслед, шмат хто з паплечнікаў экс-кандыдата ў прэзідэнты апынуўся за кратамі, сам Андрэй Саннікаў атрымаў вялікі тэрмін турэмнага зняволення па абвінавачванні ў арганізацыі масавых пратэстаў і, памілаваны Лукашэнкам пад ціскам патрабаванняў Захаду, вымушана эміграваў з Беларусі.

Алег Бябенін нарадзіўся ў 1974 годзе. Скончыў факультэт журналістыкі БДУ. У 1990-х гадах працаваў намеснікам галоўнага рэдактара газеты «Имя». З 1998 года быў заснавальнікам і кіраўніком сайта charter97.org. Са студзеня 1998 года з’яўляўся сябрам ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў». Пасля яго засталіся жонка і двое сыноў.

«Рэдакцыя мусіць усяляк падтрымліваць і бараніць сваіх журналістаў»

Рэдактар «Нашай Нівы» Андрэй Скурко распавядае пра сваё бачанне праблем беларускай журналістыкі, ролю рэдакцыі ў забеспячэнні бяспекі карэспандэнтаў, пра ўласны досвед абароны прафесійных правоў і інтарэсаў.

— Што, на Ваш погляд, сёння ў Беларусі з'яўляецца асноўнымі складнікамі, чыннікамі небяспекі для журналіста?

— Трэба вызначыцца, пра якую ступень небяспекі мы кажам. У Беларусі, на шчасце, пытанне бяспекі жыцця журналіста стаіць не так востра, як у Расеі, дзе журналістаў забіваюць часцей... Але на падставе свайго досведу працы ў беларускай грамадска-палітычнай газеце «Наша Ніва» магу сказаць, што закрананне вострых палітычных тэмаў, асвятленне акцый сапраўды можа несці небяспеку дзейнасці, здароўю, маёмасці журналістаў.

— З якімі пагрозамі сутыкалася Ваша рэдакцыя?

— Яшчэ падчас падзеяў Плошчы-2006 нашы журналісты былі зняволеныя і сядзелі — і суткі, і дзесяць, і пятнаццаць. Сам шэф-рэдактар Андрэй Дынько сядзеў на Акрэсціна, і Арцём Лява, і Таццяна Снітка... Тое быў, відаць, такі першы досвед гэтай новай рэальнасці. Тады прэса была на пярэднім краі вялікіх сацыяльных узрушэнняў, аператыўна інфармавала грамадства пра тое, што адбываецца, прыцягвала вялікую ўвагу… Адпаведна, прэса стала адным з тых сегментаў, на якія былі звернутыя рэпрэсіі.

І пасля выбарчых падзеяў 2010 года праводзілісяператрусы, была канфіскаваная тэхніка ў «Нашай Ніве». Апроч рэдакцыйнай, забралі тэхніку ў фатографа, у відэааператара, таксама мой камп'ютар. На адзін з нашых лістоў наконт канфіскацыі, скіраваных у КДБ, мы атрымалі вельмі цікавы адказ: маўляў, на вашых камп'ютарах былі выяўленыя неліцэнзійныя прадукты, і зараз вядзецца разбіральніцтва, каб паведаміць пра тое іх аўтарам. Уяўляю, як КДБ РБ дасылае ліст Білу Гейтсу…

Паралельна з канфіскацыяй тэхнікі адбываліся выклікі ў органы на нейкія размовы, якія не маюць працэсуальнага статусу. Нам дэманстравалі паперы на «апытанне ў інтарэсах нацыянальнай бяспекі», дзе было пазначана, што за адмову ад апытання прадугледжаны штраф ад 20 ці 30 базавых, штосьці такое… Юрысты кажуць, што ад гэтых размоваў можна адмаўляцца. Быў выпадак, калі нашу журналістку адразу пасля ператрусу запрасілі на размову, потым выклікалі яшчэ раз тэлефонным званком, яна прыйшла з адвакатам, аднак адваката не пусцілі, і фактычна гутаркі не адбылося. Пасля гэтага ўвечары ёй з невядомага нумара тэлефанавалі з пагрозамі: «Будете иметь бледный вид и редкие зубы». Журналістка адразу склала скаргу ў міліцыю на тэлефонныя пагрозы — і ўсё перапынілася, больш такога не было.

Падчас акцый лета 2011 года — маўклівых гулянняў, апладысментаў, затрыманняў — нашыя журналісты таксама траплялі «пад раздачу», але нам удавалася адразу іх вызваляць праз прэсавую службу МУС.

— У прэс-службу звярталіся Вы як рэдактар?

— Так, гэта была звычайная практыка: званілі спадару Ластоўскаму, каб даведацца, дзе нашы журналісты знаходзяцца, і прасілі разабрацца, бо яны выконвалі рэдакцыйнае заданне. Разбіраліся, вызвалялі.

— Ці з'явіўся нейкі карысны досвед пасля затрыманняў, ператрусаў, канфіскацыяў? Ці магчыма неяк усяго гэтага пазбягаць?

— Не дапусціць ператрусу ў рэдакцыі пасля падзеяў 19 снежня 2010 года можна было, толькі калі б мы не

публікавалі на сайце аператыўную інфармацыю пра ўсё, што адбывалася. «Наша Ніва» тады мела больш за 100 тысяч праглядаў за вечар — адпаведна, улады таксама звярнулі на яе ўвагу… А потым яшчэ была гісторыя з матэрыяламі пра выбух у метро 11 красавіка. Нашы карэспандэнты зрабілі вельмі вострае рэалістычнае відэа ў першыя хвіліны пасля выбуху; яно выклікала шэраг дыскусій у інтэрнэце, спрэчкі, ці этычна публікаваць такое. І на наступны дзень пасля публікацыі да нас прыйшлі супрацоўнікі КДБ, зноў тым самым складам, што і пасля 19 снежня… Паказалі паперу, што яны маюць права правесці ператрус і канфіскацыю, каб знайсці гэтае відэа. І ва ўльтыматыўнай форме запатрабавалі: альбо ператрус, альбо здыміце гэтае відэа з сайта. У нас была касета, зыходнік з запісам — мы проста аддалі яе, зачынілі відэа на сайце і такім чынам пазбеглі ператрусу. Гэта быў кампраміс з нашага боку. Чаму мы пайшлі на такі кампраміс? Быў аўторак, дзень здачы нумара. Калі б у нас забралі тэхніку, мы б не дарабілі газету. Складана рабіць незалежную газету. Бо самае галоўнае — каб яна выходзіла і каб у ёй была аб'ектыўная інфармацыя. Як ты гэта робіш — гэта ўжо ўнутраныя праблемы… У тым ліку і кампрамісы, на якія даводзіцца ісці.

— Дайце парады, як трэба сябе паводзіць падчас ператрусу.

— Спакойна. І каб не было шоку, я лічу, што кожны журналіст мусіць пачытаць заканадаўства, нарматыўныя дакументы, дзе напісана, што можна рабіць падчас ператрусу, чаго нельга.

Калі тыя, хто прыйшоў з ператрусам, бачаць, што вы ведаеце працэсуальныя нормы, яны паводзяць сябе больш стрымана, у іх няма жадання прэсануць, давесці ваш страх да панікі. Таму найперш трэба ведаць заканадаўства, якое рэгламентуе іх дзеянні. Ведаць, што яны маюць права забіраць, што не… Што тычыцца допытаў, таксама трэба ведаць заканадаўчую базу — што могуць выклікаць на допыт у якасці сведкі, што мусіць быць дакладна аформленая позва.

Калі на камп'ютарах ёсць нейкія файлы, якія не хочаце, каб нехта бачыў, — карыстайцеся праграмамі ачысткі камп'ютара, таксама трэба ўлічваць пытанні бяспекі перапіскі. Практычна да 2010 года слаба верылася, што хтосьці будзе цікавіцца змесцівам твайго камп'ютара, але сёння мы працуем там, дзе працуем.

— Ці сутыкаецца «Наша ніва» з пагрозамі з боку нейкіх персон, арганізацый?

— Не, такога няма. Ясная справа, што газета незалежная і мае сваю пазіцыю, — і яна не падабаецца таму, хто прызвычаіўся, што прэса выконвае сервільную функцыю. Гэта можа быць улада, не ўлада... Але я кажу, што ў Расеі, напрыклад, журналісты маюць вялікія праблемы і з крыміналам, і з нейкімі іншымі структурамі, — на шчасце, Беларусь яшчэ не дакацілася да такога. Ва ўсялякім разе, тут не такая рызыка, што цябе заб'юць у пад'ездзе.

— Ці павінныя быць у рэдакцыі лятучкі па бяспецы?

— Гэта ў нас адбываецца падчас агульных планёрак. Мы абмяркоўваем нейкія актуальныя сітуацыі, просім звярнуць увагу на канкрэтныя рэчы, нагадваем пра недапушчальнасць парушэння прафесійных, у тым ліку этычных, нормаў.

— Ці практыкуеце правядзенне экспертызы вострых матэрыялаў перад публікацыяй?

— Вядома, калі ў нечым сумняваемся, звяртаемся ў БАЖ — можам у любы час дня і ночы папрасіць эксперта прававога цэнтра, каб выказаў сваё меркаванне.

— А ці былі судовыя разбіральніцтвы па публікацыях?

— Было некалькі. Увогуле, ціск на рэдакцыю праз суд — гэта асобная гаворка…

Былі ў нас і суды, і папярэджанні. Міністэрства інфармацыі асабліва пільна адсочвае дзеянні незалежнай прэсы, і бывае так, што газета атрымлівае папярэджанне за нейкія свае памылкі і праліклі. Хоць такія самыя памылкі і праліклі бываюць у дзяржаўнай прэсы — аднак папярэджанні ім даюць радзей. Зараз існуе норма, што за два папярэджанні, незалежна ад іх цяжкасці, газету ці часопіс можна закрыць. Гэта значыць, што калі ў выходных дадзеных адзін раз не будзе стаяць нейкая коска і другі раз не будзе напісана імя па бацьку галоўнага рэдактара, — то вось ужо і можна газету закрываць. Мы сутыкнуліся з такой праблемай.

Такая небяспека, канешне, тычыцца больш рэдактара, бо найперш яму галава баліць па гэтых судах. Гэта адбірае шмат сіл і часу, гэта — штучны спосаб ціснуць на недзяржаўную прэсу.

— Якой Вы бачыце ролю рэдакцыі ў забеспячэнні бяспекі журналістаў, што працуюць «у полі»?

— Калі журналіст прыходзіць працаваць у рэдакцыю, ён мусіць і сам кантраляваць, што і як ён піша, каб не падстаўляцца пад нейкія прэтэнзіі прававога характару. Але рэдактар, канешне, рэдагуе, а ў выпадку, калі нешта здараецца, зразумела, што рэдакцыя мусіць усяляк падтрымліваць і бараніць сваіх журналістаў. Напрыклад, забралі карэспандэнта ў РАУС — трэба званіць у РАУС, калі неабходна — дык ехаць, дамагацца вызвалення. Калі арганізуюць правакацыю — трэба забяспечваць прававую дапамогу, ломяцца з ператрусам у хату — трэба туды ехаць. Рэдакцыя ні ў якім разе не павінна кідаць журналіста ў той канфліктнай сітуацыі, у якой рэпарцёр апынуўся праз тое, што рыхтуе матэрыялы для незалежнага выдання.

Размаўляла Сабіна Брыла

Посягательство на имущество журналиста и редакции

ОБЫСК

Посягательство на личное и профессиональное имущество журналистов, а также редакций — распространенное явление в Беларуси. Зафиксировано немало случаев, когда к журналистам проникали в квартиры, еще больше — когда у них отнимали профессиональную технику. Это делали как неизвестные злоумышленники, так и представители силовых структур, в том числе и на основании соответствующих документов.

Посягательство на имущество со стороны неизвестных

Мы не будем описывать здесь все случаи ограбления редакций или посягательств на журналистское имущество — упомянем лишь некоторые.

После президентских выборов 2010 года кто-то взломал дверь квартиры редактора независимого спутникового телеканала «Белсат» Екатерины Ткаченко. «Мне позвонили соседи, говорят, что какая-то проблема с замком, — рассказывает Екатерина. — Я приехала и не смогла войти в квартиру: ключ не поворачивался. Я вызвала милицию. Приехала оперативная группа, прошлись по соседям, и выяснилось, что какие-то неизвестные люди с моим портретом ходили и уже спрашивали соседей, кто я такая… Я написала заявление о том, что у меня была поломана дверь, и через две недели начались просто комедийные вещи. Мне звонят из милиции и спрашивают: "Скажите, а с вами не связывались из КГБ?" Я говорю: "Нет". — "Странно, но они нам пообещали, что с вами обязательно свяжутся. Вы не волнуйтесь, вас не ограбили, у вас был обыск!"»

Правозащитник Гарри Погоняйло предупреждает: обыск в вашей квартире действительно может быть проведен без вашего участия, однако в любом случае такие действия не должны выглядеть как посягательство неизвестных. По закону, если обстоятельства дела диктуют необходимость срочного проведения обыска, а в квартире никого нет, для проникновения в жилище должны быть вызваны представители ЖЭС, понятые. Органы, которые проводят следственные действия, имеют право даже взломать дверь квартиры — однако только в исключительных случаях, если имеются серьезные доказательства того, что в помещении, например, прячется преступник, хранится краденое имущество или находится оружие.

В случае, если вы столкнулись с посягательством на ваше имущество, необходимо:

1. Вызвать милицию.
2. Ничего не трогать до приезда милиции, ограничить присутствие посторонних на месте инцидента.
3. Написать заявление, в котором указать:

• фактуру события (что произошло);

• список пропавшего (поврежденного) имущества;

• другие обстоятельства, которые вы считаете важными (может быть, кто-то угрожал вам накануне).

Если вы имеете обоснованные подозрения (или получили сведения), что у вас в квартире был обыск, вы должны:

• проверить эти подозрения или сведения, обратившись в милицию;

• при их подтверждении — обжаловать незаконность срочного проведения обыска вышестоящему должностному лицу органа, который проводил обыск, или в прокуратуру.

Обыск и изъятие имущества

Обыск проводится, как правило, на основании соответствующего постановления с санкции (разрешительной подписи) прокурора. В исключительных случаях обыск может быть произведен и без санкции с уведомлением прокурора о проведении обыска в течение 24 часов.

По закону основанием для проведения обыска является наличие у правоохранительных структур достаточных данных полагать, что в каком-то помещении или ином месте находятся нечто или некто, имеющие значение для уголовного дела. Белорусские следователи и дознаватели очень широко трактуют эту статью: случается, что обыски проводятся не только у обвиняемых и подозреваемых, но и у свидетелей и даже у лиц, не имеющих никакого отношения к делу.

Первым «урожайным» на санкционированные обыски у журналистов и в редакциях стал 2008 год, когда за два дня — 27 и 28 марта — обыскам подверглись четыре офиса и тринадцать квартир репортеров, многие из которых сотрудничали с неаккредитованными иностранными СМИ: телеканалом «Белсат», «Радио Рация», студией «Европейское радио для Беларуси». Обыски прошли почти одновременно в Минске, Гродно, Могилеве, Бобруйске, Гомеле, Витебске, Новополоцке, Бресте, Березе, Барановичах, Пинске, Осиповичах и Горках. Их проводили сотрудники КГБ по поручению заместителя прокурора Минска А. Стука. Официальным основанием послужило дело о клевете на президента РБ, возбужденное еще в 2005 году в связи с появлением в интернете сатирических мультфильмов. МИД, однако, вскоре признал, что причиной обысков стала работа журналистов на иностранные СМИ без аккредитации. Между тем белорусское законодательство не предусматривает в отношении журналистов, работающих без аккредитации, таких мер, как обыски и конфискация имущества.

Летом 2008-го уголовное дело по факту клеветы на президента было приостановлено. Никаких обвинений никому из журналистов предъявлено не было. И только в сентябре КГБ начал возвращать им технику и документы.

Инцидент стал для журналистов поводом побеспокоиться о безопасности. Канал «Белсат» в очередной раз обратился в МИД с просьбой об аккредитации (и в очередной раз ему было отказано). В редакциях прошли «летучки» с обсуждением ситуации: большое внимание стало уделяться безопасности хранения и передачи информации, передвижения журналистов с техникой и т. п.

Но главное — стало ясно, как велико значение корпоративной солидарности. Когда в феврале 2010 года спецслужбы предприняли очередную попытку ворваться в минский офис «Белсата», журналисты не впустили их в снятую квартиру, а вызвали юриста БАЖ и коллег. Журналисты из других изданий вошли в «осажденное» помещение, а потом вышли вместе с белсатовцами, захватив свое оборудование. Определить, кто именно находился в офисе до приезда журналистов, стало невозможно, а продолжать осаду офиса — бессмысленно.

Почти через год, в рождественскую ночь на 26 декабря 2010 года, неизвестные (предположительно сотрудники КГБ и МВД) все же смогли ворваться в минский офис «Белсата». Однако они нашли там только старую печатную машинку «Ремингтон», в которую был вставлен лист бумаги с надписью: «Specially for you».

Вторая волна массовых обысков настигла СМИ после последних президентских выборов в Беларуси (19 декабря 2010 года): из помещений редакций и квартир журналистов сотрудниками КГБ было изъято 114 единиц профессионального оборудования.

25 декабря 2010 года из офиса «Европейского радио для Беларуси» (тогда уже получившего официальную аккредитацию в Беларуси) вынесли всю оргтехнику: компьютеры, ноутбуки, сервер, диктофоны, фотоаппараты, портативные видеокамеры… В последующие дни у нескольких журналистов, сотрудничавших с «Белсатом», изымались ноутбуки и видеокамеры. 28 декабря обыск прошел в помещении Белорусского ПЕН-Центра, где размещается редакция газеты «Наша Ніва», а также на квартире главного редактора этого издания. Сотрудники КГБ изъяли 12 компьютеров, флэш-карты и CD-диски. 31 декабря спецслужбы обыскали квартиры фотокорреспондента и видеооператора «Нашай Ніве», была изъята техника. Вот как вспоминает об обыске фотокорреспондент Юлия Дорошкевич: «Звонок в дверь раздался в 8 утра 31 декабря — нам сказали, что затапливаем соседей снизу. Мы с мужем посмотрели под ванну — никого мы не затапливали. Переглянулись и все поняли; морально мы были готовы к обыску. Не открывать не было смысла: квартира съемная, в любом случае войдут. Я отправила знакомому sms — и пока шел обыск, об этом уже знали все. Обыск продолжался три часа, у нас забрали все, что можно: горы флэшек, винчестеров, компьютеры — мой и мужа…»

Те, кто пришел с обыском, часто представляются «сантехником» или «затопленными соседями». Вы можете не открывать дверь, пока визитеры не представятся и не скажут вам, зачем на самом деле они пришли и откуда. Попросите их подождать за дверью, пока вы не позвоните в названную ими структуру и не уточните, действительно ли эти люди уполномочены проводить у вас обыск. Воспользуйтесь этим временем также для того, чтобы справиться с волнением, позвонить близким и коллегам, юристу.

В ходе обыска следователь или дознаватель сами принимают решение, что подлежит выемке. Забирая «все подряд», они очень широко трактуют ст. 210 УПК «Порядок проведения обыска и выемки», которая обязывает их ограничиваться изъятием только тех предметов и документов, которые имеют отношение к делу. Если изымаются не только носители информации, но и объективы, мониторы, ксероксы и даже мышки вместе с ковриками, — эти действия можно обжаловать вышестоящему должностному лицу или прокурору.

В марте 2010 года были произведены обыски у журналисток Натальи Радиной, Ирины Халип, Светланы Калинкиной и Марины Коктыш. Обыски проводились в связи с уголовным делом, возбужденным по факту клеветы на бывшего начальника Управления КГБ по Гомельской области Ивана Коржа (на момент проведения

обысков он возглавлял УКГБ по Гродненской области). Журналистки проходили по делу в качестве свидетелей. Марина Коктыш вспоминает, что обыск в квартире стал для нее настоящим испытанием. «Присутствие чужих людей в доме, которые ходят, что-то ищут, — это уже шок. Тогда мне очень помог юрист БАЖ, который сразу же по моему звонку приехал и обращал внимание на какие-то мелочи… Мне в тот момент было все равно, где должны стоять понятые. Но юрист говорил, что понятые должны быть там, где находится следователь, и если он трогает что-то руками, они должны это видеть, и если он находит у тебя какую-то флэшку, они должны видеть, откуда он ее достал — из ящика твоего стола или из своего кармана». Одно из главных правил, которых советует придерживаться Марина Коктыш в подобной ситуации, — не паниковать. Осознавать, что на твоей стороне — поддержка коллег, вести себя спокойно и уверенно. И, конечно же, знать свои права.

Если к вам приходят с обыском:

1. Ознакомьтесь с документами. Вас интересуют, прежде всего:
   - удостоверения тех, кто пришел проводить обыск. Потребуйте их и перепишите данные;
   - постановление о возбуждении уголовного дела (если оно имеется);
   - постановление о производстве обыска. Перепишите, что стало основанием для обыска, кто дал санкцию на него. Проверьте, имеется ли на бумаге печать прокуратуры.
2. Требуйте присутствия при обыске адвоката (правозащитника, юриста), коллег. Звоните им. Даже если вызванный вами правозащитник или адвокат не будет допущен в качестве представителя, он может выступить как понятой.
3. Не впускайте в свою квартиру никаких «сопровождающих». Только следователь, понятые (по возможности, пусть это будут ваши знакомые: соседи, коллеги) и, при необходимости, специалист имеют право проводить следственные действия в помещении. Сотрудник милиции может находиться в квартире, но не должен непосредственно участвовать в обыске.
4. Внимательно следите за тем, кто проводит обыск; не позволяйте обыскивать одновременно несколько помещений. Обыск должен производиться последовательно: сначала в одной комнате, потом — в другой и т. д.
5. Обращайте внимание на каждую изымаемую вещь, требуйте пояснения. Ни в коем случае не прикасайтесь к вещам, к которым не имеете отношения.
6. Если вы не согласны с чем-то, добивайтесь занесения ваших возражений в протокол.
7. Потребуйте копию протокола обыска либо максимально подробно перепишите его содержание, особенно в части ваших замечаний и основных результатов обыска. Обязательно запишите, какие вещи были описаны и изъяты.
8. Помните, что ст. 27 Конституции Республики Беларусь предоставляет вам право не давать показаний против себя и своих близких.

По мнению журналистов, цель обысков заключается не только в том, чтобы «найти и обезвредить» некую информацию, но и в том, чтобы запугать сотрудников и парализовать работу редакций. Когда в начале 2011 года из редакции газеты «Борисовские новости» в ходе обыска вынесли все оборудование, за исключением электрического чайника, пропал и оригинал-макет сверстанной газеты. Восстановить его было не легче, чем получить обратно технику. Поэтому, если на каких-то условиях (отдать кассеты, стереть снимки и т. п.) вам предлагают оставить оборудование, — иногда следует воспользоваться этим компромиссом. И если у вас в редакции принято правильно хранить информацию, защищать ее, своевременно и оперативно передавать коллегам, ваши потери будут минимальны.

Важно! Если у вас есть незарегистрированное огнестрельное оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, вы можете добровольно сдать их перед обыском. Это освободит вас от уголовной ответственности за хранение таких вещей (примечание к ст. 295 УК).

Другие случаи изъятия, повреждения техники

Профессиональное журналистское оборудование в Беларуси могут изымать не только во время обысков и массовых акций.

В апреле 2009 года во время съемок в Клецке милиция задержала минских журналисток Анастасию Кравчук и Екатерину Ткаченко и издателя регионального бюллетеня Сергея Пономарева. Несколько часов их продержали в участке, а потом отпустили, изъяв видеоаппаратуру и кассеты и даже не выдав копии протокола изъятия. В связи с нарушением прав журналистов и неправомер-

ными действиями милиции юристы БАЖ обратились в прокуратуру Клецкого района. В обращении, среди прочего, отмечалось, что в соответствии с законом изъятие предметов и вещей допускается только в случаях:

- если они изымаются у задержанных в качестве потенциальных вещественных доказательств;
- в качестве меры обеспечения административного процесса;
- при выносе имущества с охраняемых объектов;
- если имущество и предметы запрещены к обороту на территории РБ;
- если информационная продукция содержит призывы к экстремистской деятельности либо пропагандирует такую деятельность.

Через месяц в БАЖ пришел ответ из Клецкой милиции: нарушения в действиях сотрудников милиции выявлены, виновным указано. Аппаратуру журналистам вернули.

Впрочем, иногда журналисты не знают, представители каких ведомств отнимают или ломают их технику.

В день президентских выборов 19 декабря 2010 года, когда силовыми методами была разогнана колонна, сопровождавшая кандидата в президенты Владимира Некляева, многие журналисты понесли серьезные материальные убытки: техника была повреждена, требовала ремонта или замены. До сих пор (хотя заявления в правоохранительные органы писались не раз) не найдено профессиональное оборудование фотографа Андрея Ленкевича. «Когда я лежал в снегу, человек, который стоял сверху, просто попросил меня, чтобы я отдал ему фотоаппарат, — рассказывает фотограф. — Очень тактично, надо заметить, попросил отдать фотоаппарат на экспертизу. Выбора у меня не было — я, конечно же, отдал».

В день годовщины президентских выборов, 19 декабря 2011 года, у задержанных журналисток Юлии Дорошкевич и Татьяны Гаврильчик, которые снимали активисток украинского движения «Femen» на крыльце белорусского КГБ, также забрали технику. «Мы потребовали протокол изъятия, в нем было написано такое обоснование: "На основании получения информации", — рассказывает Юлия Дорошкевич. — Но кроме флэшки с фотографиями забрали саму камеру, объектив, потом еще вернулись за моим компьютером…» Больше месяца Юлия Дорошкевич и Татьяна Гаврильчик добивались возврата своей аппаратуры. Юлия в это время вынужденно не работала: она фрилансер и в работе использует личную технику.

В случае повреждения или уничтожения вашего имущества — как во время обыска, так и при других обстоятельствах — вы можете обжаловать действия должностного лица прокурору. В этих действиях могут быть признаки сразу нескольких преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом: злоупотребление властью, умышленное уничтожение или повреждение имущества и пр. Если какие-то из этих преступлений будут доказаны, вы можете ставить вопрос не только о привлечении виновных к ответственности, но и о компенсации убытков и морального ущерба.

Уверенно прибегайте к гласности. В случаях проникновения в ваше жилище, обыска, изъятия имущества незамедлительно обращайтесь за поддержкой: к коллегам, правозащитникам, медиаюристам. Старайтесь сделать этот факт максимально публичным.

На выспе свабоднага слова

Сяргей ПУЛЬША

«Хваробы бойся, астрога сцеражыся, а торбы не цурайся», — кажуць беларусы. Праз «астрог» тым ці іншым чынам прайшлі дзясяткі журналістаў, а яшчэ больш — праз судовыя спрэчкі. Хіба што не чэмпіён у гэтай справе — Аляксей Кароль, былы рэдактар закрытай уладамі газеты «Згода» і сённяшні рэдактар «Новага часу».

Колькі было судовых паседжанняў па справах «Згоды» і «Новага часу» — пералічыць цяжка. Таму мы і папрасілі Аляксея Караля распавесці «Абажуру» пра «ўнутраную бяспеку рэдакцыі». Больш проста — пра тое, якімі правіламі мусіць карыстацца журналіст, каб пазбегнуць таго самага «астрога» і судовага пераследу.

— Аляксей Сцяпанавіч, відавочна, складана працаваць ва ўмовах, калі судовая справа супраць любога недзяржаўнага выдання залежыць ад якога-кольвек «ідэалагічнага» жадання?

— Чым большая ў краіне ступень свабоды слова — тым меншая небяспека трапіць пад суд. У Беларусі ўзровень свабоды слова — як пры кожным аўтарытарным рэжыме. То бок ідэал палітычнай сістэмы такога кшталту — гэта поўная адсутнасць незалежнай прэсы. «Добры» ўзор далі Савецкі Саюз і гітлераўская Германія, дзе незалежныя СМІ былі вынішчаны пад корань, і за любы выпад супраць уладнай групоўкі, супраць правадыра — турма і канцлагер.

Ідэал рэжыму, што ўсталяваўся ў Беларусі, — поўная адсутнасць непадкантрольных уладам СМІ. Але, дзякуй Богу, гэта сістэме не пад сілу: іншы час, іншыя міжнародныя варункі, іншыя тэхналогіі. Таму палітыка ўлады на сённяшні дзень

скіравана на ўтрыманне свабоднага і незалежнага слова ў жорстка абмежаваных рамках з мэтай выключыць любую верагоднасць усплёску масавай цікавасці да альтэрнатыўнай інфармацыі, а з ёй і сацыяльнай актыўнасці, сацыяльнага выбуху, як гэта адбылося на пачатку 1990-х.

Сённяшнія ўтрымальнікі ўлады памятаюць гэта з уласнага досведу. Тая хваля перамен вынесла іх на вяршыню. А новая ім ужо пагражае. Адсюль і страх, па контуры якога яны і імкнуцца акрэсліць свабоду слова. Дакладней, сціснуць дарэшты. Гэта ў прававой дзяржаве межы свабоды слова акрэслівае закон, у неправавой — законы мяняюць «пад сябе» ці прымаюць новыя з адной толькі мэтай — закрыць «ідэалагічныя» шчыліны, ліквідаваць пагрозы, што азначыліся, а мо нават і прымроіліся.

— Неяк змрачнавата. Тым не менш недзяржаўныя СМІ ў Беларусі захаваліся, і сацыялагічныя даследаванні фіксуюць рост даверу насельніцтва да іх. Незалежныя журналісты, нягледзячы на бесперапынны ціск, працягваюць працаваць.

— Я б нават сказаў так: незалежныя журналісты ў Беларусі абаранілі не тое што разрозненыя аскепкі свабоднага слова, а дастаткова заўважную выспу, цэласную тэрыторыю. Своечасова, з вялікім апярэджаннем па часе ў параўнанні з афіцыйнымі СМІ, здзейснілі ашаламляльны стратэгічны манеўр — акупавалі інтэрнэт, стварылі там архіпелаг вольнага слова. На сёння ў Беларусі больш як 4 мільёны карыстальнікаў інтэрнэту, з іх каля 800 тысяч чытаюць незалежныя сайты, якія, па сутнасці, выйгралі інфармацыйную вайну ў дзяржаўных інтэрнэтрэсурсаў. Нягледзячы на ціск, на санкцыі, на рэпрэсіі. У пастаянным супраціве. Разам з тым, яны засвоілі стратэгію і тактыку выжывання, набылі досвед барацьбы з інфармацыйнай хлуснёй, з несправядлівасцю.

Кожны з незалежных рэдактараў і журналістаў сёння добра разумее, што ўлады пры жаданні могуць у любы момант закрыць любое СМІ. Знойдуць любую зачэпку, прыляпіўшы яе да якога-небудзь «убойнага» артыкула таго ці іншага закона. Калі будзе на тое палітычнае рашэнне. Усе гэта разумеюць, але спакойна працуюць. Гэта свядомы выбар сапраўдных профі, якім брыдка спяваць з чужога голасу, пад «фанеру».

— Ці застаецца ў такіх умовах поле для манеўра, тактычных ходаў, для хаця б лакальных перамог, урэшце, для змяншэння рызыкі трапіць пад пераслед?

— Безумоўна. На тым і трымаемся. Нават таталітарная вертыкаль — не маналіт. Нават там свабоднае слова прабівалася — праз самвыдат, праз замежныя радыёгаласы, праз улёткі, урэшце, прабівалася паміж радкамі ў падцэнзурнай літаратуры. Наш люфт магчымасцей шматкроць большы. Трэба ацэньваць сітуацыю ў цэлым.

Па-першае, у той прасторы свабоды слова, якую мы адстаялі і якую аўтарытарны рэжым мусіць цярпець, дакладна вызначаных «кропак небяспекі», за ўдар па якіх сістэма павінна імгненна рэагаваць рэпрэсіямі, значна менш.

Па-другое, узровень небяспекі трапіць пад пераслед для таго ці іншага выдання і журналіста залежыць ад актыўнасці той ці іншай асобы ў сваіх да іх прэтэнзіях. Зараз Мікалай Чаргінец палічыў, што для яго небяспечныя «Народная воля» і Іосіф Сярэдзіч, і ён падае ў суд за абразу гонару і годнасці — як калісьці на «Новы час».

Яшчэ адзін фактар, спрыяльны для незалежных СМІ: рэжым мусіць браць у разлік рэакцыю міжнароднай супольнасці на парушэнні правоў чалавека, дэмакратычных стандартаў. Каб не было гэтай міжнароднай салідарнасці, мяркую, у Беларусі ўжо даўно была б знішчаная выспа свабоднага слова.

— А што тычыцца канкрэтна журналісцкай працы?

— Ва ўмовах несвабоды — нікуды не дзенешся — трэба па магчымасці прытрымлівацца простых правіл бяспекі, правераных не адным пакаленнем папярэднікаў. Не малоць языком лішняга, унутраную інфармацыю, папяровыя і электронныя рукапісы захоўваць у недаступным для непажаданых гасцей месцы. У сучасных умовах гэта найперш азначае прытрымлівацца правіл бяспекі ў інтэрнэце.

Што тычыцца творчых мераў перасцярогі журналіста незалежнага выдання, то гэта звычайныя прафесійныя стандарты для любога СМІ, кожнага журналіста і любой публікацыі. Гэта дакладнасць фактаў, інфармацыі і ацэнак, адсутнасць абразлівых выказванняў.

А вось пры ацэнцы актуальнасці той ці іншай тэмы, публікацыі ёсць свае асаблівасці. Іншым разам трэба прынцыпова вызначыцца: ці ёсць тая падзея, якая адбылася, ці тая асоба, пра якую вядзецца гаворка ў артыкуле, ці імя, што ўзгадваецца ў тэксце, тыя факты такімі, дзеля якіх можна ставіць пад пагрозу існаванне выдання. Іншымі словамі, у якой сітуацыі прамаўчаць нельга, бо маўчанне ўжо будзе здрадай сабе і кодэксу прафесійнай годнасці. Напрыклад, мы не хісталіся ані хвіліны, калі нам перадалі турэмны дзённік Ігара Аліневіча «Еду ў Магадан». Ужо потым даведаліся, што прапаноўвалі не нам першым.

Ёсць тактычныя выпадкі і разлікі, звязаныя з пэўнымі асобамі і абставінамі. Напрыклад, нехта — «самівядаецехто» — не ўспрымае карыкатуры на сябе. Гэта Чэрчыль у свой час скардзіўся: «Даўнавата не было карыкатураў на мяне, страчваю папулярнасць». Аўтарытарныя ж галоўнаначальнікі пазбаўленыя пачуцця гумару. Таму з меркаванняў тактыкі пазбяганне наўпроставых карыкатур — апраўданы варыянт перасцярогі.

— Ці не прыводзяць такія разлікі да самацэнзуры?

— Усё залежыць ад ступені рызыкі. Адна сітуацыя, калі ты ўвогуле пазбягаеш вострых тэмаў, абыходзіш сутнасць падзеі. Іншая — калі выбіраеш тэрміналогію.

Хаця ў нашым выданні журналісты пішуць, я мяркую, усё аб усім, востра і жорстка. Выбіраюць тэрміналогію? Так. Адмаўляюцца ад калажаў, ад лабавой карыкатуры — так. Але карыкатура на ўзроўні мастацтва, з асацыятыўнымі адсылкамі — на першай старонцы. Інакш гэта было б іншае выданне. І гэта адзін з прыёмаў захавання тэрыторыі свабоднага слова.

— Тэрыторыя свабоды слова — такая важная рэч, што для яе захавання патрэбныя пэўныя абмежаванні?

— На жаль, так — у несвабодным грамадстве. Напрыклад, з'яўляецца непалітычнае выданне, піша пра

культурныя з'явы, асвятляе тэмы, наўпрост не звязаныя з палітыкай. Але яно назапашвае, захоўвае агульнагуманітарныя каштоўнасці і шырокі дыяпазон ацэнак. Гэта таксама спрыяе фармаванню ў чытача, у грамадстве пачуцця свабоды і гонару.

За савецкім часам на зусім, здавалася б, непалітычнай літаратуры Сэлінджэра, Хемінгуэя, Рэмарка, Аксёнава, на вершах Вазнясенскага, Еўтушэнкі, песнях Высоцкага, у нас — на творах Барадуліна, на сатырычнай паэме Ніла Гілевіча (на той час яшчэ ананімнай) «Лысая гара» фармавалася пакаленне пераменаў з працягам у 1990-я.

Такія выданні — гэта пазітыў, які дазваляе нам якасную журналістыку і мінімум самацэнзуры. Гэта «самацэнзура», падкрэслю, не тычыцца прынцыповых саступак.

— З аднаго боку, ад судовага пераследу не застрахаваны ніхто. З іншага — мала хто раіцца з юрыстамі наконт публікацыі. На вашую думку, ці патрэбны ў рэдакцыі юрыст?

— Я не думаю, што на сённяшні дзень юрыст у рэдакцыі — абавязковая адзінка. Але юрыдычная экспертыза ў пэўных выпадках патрэбная. Мы карысталіся паслугамі юрыстаў з БАЖа. Напрыклад, Міхаіл Пастухоў, калі былі атака на «Згоду», ператрусы ў рэдакцыі, хадзіў са мною ў міліцыю, у пракуратуру. Калі доктар юрыдычных навук, прафесар тлумачыў міліцыянтам, дзе і ў чым яны пераступаюць закон, гэта ўплывала на іх паводзіны. Праўда, пакуль не прагучаў канкрэтны загад: «Закрыць».

— Што б вы параілі аўтарам?

— Поўнай гарантыі ад судовага пераследу ў нашых умовах няма. І аўтару трэба найперш ацаніць, ці гатовы ён увогуле быць незалежным журналістам. Незалежны журналіст — гэта, найперш, маральны і аб'ектыўны журналіст. І самацэнзура можа тычыцца толькі непрынцыповых тактычных ходаў. Трэба шукаць сваю тэму, якая цікавая табе самому. А ўжо потым абмяркоўваць тэму з рэдактарам, з калегамі.

— Да вас як да рэдактара «Згоды» некалькі разоў прыходзілі з ператрусамі. Што трэба рабіць у такім выпадку?

— Заўсёды быць гатовым да ператрусу. Пажадана паспець зачыніць перад няпрошанымі гасцямі дзверы, паведаміць калегам і праваабаронцам пра налёт.

Не трэба быць параноікам, але ў рэдакцыі павінна быць некалькі электронных копій выдання ў розных месцах. Таксама павінен захоўвацца ўвесь інструментарый макетавання і вёрсткі газеты: гэта значыць шаблонаў старонак, шрыфтоў, установачных файлаў праграм, у якіх рыхтаваўся нумар, і гэтак далей.

Не ў адным асобніку павінен захоўвацца і «папяровы» архіў. Папера — самы надзейны носьбіт інфармацыі. Тэхніка збоіць, флэшкі могуць не чытацца, хуткасць інтэрнэту можа быць абмежаванай, але па папяровай версіі выдання дызайнер здатны вельмі хутка аднавіць макет, калі не захавалася электронных прыладаў.

Дарэчы, раней ноўтбукі і іншыя прылады не сканфіскоўвалі: гэта была твая ўласнасць, а не рэдакцыйная. Цяпер забіраюць усё: нэтбукі, флэшкі, карты памяці, планшэты і гэтак далей. Таму чым больш копій таго, што неабходна для выпуску газеты, — тым лепш.

Безопасная работа с источниками информации

Защита источника информации

Источник информации подлежит защите — это не только общепринятая этическая, но также юридическая норма, отраженная и в белорусском Законе о СМИ (ст. 39). Журналист имеет полное право не называть ни имя, ни должность источника не только в своем материале, но и, например, в прокуратуре, куда его вызвали «для дачи объяснений». Однако, согласно белорусскому законодательству (ст. 39 Закона о СМИ), журналист должен раскрывать источник и его данные по требованию органа уголовного преследования и суда в связи с производством предварительного расследования, судебным разбирательством.

В Беларуси известны случаи, когда, стремясь обнаружить, откуда информация просочилась в СМИ, прокуратура специально заводила уголовные дела. Это надо иметь в виду, и, если вы не хотите ни при каких условиях раскрывать источник, нужно быть готовым брать на себя полную ответственность за распространенную информацию — в том числе за ее достоверность (ведь вы не сможете сослаться на слова источника как на доказательство).

Защита источника информации в Беларуси сегодня актуальна, как никогда: в ней нуждаются не только те, кто выступает, например, в роли жертв или свидетелей какого-либо действа или события, но и служащие, предоставляющие информацию СМИ. В последние годы чиновники всех уровней опасаются разглашать в прессе даже самые безобидные сведения и весьма неохотно идут на контакт с журналистами. Этому способствует дополнительный «фильтр» между носителями информации и прессой — поправки в Закон «О государственной службе», принятые в середине 2008 года (ст. 22-1). В соответствии с этой статьей публикации и выступления чиновников, связанные с их службой, подлежат согласованию с руководством государственного органа.

Журналист Любовь Лунева не однажды сталкивалась с нежеланием чиновников общаться с прессой. «В Швеции, например, предусмотрена ответственность чиновника за то, что он отказался дать журналисту информацию. У нас чиновник, скорее, будет отвечать за то, что он что-то сказал. Поэтому у них любимая песня: "Нет комментариев", — но даже и за эту фразу ему может попасть», — замечает Лунева.

Корреспонденты, которые пишут на острые темы или занимаются расследованиями, отмечают, что власти стремятся контролировать работу некоторых журналистов, в том числе и с целью поиска источника информации в чиновничьих рядах.

Но сквозь систему контроля и запретов информация к белорусским журналистам попадает все чаще по причине, которую невозможно регламентировать. «Ко мне, как и к другим, приходят люди, которые говорят: "Все, меня достало!" И что-то могут рассказать, — говорит Любовь Лунева. — И бывает такая ситуация, что ты даже не вправе об этом рассказанном написать, потому что понимаешь, что можно подставить людей. И просто берешь это к сведению, информация накапливается, и ты становишься "в теме"».

В целях безопасности источника, желающего оставаться анонимным, коллеги советуют придерживаться следующих правил:

- не хранить телефонных номеров источника в записных книжках (в том числе телефонных) либо надежно кодировать такие заметки;
- не вносить этого человека в число друзей в социальных сетях (это можно делать, если вас связывают общие страницы биографии: школа, институт, армия и т. п., но в этих случаях, естественно, не стоит обсуждать в сети вопросы сотрудничества);
- не договариваться о встрече по телефону (в крайнем случае — пользоваться телефоном-автоматом);
- не производить (либо не хранить) диктофонных записей беседы с источником;
- для почтовой коммуникации создавать специальные альтернативные аккаунты.

Если в какой-то структуре у вас есть постоянный источник информации, никогда не называйте его имя в своих материалах и никогда не пишите ничего, что могло бы его идентифицировать.

Необходимо хорошо подумать, следует ли публиковать копию документа, который попадает к вам от источника, легко поддающегося «вычислению», — например, если к этому документу имеет доступ очень ограниченное число людей. Нужно помнить и о том, что перечень информации, запрещенной к распространению в СМИ, в Беларуси очень широк и размыт: «запретные» темы рассеяны по всему законодательству и регулируются нормативно-правовыми актами самого разного уровня. Если вы нарушите законодательство, искать ваш источник могут уже в рамках заведенного дела. Поэтому, работая с эксклюзивной информацией от источников, которые нуждаются в анонимности, вы должны обязательно подвергать свои материалы юридической экспертизе.

Один из самых опасных видов информации — финансовые документы, а также результаты расследований, которые способны скомпрометировать власть или крупный бизнес.

«Можно про кого угодно говорить, что он диктатор, сволочь, фашист, пока ты не задеваешь финансовых интересов, — рассуждает Любовь Лунева. — Вот когда ты говоришь, что знаешь, кто украл деньги и где он их прячет, — за это могут закатать в асфальт. В политике опасны именно эти темы».

Защита от ненадежного источника

Все, что написано выше, касается взаимодействия с надежным источником, которому можно доверять. Но журналисту приходится работать с разными людьми, и случается, что после публикации источник информации отказывается от своих слов, а порой и предъявляет журналисту претензии.

Сергей Сацук, который занимается журналистскими расследованиями, использует при записи беседы с некоторыми источниками «страховочный диктофон». По его словам, такая практика несколько раз помогала ему избежать судебного преследования. Вот одна из историй, рассказанных Сацуком.

«Когда я работал в "БДГ" и мы занимались расследованием исчезновения пропавших без вести известных людей, мне было поручено найти одного свидетеля, которого тоже похищали, попугали и отпустили. Были подозрения, что к происшедшему с этим человеком имел отношение так называемый "эскадрон смерти". Мы с трудом нашли этого человека, и в интервью он рассказал

довольно много интересного. Но сразу после публикации он выступил в телевизионной программе “Резонанс” и заявил, что это все ерунда, никто у него интервью не брал, а журналисты его обманули — представились сотрудниками службы безопасности президента. То есть якобы он думал, что с ним говорили сотрудники службы безопасности… Но я, когда такими делами занимаюсь, дважды подстраховываюсь. Кроме обычного диктофона в руке у меня еще был тайный диктофон. Когда я пришел к этому человеку, я представился: журналист такой-то, по такому-то вопросу. Еще диктофон открытый не включил, а другой уже работал. Мы долго разговаривали, часа два или три. В ходе разговора он неоднократно просил выключить диктофон и в это время спрашивал, чем редакция может помочь, может ли защитить и т. п. Потом я попросил его предоставить фотографию, он сказал, что она дома… Еще был такой момент, когда он говорил, что имеет документы в подтверждение своих слов, но за ними надо съездить в министерство. Мы поехали с ним в министерство, и он сказал, что, если придут его коллеги, он будет нас представлять как сотрудников службы безопасности президента. Я говорю: “Это ваше дело, представляйте, как хотите, я лично буду молчать”. Он нашел документы, сделал копии и, когда заходили какие-то люди и спрашивали, кто я, действительно, он говорил: “Это сотрудник СБП, он мне поможет”, — и т. п. Потом поехали к нему домой, и он так же представил меня жене. Я в это время молчал, а мой тайный диктофон работал. Я не собирался использовать эту запись — в соответствии с профессиональной этикой, — но включил диктофон чисто для подстраховки. И когда интервью в нашей газете вышло, на этого человека КГБ наехал, и он написал заявление с просьбой привлечь меня к уголовной ответственности. Возбудили уголовное дело. Меня в прокуратуру раз пять или шесть вызывали, на очные ставки с ним, жену его привлекали, она сказала: “Да, сотрудник СБП”. Спрашивали: “Он представлялся?” — “Нет, не представлялся, это муж мне сказал”. Я раз пять-шесть сходил в прокуратуру, а потом уже, когда надоело, положил им диктофонную запись… На этом все закончилось».

Закон о СМИ оговаривает, что, как правило, журналист обязан получать согласие физических лиц на проведение аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок (ст. 34 Закона). Однако, вопреки положениям этой статьи, в ст. 40 Закона речь идет о порядке использования скрытой записи (при принятии мер против возможной идентификации данного лица посторонними лицами, а также при условии, что распространение сведений не нарушит конституционных прав и свобод личности и необходимо для защиты общественных интересов).
Впрочем, в данном случае скрытая запись регулировалась не Законом о СМИ. Она осуществлялась журналистом не в целях сбора и последующего распространения информации в СМИ, а в «процессуальных» целях, для фиксирования самого факта беседы и ее содержания на случай предъявления претензий. Не всегда такая запись может быть принята судом или органом уголовного преследования в качестве доказательства, но во многих случаях способна обезопасить журналиста.

Иногда люди, обращающиеся в редакцию за помощью, предоставляют информацию, которая может стать небезопасной для журналиста. В такой ситуации в 2010 году оказалась Марина Коктыш: ей не удалось избежать проблем в связи с одной из публикаций, вплоть до проведения в ее квартире обыска и изъятия техники. Следствие искало источник информации журналиста. Марина говорит, что после этой истории решила работать лишь с надежными источниками. «Только с теми, кто — если вдруг так случится, — не побоится встать и сказать: “Да, я дал ей такую информацию”, — говорит она. — Теперь я тщательно проверяю сведения, полученные даже из открытых источников, а с кулуарной информацией или той, которую приносят люди и говорят: “Только на меня не ссылайтесь”, — я очень осторожна».

Если вы имеете дело с ненадежным источником, можно использовать следующие способы подстраховки:

- ведение беседы таким образом, чтобы в диктофонной записи имелись признаки согласия на запись: пусть в начале разговора человек представится, ответит на вопрос, не возражает ли против записи (либо из контекста беседы должно быть понятно, что источник общается с журналистом и не выступает против ведения записи);
- изложение проблемы в письменном виде рукой источника;
- подпись источника на документах, которые он вам предоставляет (в этом случае он не сможет отрицать, что передал вам эти бумаги, и не сможет сказать, что не знает, откуда они у вас появились);
- визирование интервью;
- использование «невидимого» диктофона — как крайняя мера.

Особые риски в отношениях с источниками подстерегают журналистов, сотрудничающих с неаккредитованными иностранными СМИ. Главным правилом безопасности, пожалуй, здесь должна быть полная прозрачность работы со стороны журналиста: не стоит обманывать источника информации, представляясь корреспондентом другого СМИ. Соглашаясь предоставлять информацию вам, неаккредитованному, источник в таком случае разделяет ваши риски и понимает свои.

В отношениях с источником информации для журналиста очень важен аспект психологической безопасности. Не подпадайте под влияние источника, не позволяйте никому навязывать вам свою волю, свое видение проблемы. Избегайте эмоционального «включения» в тему и ситуацию, относитесь к ней сугубо с профессиональной позиции. Отделяйте свое человеческое участие от журналистских обязанностей.

Ни в коем случае нельзя использовать информацию в целях шантажа источника или для манипулирования кем бы то ни было.

Светлана Калинкина: «Пройти по краю, но не упасть»

Шеф-редактор «Народной воли» Светлана Калинкина — известнейший в Беларуси автор бескомпромиссных комментариев и острых статей. При подготовке публикаций Светлана, однако, придерживается правил журналистской безопасности.

— Светлана, как бы Вы сформулировали основной принцип профессиональной безопасности журналиста?

— Я бы сказала, что это гласность и открытость. Опыт много раз убеждал меня в том, что нужно максимально быстро обнародовать сенсационную, взрывоопасную информацию, если она у тебя появилась. Когда информация уже обнародована, то пропадают смысл и основания для преследований, потому что, если с тобой, например, что-то случится — всем сразу будет понятно, из-за чего это произошло и кто за этим может стоять.

Само собой, сенсацию нужно проверить — но это в основах журналистских знаний и практики, этому учат начинающих.

Очень важно не играть в игры на противоречиях тех или иных групп, структур — когда, например, в компании оппозиционных политиков ты говоришь одно, в компании с представителями силовых структур — другое, в третьей компании — третье. Если журналист мимикрирует под тех, с кем общается, — особенно если он занимается расследованиями, политической журналистикой, — он сам дает козыри для возможного шантажа и дискредитации. Иногда, пытаясь получить эксклюзивную или горячую информацию от силовиков, люди настолько заигрываются в «дружбу», что теряют собственное лицо.

Ну и в ситуации, когда тебе начинают угрожать или запугивать компроматом, тоже нельзя молчать и бояться сказать об этом. Любую информацию, даже ту, которая, может быть, тебя выставляет в нелицеприятном свете, лучше предать огласке. Это может касаться, например, прослушек телефонных разговоров, в которых ты нелестно о ком-то отзывался и которые тебе обещают обнародовать по телевидению или в газетах. Так вот, лучше пусть это выдадут на телевидении, лучше ты окажешься в дурацкой ситуации, а потом извинишься перед какими-то людьми, чем молчать и пытаться по-тихому это замять. Если «по-тихому» — будет еще хуже.

— Вы сами придерживаетесь принципа гласности?

— Конечно. Хотя у меня, например, была ситуация, когда я думала, стоит ли предавать информацию широкой огласке. Это было во время последних президентских выборов, когда мне прислали открытки с угрозами якобы от имени кампании «Говори правду». Я понимала, что, если напишу заявление в милицию или прокуратуру, — дам повод злословить о «Говори правду», для милиции это станет основанием идти к ним с обысками или еще чем-то… Поэтому я сразу рассказала обо всем в редакции, мы позвонили Некляеву. Он сказал однозначно — предавать угрозы огласке, и тогда я пошла в прокуратуру.

— И что?

— А ничего. В прокуратуре меня внимательно выслушали, передали это дело в городскую милицию. Где-то через неделю пришел участковый, но я сказала, что, даже если неделю назад мои соседи видели, кто входил в подъезд и вбрасывал в ящик эти открытки, сейчас они просто уже не вспомнят…

— Какие-то другие угрозы в Ваш адрес были?

— Они постоянно есть — в интернете, на форумах… Но угрозы бывают разные, их нужно дифференцировать.

Есть просто сумасшедшие люди, которые сидят в интернете, в том же ЖЖ, и всем пишут одно и то же. И по этому поводу дергаться, трепать нервную систему себе, родным, начальству, еще и милиции, видимо, не имеет смысла… Кстати, в чистом виде сумасшедшие, больные люди — это для журналистов тоже угроза, с которой непонятно как бороться. В нашу редакцию, особенно весной и осенью, они ходят просто чередой… Некоторые — безобидные, рассказывают про инопланетян, а буйных бывает совсем нелегко распознать. Приходит тихий, спокойный, мирный человек — и на какой-то стадии ты начинаешь подозревать, что, видимо, что-то с ним не то. Они переходят от большой любви к страшной агрессии очень быстро. Приходилось и администраторов вызывать. Я уже даже хотела попросить психиатров, чтобы они научили, как себя вести в таких случаях.

Были, конечно, разные угрозы — и телефонные звонки, и «доброжелатели» приходили в редакцию: «Не беритесь, я вам настоятельно советую не браться за эту тему. Вы не знаете, куда вы лезете, какие там люди»… Но это больше такое морально-психологическое давление.

— А кто, по-Вашему, чаще всего угрожает журналисту здесь и сейчас?

— Увы, чаще всего — спецслужбы, которые могут взять «в разработку» журналиста без какого-либо серьезного на то основания.

Мне кажется, что в Беларуси у журналиста нет гарантий ни от чего, потому что тебя могут заподозрить в чем угодно и за что угодно привлечь. Когда у нас, например, были обыски после публикаций о делах высокопоставленного силовика Коржа, то кто-то из силовиков в обосновании, почему у меня надо провести обыск, написал, что я работаю на сайте «Хартии'97». Я не знала даже, где находится «Хартия», текстов для них никогда не писала, не посылала по электронной почте…

К любым сюрпризам надо быть готовым и всегда помнить: то, что ты не хочешь, чтобы у тебя нашли при обыске — санкционированном или несанкционированном, у нас ведь, как известно, законом разрешено входить в любое помещение для оперативной деятельности, — конечно, лучше не хранить ни дома, ни на работе. Ничего, что может нанести вред тебе или другим людям. Надо думать, где, у кого хранить такую информацию, или вообще просто с ней не связываться.

По телефону тоже — всегда надо помнить, что нас могут слушать, и ничего лишнего не говорить.

— Вы лично доверяете какому-нибудь коммуникационному каналу?

— Нет. Всегда, когда пишу письмо, я автоматически предполагаю, что кто-то может его читать. Я разговаривала со многими компьютерщиками — они однозначно говорят, что, если поставлена задача в отношении конкретного человека, то будут взломаны и скайп, и почта — все, даже зашифрованное, будет расшифровано и прочитано. Но я успокаиваю себя тем, что ничего секретного — информации, которая могла бы навредить не только мне, но и другим людям, — я просто не знаю. Банковские счета, гранты, пароли к сайтам — у меня ничего этого нет. Я работаю с журналистской информацией: темами, материалами, статьями, которые я пишу. Это не стратегия победы какой-то партии на выборах, это чисто журналистские тексты, информационные «досье», подборки. Но если человек работает шире, чем просто журналистика, то ему, конечно, надо десять раз думать именно об информационной безопасности.

При работе с источниками эксклюзивной и острой информации надо побеспокоиться о безопасности этих людей, обладателей интересных тебе сведений. Чиновники, особенно из силовых структур, постоянно ищут в своих ведомствах «кротов». Какой материал ни напишешь — сразу у них появляется подозрение, что информацию «сдал» кто-то из «своих». Я подозреваю, что именно с этой точки зрения постоянно на контроле телефонные звонки, почта… И об этом тоже надо помнить, чтобы не подставить людей, которые тебя, допустим, консультируют или могут что-то рассказать. Нужно переходить на другие средства общения — личные встречи, например.

— Понимая, что все могут подкинуть и инкриминировать, практикуете ли самоцензуру?

— Самоцензура в первую очередь связана с тем, что, когда пишешь, ты понимаешь, что можешь подставить газету. Разрушишь ее и людей оставишь без работы. В любом случае пишешь так, чтобы не выходить за рамки закона о СМИ, безусловно. Даже если это касается в чистом виде оценок. Хотя по закону недопустимо наказать за мнение и даже нельзя, чтобы суд признал мнение, скажем, Светланы Калинкиной не соответствующим действительности. Оно всегда соответствует действительности, потому что это мое мнение. Но все равно, понимая, что даже очевидную глупость в суде можешь не оспорить, пишешь так, чтобы не было претензий со стороны. Надо так пройти по краю, чтобы не упасть.

— Но есть табуированные темы?

— Нет, только если информации мало и она бездоказательная.

Бывают психологические моменты, постфактум, когда думаешь: и зачем тебе это надо? Например, в той же ситуации с начальником управления КГБ по Гомельской области Коржом, который тогда написал жалобы на журналистов о клевете, и у нас начались обыски. Ведь журналисты

защищали милиционеров в возникшем тогда противостоянии — МВД и КГБ. В результате пострадали журналисты. Милиционеры сами за своих не заступились, а журналист заступается — и нарывается на неприятности.

Поэтому бывают такие моменты, когда сам себе говоришь: да пошли они к чертовой матери! Их садят, ты пытаешься разобраться, справедливо ли, а они потом выйдут и тебя еще побьют. Но такие мысли обычно надолго не задерживаются — ну, неделю, а потом опять работаешь, как раньше.

Однажды ко мне пришла — вся в слезах — мама одной сотрудницы МВД, из управления, которое занимается как раз слежкой, наружкой. И вот она рассказывает, что ее дочку совершенно несправедливо осудили, просит об этом написать. Первые мои мысли: вот, твоя дочка наверняка отправляла подчиненных ходить за мной или за моими друзьями или сама ходила и закладывала… А потом я всетаки написала. Потому что это — профессия. Ты как врач — врач же не выбирает себе пациентов, и журналист не может выбирать, про кого писать, а про кого не писать.

— А Вы наружное наблюдение когда-нибудь замечали?

— Не знаю. Честно говоря, я плохо вижу — близорука. Хотя были ситуации... Например, во время какой-то акции протеста, летом, на площади Якуба Коласа. Там протестующие назначили место сбора. Я живу недалеко от площади. И коллеги поставили у меня во дворе машину — мы хотели не с протестной колонной идти, а на машине поехать к планируемому месту митинга. Вышла на площадь — возле меня крутился какой-то мужчина, в шортах и даже с букетом цветов. Мы с коллегами, что-то обсуждая, вернулись ко мне во двор, к машине. И тут я вижу, как этот человек в шортах, обычный такой «гуляющий», быстро выбрасывает букет в мусорку и куда-то срочно бежит, доставая из кармана какую-то рацию!

Ну и перед политическими акциями мы здесь, возле редакции, замечаем, что начинают появляться странные микроавтобусы с затемненными стеклами…

— Думаете ли Вы о своей личной безопасности?

— Я считаю, что если много думать об этом, то сойдешь с ума. Меры предосторожности я принимаю только тогда, когда не хочу подставить человека, у которого могут быть неприятности из-за общения с независимой прессой. А так — пусть ходят, пусть смотрят, прослушивают.

У меня однажды была ситуация, когда мы прилетели из Москвы вечером и депутаты Фролов и Скребец подвозили меня домой из аэропорта. И Фролов у подъезда предложил довести меня прямо до двери, потому что было уже поздно, темно… Я согласилась. И в подъезде, на фоне окна в пролете, стояли молодые парни. Они спустились навстречу мне — и когда увидели, что я иду не одна, быстро-быстро вышмыгнули из подъезда. А Фролов поехал к себе, и его избили тогда в подъезде…

— Испытываете ли Вы страх в связи со всеми этими вещами?

— Страх — это нормальное чувство любого человека. Но это не значит, что надо запереть дверь и не выходить на улицу. Осторожность всегда должна быть, особенно если ты занимаешься какой-то деятельностью, которая имеет резонанс и может повлечь последствия. Любому, конечно, могут дать по башке возле мусорки… Но если ты понимаешь, что такое может быть не случайно, то не надо, наверное, ночью одному ходить по городу. Если накануне у тебя была сложная тема, если из-за нее недовольные твоей статьей в горячке могут каким-то образом тебе отомстить. Не надо вступать в близкие отношения с незнакомыми людьми. Например, когда подходят в ресторане: «Мы вас узнали, давайте с вами выпьем!» — я говорю: «Да-да, спасибо», — но никогда не поддерживаю таких бесед, ни к кому за стол не подсаживаюсь. Но это разумная осторожность. Надо быть осторожным, но не паниковать.

Своим родным я всегда говорю: спокойно, не надо за меня бояться. Единственная предосторожность, к которой я прибегла, — на всякий случай дала родным телефон адвоката.

Забойцаў Веранікі Чаркасавай дагэтуль не знайшлі

Следства па справе расцягнулася на доўгія гады, але прафесійнага імпэту з боку праваахоўных структур не было прадэманстравана.

Журналістка недзяржаўнай газеты «Салідарнасць» Вераніка Чаркасава была жорстка забітая 20 кастрычніка 2004 г. у сваёй кватэры ў Мінску. Яе цела са шматлікімі нажавымі раненнямі знайшлі 15-гадовы сын журналісткі Антон Філімонаў і яе айчым Уладзімір Мялешка.

2004 год

На допыце 19 лістапада сыну і айчыму загінулай Веранікі Чаркасавай паведамілі, што са сведкаў яны сталі падазраванымі. У пастанове пракуратуры было пазначана, што аператыўным шляхам атрыманая інфармацыя, якая сведчыць пра дачыненне Філімонава і Мялешкі да забойства журналісткі. Асноўнай версіяй было забойства на бытавой глебе.

Між тым, у выніку журналісцкага расследавання Сяргей Сацук здабыў інфармацыю, што дае падставы меркаваць: Вераніка Чаркасава загінула ад рукі прафесійнага кілера, які інсцэніраваў забойства на бытавой глебе.

2005 год

31 студзеня старшы следчы пракуратуры г. Мінска Уладзімір Чумачэнка падпісаў пастанову аб правядзенні стацыянарнай псіхіятрычнай экспертызы Антона Філімонава. Неабходнасць правядзення экспертызы следчы тлумачыў тым, што Антон пасля гвалтоўнай смерці маці быў пастаўлены на ўлік у гарадскі дзіцячападлеткавы псіханеўралагічны дыспансер, а напрыканцы лістапада паступіў на стацыянарнае лекаванне ў рэспубліканскую клінічную псіхіятрычную лякарню.

1 лютага група следчых на чале з Уладзімірам Чумачэнкам без папярэджання з’явілася ў школу № 88, дзе вучыўся 15-гадовы Антон. Яны спрабавалі забраць падлетка для правядзення псіхіятрычнай экспертызы, але сваякі вучня прадухілілі дзеянні следчых.

Наступным днём, *2 лютага*, бацька Антона — Зміцер Філімонаў, які жыве і працуе ў Маскве, забраў сына з сабою ў расійскую сталіцу.

23 лютага суд Цэнтральнага раёна г. Мінска адхіліў скаргу Віталя Кулікова — адваката Антона Філімонава. Адвакат абскарджваў рашэнне пракуратуры пра прызначэнне стацыянарнай псіхіятрычнай экспертызы падлетка. Пракурорскае рашэнне магло быць абскарджана на працягу сутак з моманту вынясення ў Мінскім гарадскім судзе. Судовае паседжанне было закрытым і доўжылася каля 40 хвілін.

У залу суда падчас слуханняў былі дапушчаныя толькі адвакат, пацярпелая (маці забітай журналісткі Дыяна Чаркасава) і прадстаўнік пракуратуры Цэнтральнага раёна г. Мінска. З усіх іх узялі падпіску пра неразгалошанне матэрыялаў слуханняў. Самога Антона Філімонава ў суд не выклікалі.

4 сакавіка Мінскі гарадскі суд адмяніў рашэнне пра прымусовы характар псіхіятрычнай экспертызы сына Веранікі Чаркасавай Антона, разгледзеўшы касацыйную скаргу адваката В. Кулікова. Адвакат гэтым разам абскарджваў рашэнне суда Цэнтральнага раёна г. Мінска ад 23 лютага, які пакінуў у сіле пастанову пракуратуры пра прызначэнне стацыянарнай псіхіятрычнай экспертызы Філімонава.

18 красавіка начальнік следчага аддзела Пракуратуры г. Мінска С. Іваноў вырашыў спыніць крымінальны пераслед Антона Філімонава і Уладзіміра Мялешкі «за адсутнасцю ў іх дзеяннях складу злачынства». Пастанова была прынятая на падставе таго, што падчас папярэдняга расследавання па справе «не здабыта дастатковых доказаў» спрычынення Мялешкі і Філімонава да злачынства, а «ўсе магчымасці для збору дадатковых доказаў вычарпаныя».

23 чэрвеня на прэс-канферэнцыі намеснік Генеральнага пракурора Беларусі Віктар Прус паведаміў, што пракуратура падоўжыла тэрмін расследавання забойства журналісткі газеты «Салідарнасць» Веранікі Чаркасавай да 21 жніўня 2005 г. Па словах В. Пруса, па справе працягвалася актыўная аператыўна-следчая праца, аднак «сёння станоўчага выніку, на жаль, не дасягнута». Паводле В. Пруса, пракуратура «правярае» каля 10 версій гэтага забойства. Што тычыцца следчых дзеянняў у дачыненні да сына забітай журналісткі, намеснік генеральнага пракурора заявіў, што той у якасці падазраванага «хутчэй, непасрэдна не разглядаўся», але «былі дастаткова важкія аргументы думаць пра тое, што ён нешта ведае датычна гэтага злачынства». Віктар Прус заявіў, што «па гэтай справе ніякіх парушэнняў

законнасці, у тым ліку ў дачыненні да сына Чаркасавай, дапушчана не было. Ён (Антон Філімонаў) дапытваўся для высвятлення некаторых абставінаў, якія ён як асоба, што знаходзілася непадалёк ад дома сваёй маці, патлумачыць не мог».

21 жніўня Пракуратура РБ зноў працягнула тэрмін следства па справе пра забойства журналісткі.

8 верасня ў Мінску прайшла прэзентацыя зборніка «Чырвоным па белым», у які ўвайшлі лепшыя публікацыі Веранікі Чаркасавай. Кнігу склалі артыкулы з 1992 па 2004 г., якія з'яўляліся ў самых розных беларускіх і расійскіх выданнях: «Голас Радзімы», «БДГ», «Белорусская газета», «Новое время», «Огонек», «Салідарнасць». Зборнік рыхтаваўся на працягу некалькіх месяцаў групай валанцёраў.

21 кастрычніка кіраўнік следчага аддзела па асабліва важных справах пракуратуры г. Мінска Сяргей Іваноў паведаміў ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», што тэрмін папярэдняга расследавання справы пра забойства Веранікі Чаркасавай падоўжаны яшчэ на два месяцы.

Напрыканцы снежня папярэдняе расследаванне справы пра забойства Веранікі Чаркасавай было прыпынена «ў сувязі з невысвятленнем асобы, якая падлягае прыцягненню да адказнасці ў якасці абвінавачанага». Пра гэта паведаміў прэс-службе ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» кіраўнік следчага аддзела па асабліва важных справах пракуратуры г. Мінска Сяргей Іваноў. Як патлумачыў сп. Іваноў, цяпер да працы падключыліся спецыялісты крымінальнага вышуку (які падпарадкоўваўся Міністэрству ўнутраных спраў), аднак пракуратура трымае іх дзейнасць пад кантролем. Па словах следчага, крымінальны вышук перыядычна дакладае пракуратуры пра вынікі сваёй працы, аднак С. Іваноў быў «не гатовы» адказаць, як часта гэта адбываецца. Пры неабходнасці пракуратура ў любы момант можа аднавіць следства, зазначыў С. Іваноў. Паводле яго словаў, у следства па-ранейшаму некалькі версій гэтага забойства і пракуратура не можа разглядаць ніводную з іх у якасці асноўнай.

27 снежня 16-гадовы сын забітай журналісткі Антон Філімонаў быў затрыманы супрацоўнікамі Першамайскага РУУС па падазрэнні ў вырабе беларускіх грашовых купюр. У яго і яшчэ чатырох яго знаёмых знайшлі некалькі купюр па 5 і 10 тысяч беларускіх рублёў, і ў дачыненні да юнакоў была ўзбуджана крымінальная справа па арт. 221 КК РБ (незаконны выраб, захаванне і распаўсюд падробленых грошай, здзейсненыя паўторна арганізаванай групай асобаў па папярэдняй дамоўленасці). Усе пяцёра правялі некалькі сутак у следчым ізалятары часовага ўтрымання, аднак 30 снежня ўсіх, акрамя А. Філімонава, адпусцілі. Мера ўтрымання ў выглядзе знаходжання пад вартай была выкарыстаная толькі да яго.

2006 год

Заўважнага прагрэсу ў расследаванні справы пра забойства журналісткі газеты «Салідарнасць» Веранікі Чаркасавай гэты год не прынёс. Нагадаем, што напрыканцы снежня 2005 г. папярэдняе расследаванне справы пра забойства Веранікі Чаркасавай было прыпынена «ў сувязі з невысвятленнем асобы, якая падлягае прыцягненню да адказнасці ў якасці абвінавачанага». Аднак гэтае злачынства па-ранейшаму заставалася ў цэнтры ўвагі грамадскасці з прычыны крымінальнай справы, узбуджанай у дачыненні да сына забітай журналісткі — Антона Філімонава, якога затрымалі напрыканцы снежня 2005 г. (гл. вышэй).

6 студзеня бабуля і дзядуля Антона Філімонава, Уладзімір Мялешка і Дыяна Чаркасава, зладзілі прэс-канферэнцыю і заявілі, што ў СІЗА ў дачыненні да падлетка дапускаецца ціск. Па словах Д. Чаркасавай, да А. Філімонава ў ізалятар часовага ўтрымання прыходзілі невядомыя людзі, якія прапаноўвалі напісаць прызнанне ў забойстве маці.

10 студзеня суд Першамайскага раёна г. Мінска адхіліў скаргу Уладзіміра Мялешкі (законнага прадстаўніка Антона Філімонава) з просьбай пра змяненне меры ўтрымання яго ўнуку. *17 студзеня* суд г. Мінска пацвердзіў гэтае рашэнне, адхіліўшы скаргу на рашэнне суда першай інстанцыі.

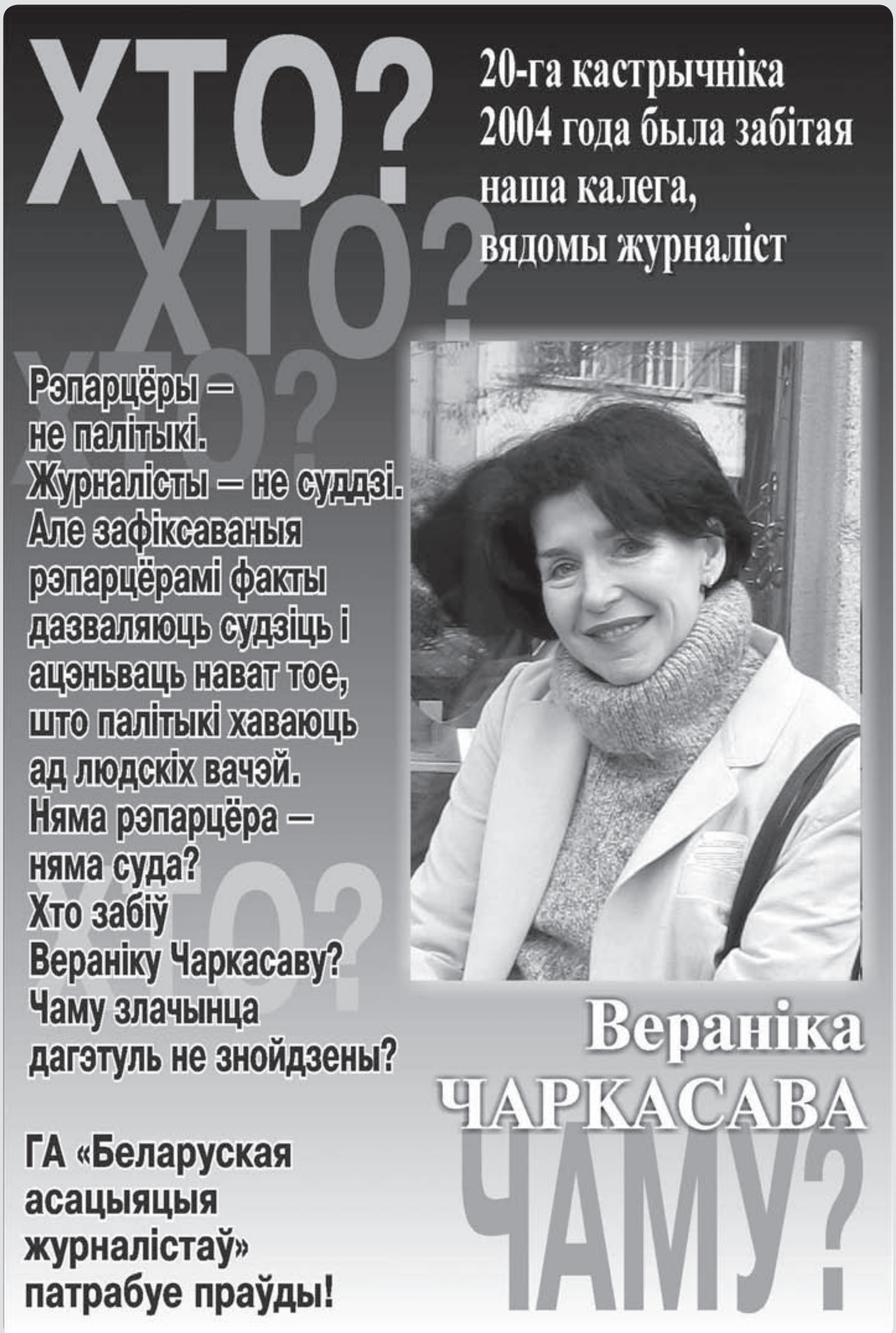
2 лютага Дыяна Чаркасава і Уладзімір Мялешка апублікавалі адкрыты зварот да грамадскасці, у якім заявілі, што за больш як месяц знаходжання ў СІЗА-1 г. Мінска з іх унукам не было праведзена ніводнага следчага дзеяння па справе пра фальшывыя грашовыя знакі. Блізкія Антона зазначылі, што праваахоўныя органы прызналі факты наведвання падлетка ў СІЗА асобамі, якія не маюць дачынення да справы пра фальшывыя грошы. Сваякі Антона звярнуліся да грамадскасці па дапамогу ў справе абароны падлетка — у прыватнасці, у змяненні яму меры ўтрымання.

У той жа час да пракурора г. Мінска Мікалая Кулікова звярнуліся некалькі дзясяткаў беларускіх журналістаў з просьбай змяніць меру ўтрымання Антону Філімонаву і вызваліць яго з-пад варты. Збор подпісаў ініцыявала жонка зніклага ў 2000 г. аператара ОРТ, сябра ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» Святлана Завадская. Тым не менш пракуратура не ўбачыла падставаў для змянення падлетку меры ўтрымання. Гэта абвяшчалася ў афіцыйным лісце намесніка пракурора г. Мінска Л. Літвінюка ад 16 лютага на адрас ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» і Святланы Завадскай.

17 лютага газета «Рэспубліка» апублікавала выказванне намесніка Генеральнага пракурора Віктара Пруса на паседжанні калегіі рэспубліканскай пракуратуры. В. Прус выказаў занепакоенасць тым фактам, што забойцы Веранікі Чаркасавай дагэтуль не прыцягнутыя да адказнасці. Ён катэгарычна адмовіў існаванне сувязі паміж гэтай справай і затрыманнем сына журналісткі Антона.

Напрыканцы лютага расследаванне справы пра забойства журналісткі было адноўлена. Гэтую інфармацыю пацвердзіў Беларускай асацыяцыі журналістаў кіраўнік следчага аддзела па асабліва важных справах пракуратуры г. Мінска Сяргей Іваноў.

22 лютага намеснік пракурора г. Мінска Л. Літвінюк працягнуў тэрмін папярэдняга следства па справе

і тэрмін утрымання А. Філімонава пад вартай да 27 сакавіка (да трох месяцаў).

7 сакавіка суд Цэнтральнага раёна г. Мінска адхіліў скаргу адваката на законнасць выкарыстання і падаўжэння ў дачыненні да А. Філімонава меры ўтрымання ў выглядзе заключэння пад варту.

13 сакавіка мера ўтрымання А. Філімонава была зменена. Замест утрымання пад вартай была прызначана «мера стрымання ў выглядзе закладу». Паводле пастановы, следчыя органы ўзялі пад увагу, што падчас папярэдняга расследавання па згаданай крымінальнай справе «неаднаразова паступалі хадайніцтвы пра змену ў дачыненні да Філімонава А. Д. меры ўтрымання ў выглядзе заключэння пад варту на іншую, не звязаную з пазбаўленнем волі, а таксама тое, што абвінавачаны Філімонаў А. Д. пакутуе на хранічныя захворванні». Антон Філімонаў быў вызвалены пад заклад 7,5 тысяч долараў ЗША, якія ўнеслі яго сваякі. У следчым ізалятары ён правёў два з паловай месяцы.

14 сакавіка «ў сувязі з невысвятленнем асобы, якая падлягае прыцягненню ў якасці абвінавачанага», расследаванне справы пра забойства В. Чаркасавай было ў чарговы раз прыпынена.

10 красавіка суд Першамайскага раёна пачаў разгляд крымінальнай справы, узбуджанай у дачыненні да Антона Філімонава і іншых падлеткаў, абвінавачаных у парушэнні другой часткі арт. 221 КК РБ. *11 красавіка* пракурор запатрабавала для 16-гадовага А. Філімонава пакаранне ў выглядзе 4 гадоў пазбаўлення волі, а для астатніх абвінавачаных — па 3 гады. Суддзя ж не ўбачыла ў гэтай справе прыкметаў паўторнасці і вынесла падлеткам прысуд па першай (больш мяккай) частцы арт. 221 КК. Для Антона Філімонава было вызначана пакаранне ў два з паловай гады пазбаўлення волі з адтэрміноўкай.

10 красавіка на сайце «Беларускі партызан» з'явіўся артыкул пад назвай «Цана жыцця (новая версія прычын забойства Веранікі Чаркасавай)», аўтарства якога належыць Творчай майстэрні «Агенцтва журналісцкіх расследаванняў». «У адрозненне ад следчых, за мінулы год журналісты... змаглі здабыць новыя факты, якія паказваюць на тое, што забойства Веранікі магло быць звязана з яе прафесійнай дзейнасцю», — гаварылася ва ўступнай частцы публікацыі.

Паводле меркавання аўтараў артыкула, Вераніка, сама таго не ўсведамляючы, магла трапіць на самы «гарачы край» барацьбы паміж дзвюма кланавымі групоўкамі краіны. Аўтары расследавання лічаць, што Вераніка магла валодаць інфармацыяй, апублікаванне якой пагражала аднаму з бакоў канфлікту стратай вялікіх грошай.

У красавіку 2006 г. у інтэрнэце з'явіўся сайт, прысвечаны справе пра забойства Веранікі Чаркасавай: http://www.veronikacherkasova.org. На сайце змяшчаюцца інфармацыя наконт расследавання забойства

журналісткі, публікацыі на гэтую тэму ў беларускай і замежнай прэсе, заявы беларускіх і міжнародных арганізацый па гэтай справе і г. д. Забойства Веранікі разглядаецца аўтарамі ў кантэксце беларускай сітуацыі, і таму стваральнікі сайта прапануюць шмат дадатковай інфармацыі пра становішча масмедыя ў нашай краіне. Па звестках ГА «БАЖ», да з'яўлення сайта мелі дачыненне калегі і сябры Веранікі, якія цяпер жывуць у ЗША.

18 красавіка газета «Звязда» надрукавала інтэрв'ю з начальнікам следчага аддзела па асабліва важных справах пракуратуры Мінска Сяргеем Івановым, дзе адказны чыноўнік заявіў, што расследаванне забойства журналісткі Веранікі Чаркасавай прыпынена ў сувязі з тым, што не вызначаны асобы, якія здзейснілі злачынства. Але Іваноў выказаў меркаванне, што «гэтая крымінальная справа — не безнадзейная, і яе расследаванне можа быць даведзена да лагічнага канца». Галоўны следчы сталіцы лічыў, што злачынства не было дакладна прадуманым і загадзя падрыхтаваным.

Нагадаем, што, у сваю чаргу, кіраўнік агенцтва журналісцкіх расследаванняў Сяргей Сацук, які з калегамі таксама высвятляў акалічнасці забойства В. Чаркасавай, упэўнены, што быў задзейнічаны прафесійны кілер, які інсцэнаваў забойства на пабытавай глебе.

20 кастрычніка 2006 г., на другую гадавіну забойства журналісткі, была разгорнута грамадская кампанія па пошуку і прыцягненні да адказнасці забойцаў Веранікі Чаркасавай. Акцыя стартавала са звароту Генеральнага сакратара Міжнароднай федэрацыі журналістаў (IFJ) Айдана Уайта да Аляксандра Лукашэнкі. «МФЖ, якая аб'ядноўвае больш за 500 000 журналістаў з розных краін, заклікае Вас аднавіць расследаванне справы пра забойства журналісткі Веранікі Чаркасавай, знайсці і пакараць яе забойцаў у судовым парадку... Мяркую, што працяглая нядатнасць беларускіх уладаў прыцягнуць да адказнасці забойцаў В. Чаркасавай кідае цень на імідж Беларусі і гатоўнасць беларускага ўраду абараняць асноўныя правы чалавека», — зазначалася ў звароце. Таксама ў лісце падкрэслівалася, што «толькі праз прыцягненне злачынцаў да судовай адказнасці Беларусь можа прадэманстраваць сваім грамадзянам і міжнароднай супольнасці падтрымку свабоды прэсы і гатоўнасць абараняць жыцці журналістаў».

2007 год

27 жніўня начальнік следчага аддзела па асабліва важных справах пракуратуры г. Мінска Сяргей Іваноў заявіў прэс-службе БАЖ, што следства па гэтай справе было ў чарговы раз прыпынена ў лютым і нічога новага ён паведаміць журналістам не можа.

Блізкія Веранікі Чаркасавай кажуць, што ні пра ход следства, ні пра яго аднаўленне альбо прыпыненне іх ніхто не інфармуе. «Пачуўшы інфармацыю пра арышты па справе Паліткоўскай, я нават парадаваўся за расійскія праваахоўныя органы», — зазначыў у гутарцы з прэс-службай БАЖ айчым забітай журналісткі Уладзімір Мялешка. «Прынамсі, следчыя органы не баяцца фармулёўкі "забойства на прафесійнай глебе". Відавочна, што імі праведзена значная праца», — лічыць ён.

18 кастрычніка той жа Сяргей Іваноў абвесціў БАЖ, што следства «не можа паведаміць па гэтай справе нічога новага». Гэта значыць, што расследаванне з лютага 2007 г. было прыпынена.

2008 год

На пачатку кастрычніка 2008 г. кіраўнік следчага аддзела пракуратуры г. Мінска Сяргей Іваноў у гутарцы з прэс-службай ГА «БАЖ» зазначыў, што следства не можа паведаміць нічога новага па справе, а расследаванне па-ранейшаму прыпынена. Апошняе прыпыненне расследавання з фармулёўкай «у сувязі з невысвятленнем асобы, якая падлягае прыцягненню ў якасці абвінавачанага», адбылося ў лютым 2007 г.

8 кастрычніка маці Веранікі Дыяну Чаркасаву і айчыма Уладзіміра Мялешку выклікалі на допыт у Першамайскі РУУС г. Мінска. У той жа дзень у іх кватэры з санкцыі пракурора Першамайскага раёна быў праведзены ператрус. У кватэры шукалі, як заявілі супрацоўнікі РУУС, «зброю, наркотыкі, скрадзеныя рэчы». У выніку ператрусу нічога не забралі. На допыце ў Дыяны Чаркасавай і Уладзіміра Мялешкі распытвалі, дзе зараз знаходзіцца сын журналісткі Антон Філімонаў.

«Антон зараз жыве за мяжой. Ён вымушаны быў выехаць, бо было відавочна, што следства ўсё адно вяртаецца да яго ўвесь час як да галоўнага "кандыдата на падазраванага". Чатыры гады яны не шукалі сапраўдных злачынцаў, а рыхтавалі глебу для таго, каб звязаць з Антонам забойства Веранікі», — лічыць Дыяна Чаркасава.

«Мы чатыры гады таму страцілі дачку, а цяпер фактычна згубілі ўнука, з якім не можам нават падтрымліваць нармальную сувязь. І ў такой сітуацыі "візіты" з ператрусамі і выклікі на допыты выглядаюць здзекам са старых людзей. Мы не можам паведаміць следству нічога новага», — дадае Дыяна Чаркасава.

20 кастрычніка 2008 г. журналісты ўсклалі кветкі на могілках у Калодзішчах, дзе пахаваная Вераніка.

2009 год

19 кастрычніка следчы па асабліва важных справах сталічнай пракуратуры Сяргей Іваноў заявіў прэс-службе ГА «БАЖ», што следства па справе пра забойства Веранікі Чаркасавай не аднаўлялася з лютага 2007 г. і што пракуратура г. Мінска, якая вядзе расследаванне, не можа паведаміць грамадскасці нічога новага.

У тым жа месяцы ГА «БАЖ» абвесціла аб правядзенні ***творчага конкурсу імя В. Чаркасавай.***

2010 год

Вынікі конкурсу былі падведзеныя *12 студзеня 2010 г.* — у дзень народзінаў журналісткі. У журы конкурсу ўвайшлі беларускі паэт, былы старшыня Дзяржтэлерадыё Генадзь Бураўкін, маці Веранікі Дыяна Чаркасава — былая намесніца галоўнага рэдактара газеты

«Голас Радзімы», старшыня Камісіі па этыцы БАЖ Анатоль Гуляеў, вядомая беларуская журналістка, рэдактарка рэсурсу «Заўтра тваёй краіны» Марына Загорская, а таксама былая выкладчыца Інстытута журналістыкі БДУ і адна з укладальнікаў кнігі найлепшых твораў Веранікі Чаркасавай «Чырвоным па белым» Наталля Кулінка.

Пераможцамі конкурсу сталі Наталка Бабіна, Зміцер Панкавец і Яўген Самсонаў.

Сярод лепшых адзначылі таксама матэрыялы Кастуся Лашкевіча, Сяргея Чыгрына, Наталлі Семяновіч, Аляксея Белага, Андрэя Пачобута.

19 кастрычніка старшы памочнік пракурора г. Мінска Сяргей Балашаў пацвердзіў прэс-службе БАЖ, што папярэдняе расследаванне па гэтай справе па-ранейшаму прыпынена.

2011 год

19 кастрычніка памочнік пракурора г. Мінска Сяргей Балашаў паведаміў БАЖ, што следства па справе па-ранейшаму прыпынена «ў сувязі з невысвятленнем асобы, якая падлягае прыцягненню ў якасці абвінавачанага». «Па справе вядуцца аператыўна-вышуковыя мерапрыемствы, вынікі якіх заслухоўваюцца на аператыўных нарадах», — паведаміў сп. Балашаў. Праўда, удакладніць, калі апошні раз па справе Чаркасавай была такая нарада, ён адмовіўся, спаслаўшыся на таямніцу следства. «Пакуль рэальных доказаў спрычыненасці каго-небудзь да гэтага забойства няма», — рэзюмаваў памочнік пракурора.

2012 год

19 кастрычніка, напярэдадні 8-й гадавіны забойства журналісткі, прадстаўнік Следчага камітэта Ягор Лівай паведаміў БелаПАН, што расследаванне справы прыпынена, аднак аператыўна-вышуковыя мерапрыемствы праводзяцца.

«З моманту ўтварэння Следчага камітэта Беларусі (пачатак 2012 г. — *Заўв. БАЖ*) гэтая крымінальная справа была перададзена нам і прынята да вытворчасці, — сказаў Лівай. — На дадзены момант справа прыпынена ў сувязі з невысвятленнем асобы, якая ўчыніла злачынства. У той жа час гэта не азначае, што не праводзіцца ніякіх дзеянняў, накіраваных на вышук злачынцы. Задзейнічаны пэўныя аператыўныя падраздзяленні, якія праводзяць аператыўна-вышуковыя мерапрыемствы, накіраваныя на высвятленне асоб, што маюць дачыненне да забойства, і высвятленне ўсіх абставін справы».

Неудобная безопасность

Дживс&Вустер

Если вы читаете этот номер, то, скорее всего, он попал в ваши руки не случайно: с большой долей вероятности можно предположить, что вы независимый журналист или общественный активист. Так что, если вы журналист или общественный деятель, — обеспечение информационной безопасности является вашей профессиональной обязанностью.

Современные технологии заметно упростили нашу жизнь и работу. Чтобы проверить и отправить электронную почту, связаться с кем-то по скайпу, передать материал в номер, уже не нужно спешить в редакцию или домой, где есть стационарный компьютер. Все это можно сделать оперативно, без привязки к месту и времени. Но в этой простоте таится и опасность. Утеря или кража телефона — сама по себе штука неприятная, но она может обернуться настоящей катастрофой, если этот телефон был начинен важной информацией или дает возможность легко получить к ней доступ.

Не стоит забывать, что государство обладает широкими техническими и организационными возможностями для контроля коммуникаций своих граждан и при необходимости не постесняется воспользоваться такими полномочиями в отношении тех, чья деятельность имеет для него повышенный интерес.

Но не секрет, что каждое усилие, направленное на повышение степени информационной безопасности, делает повседневную жизнь менее комфортной: приходится помнить и соблюдать определенные правила, быть чуть-чуть параноиком.

Три неправильных подхода к безопасности:

1. Скрупулезно следовать всем известным рецептам. Как следствие — предельно усложнить жизнь себе и окружающим. Поскольку такой подход абсолютно несовместим с реальностью, через некоторое

время многие полностью перестают соблюдать даже элементарные меры безопасности.

2. Полное игнорирование информационной безопасности по принципу: «Да кому я нужен!» Ситуация с тем, «кому я нужен», со временем может измениться, но к этому моменту будет поздно выстраивать модель безопасности.
3. Худшая безопасность — иллюзия безопасности. Человек выборочно применяет какой-либо способ обеспечения безопасности — без понимания его смысла и контекста. В результате действительно важные каналы информации оказываются незащищенными.

Все ли средства хороши?

Любые риски нужно оценивать по двум параметрам: вероятность и размер возможного ущерба для вас.

В первую очередь следует сконцентрироваться на угрозах вероятных, имеющих страшные последствия, во вторую — на страшных, но менее вероятных.

Не тратьте усилия на предотвращение маловероятных рисков (например, что ваш ноутбук похитят инопланетяне) и на риски, пусть и вероятные, но ущерб от которых вы сможете легко пережить.

Обратите внимание на следующие угрозы:

Кража конфиденциальной информации. Это может произойти с несколькими целями: например, для получения доказательств по уголовному или административному делу (впрочем, надо отметить, что это трудоемкая операция, поскольку требует соблюдения видимости законности). Кроме того, полученная информация может использоваться противником для составления аналитической картины, выработки плана действий и т. п. — в этом случае ее юридическая «чистота» абсолютно не важна.

При помощи конфиденциальной информации, возможно, вырванной из контекста, спецслужбы могут оказывать влияние на других людей (активистов, журналистов), создавать видимость того, что «органы все знают», дискредитировать вас или ваше окружение в качестве «агентов», стравливать единомышленников, придавать достоверность слухам и провокационным вбросам.

Использование публичной информации. Фильтруйте то, что вы выкладываете о себе в блогах, социальных сетях. Даже безопасные, на ваш взгляд, посты могут быть использованы против вас:

— информация о социальных связях (частично может отображать структуру подпольной организации и указывать на ее потенциальных членов);

— информация об интересах (в особенности радикальные и политические высказывания);

— информация, позволяющая косвенно идентифицировать медийный (виртуальный) образ — ваш или ваших коллег;

— информация о перемещении и местонахождении человека в привязке ко времени.

Вброс информации от чужого имени — вы можете оказаться как получателем, так и «автором».

П**ерекрытие каналов информации в нужный момент** — блокировка сайтов, отключение отдельных абонентов, отсутствие мобильной связи в местах проведения массовых акций.

Мой компьютер — моя крепость

Имея физический доступ к вашему устройству (например, в случае его кражи, утери, конфискации, «заимствования»), недоброжелатель может получить информацию о ваших контактах, переписке, просмотреть историю действий в браузере и собственно документы.

Используйте пароли

Установите пароль на вход в систему своего компьютера или ноутбука — это целесообразно сделать, даже если вы являетесь его единственным пользователем. А если за компьютером работает несколько человек, тем более имеет смысл создать для каждого собственную учетную запись — ведь в этом случае вы менее всего застрахованы от утечки информации, случайного или умышленного удаления важных данных, а также появления в системе нежелательных «сюрпризов».

Защитите свой телефон — современные смартфоны позволяют «запаролить» доступ к экрану графическим ключом или PIN-кодом. В любом случае установите PIN-код на включение телефона.

Каким должен быть хороший пароль:

1. Состоять не менее чем из 8–10 знаков: заглавных и строчных букв, цифр и специальных символов.
2. Не содержать информацию, которую можно связать с вами (дату рождения, имя и фамилию или их части, кличку собаки и т. п.).
3. Быть уникальным: не используйте один и тот же пароль

Не храните пароль в одном месте с информацией, которую он защищает (ага, «ключ под ковриком»!).

Интересным подходом при ограничении доступа к информации посторонним является совмещение двух позиций: то, что я имею, и то, что я знаю. Оставляйте часть нужной информации в своей голове. Например, создайте список из множества «паролей», а для себя определите, что настоящий пароль — это, скажем, определенные символы из строки 17 и строки 145.

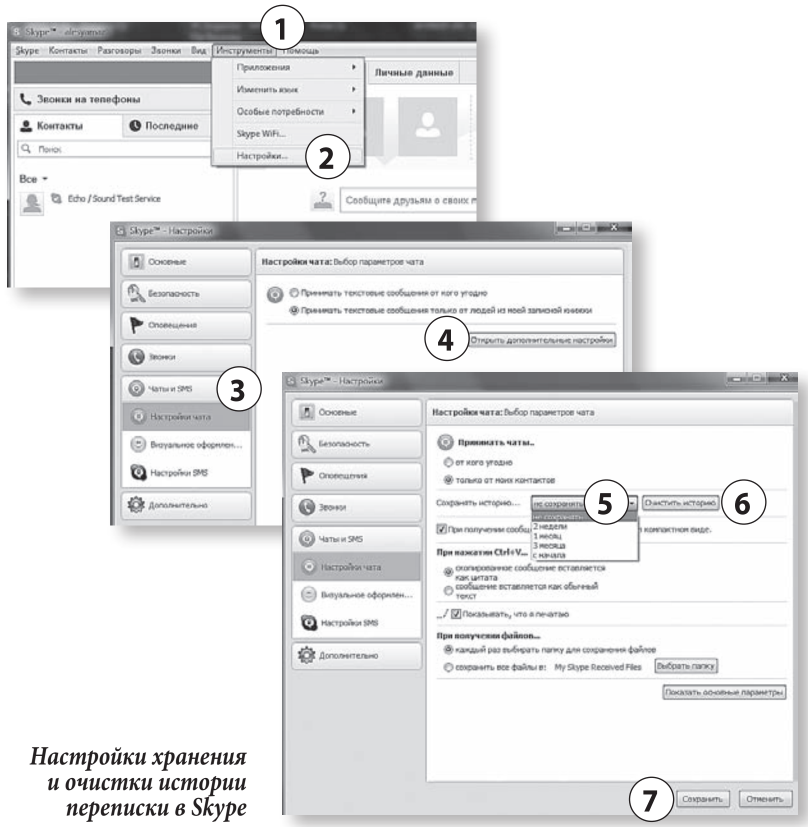
Но наличие пароля не гарантирует 100 % защиты информации, поскольку существует много относительно простых способов получить к ней доступ даже без запуска системы.

Например, это можно сделать при помощи специальных программ-шпионов. Вредоносное ПО, установленное

на вашем компьютере или телефоне, даст злоумышленнику доступ к вашей информации и возможность управлять устройством.

Чтобы этого не произошло, соблюдайте элементарные правила безопасности в интернете: будьте чистоплотны — не посещайте сомнительные сайты; не переходите по ссылкам, содержащимся в сообщениях, типа: «Привет! Ну ты вчера и утворил, здесь такие фото с тобой. Сайт http://...»; установите надежный антивирус и регулярно обновляйте вирусную базу.

Это касается не только компьютера — вредоносным ПО может быть заражено и ваше мобильное устройство: через Bluetooth, MMS, при установке непроверенного приложения или переходе по ссылке. Не оставляйте Bluetooth постоянно включенным и не принимайте файлы от неизвестных устройств. Устанавливайте приложения только из официальных источников (Google Play, AppStore), предварительно ознакомившись с отзывами других пользователей. Кстати, нелишне будет изучить разрешения, которые требует новое приложение: например, если «Живые обои» хотят иметь доступ к вашим звонкам и адресной книге, от их установки лучше воздержаться.

Настройки хранения и очистки истории переписки в Skype

И даже при соблюдении всех вышеизложенных правил исходите из того, что, если ваше устройство попадет в руки постороннего, пусть даже на короткое время, вся информация с него может быть скопирована. А поэтому...

Не оставляйте лишних следов

Удаляйте отработанные файлы, не храните информацию просто «для истории». Но при обычном удалении в «Корзину» при необходимости файлы можно восстановить.

Стереть особо важные документы начисто помогут некоторые специальные программы, например, Eraser (http://eraser.heidi.ie), CCLeaner (http://www.piriform.com/ccleaner), Freeraser (http://www.freeraser.com). Все эти программы распространяются бесплатно, просты в установке и использовании.

Отключите логирование (запись истории) там, где оно вам особо не нужно, например, в браузере, Skype. Удаляйте SMS после прочтения, очищайте историю звонков в телефоне.

Избегайте «сохранения» паролей к WEB-сервисам (почте, форумам) в браузере. В ответственных случаях (к которым однозначно относится доступ в интернет с чужих компьютеров) не поленитесь найти и включить режим «анонимной сессии». После закрытия браузер «забудет» все, что делалось в этом режиме.

В крайних случаях жесткий диск вашего компьютера можно отформатировать или переустановить систему, в телефоне — сбросить настройки «до заводских». Однозначно это стоит сделать, если ваш компьютер побывал в руках спецслужб (в идеале — от него вообще лучше избавиться, так как неизвестно, каких «жучков» вам туда подсыпали).

Но если бы все было так просто. К сожалению, истинно важную информацию удалять как раз нельзя. А поэтому...

Шифруйте то, что хранится

Действительно важную и уникальную информацию храните отдельно — и лучше в зашифрованном виде.

Шифрование папки или файла в Windows:

1. Щелкните правой кнопкой мыши папку или файл, которые требуется зашифровать, и нажмите *Свойства.*
2. Перейдите на вкладку *Общие* и щелкните *Дополнительно.*

Но не стоит полагаться только на штатные средства операционной системы, поскольку они при желании могут легко вскрываться.

Существуют специальные программы, позволяющие надежно зашифровать данные. Например, таким инструментом для операционных систем Windows, Linux, Mac OS X является бесплатная программа TrueCrypt. Она создает на жестком диске компьютера виртуальный зашифрованный том, который операционная система видит как отдельный

диск. При записи на этот «диск» данные автоматически шифруются. При чтении — расшифровываются. Все происходит «на лету», пользователь работает так, как работал бы с обычным диском: файлы можно переносить, копировать, в том числе на внешние устройства.

Скачать TrueCrypt можно здесь: http://www.truecrypt.org

Эти меры позволят обезопасить ваши устройства. Но рано или поздно большую часть информации, с которой мы работаем, приходится передавать кому-то еще...

Шифруйте то, что вы передаете

TrueCrypt поможет обезопасить информацию на устройстве, а вот при передаче данных (пересылке почтой, копировании на флешку и т. п.) нужен способ шифрования отдельных файлов и сообщений. Для этой цели используйте такие программы, как PGP/GPG, которые основаны на шифровании с помощью персональных файлов-ключей (так называемыми «публичными ключами» необходимо будет обменяться с корреспондентами, а «секретный ключ» каждый должен хранить как зеницу ока). При этом обеспечивается защита как от посторонних глаз (информацию сможет прочитать только тот, у кого есть «секретный ключ» получателя), так и от подделки (невозможно сымитировать сообщение, не имея доступа к «секретному ключу» отправителя).

К сожалению, разобраться с установкой этого софта нам, «чайникам», может оказаться не просто. Но, если вам нужно действительно надежное решение для безопасной передачи информации, имеет смысл обратиться за помощью к знающим людям.

При этом не забывайте, что сам факт передачи зашифрованного сообщения может вызвать интерес и косвенные догадки о его содержании. Что делать с этим риском — решать вам.

Доступ к каналам коммуникации

Нужно принять как факт, что у спецслужб есть техническая возможность получить информацию о том, по каким номерам вы звонили или отправляли SMS, на какие сайты выходили, в зоне действия каких базовых станций регистрировались ваш мобильный телефон или SIM-карта. Даже если вы в конкретный момент времени не пользуетесь мобильной связью, при включенном телефоне информацию о вашем местонахождении легко зафиксировать.

При очень большом желании ваши разговоры могут прослушиваться, а SMS — читаться. В то же время надо понимать, что такой контроль — это адресная, а не массовая операция, которая требует существенной подготовки и ресурсов.

Миф 1: Если радио, возле которого лежит телефон, вдруг начинает трещать, это значит, что телефон прослушивается. На самом деле этот треск означает, что телефон обменивается информацией с базовой станцией.

Миф 2: Если в процессе разговора по мобильному телефону начинаются эхо, дублирование слов, вы слышите себя, это значит, что телефон прослушивается. На самом деле причины такого явления банальны: например, недостатки в зоне покрытия оператора сотовой связи (на вашей стороне или у собеседника), наличие высотной интерференции, проблемы с телефонным аппаратом.

Миф 3: Вы всегда заметите, что телефон прослушивается. На самом деле без специальной анализирующей аппаратуры обнаружить «прослушку», увы, невозможно. Поэтому всегда лучше исходить из худшего варианта и все важные переговоры осуществлять без посредников.

Конечно, можно использовать SIM-карты и аппараты, связь которых с вами проследить будет сложно, периодически менять их. Но это неминуемо повлечет за собой снижение вашего комфорта.

При использовании электронной почты и других ресурсов (форумы, чаты) через браузер обращайте внимание на работу через протокол https: он исключает перехват

сообщений между вами и сервером (в то время как при работе по обычному протоколу http все, что ваш компьютер передает и получает, является практически общедоступной информацией). Если при работе по https браузер выдает сообщения о «недостоверном сертификате» — не игнорируйте их. Хотя в большинстве случаев это является результатом некорректных технических настроек сервера, но также может свидетельствовать и о том, что некий узел сети пытается выдать себя за целевой сервер и перехватить ваш трафик.

Существует миф о безопасности коммуникаций через Skype. Нужно понимать, что Skype с 2011 года принадлежит корпорации Microsoft, которая во многих странах (включая соседнюю Россию) вынуждена сотрудничать со спецслужбами, т. к. это является условием государственной сертификации платформы Windows. А далеко ли от ФСБ до нашего КГБ — судите сами.

По этой же причине лучше не использовать белорусские почтовые сервисы и сервисы сопредельных государств (в первую очередь РФ). Конечно, и Gmail не «бел и пушист» — доступ к нему имеют спецслужбы США. Вопрос в том, кто является «вероятным противником». Но если ваш почтовый ящик находится в доменной зоне .by и .ru,

то вы должны четко понимать, что содержание переписки может быть в любой момент предоставлено по запросу спецслужб.

Когда падает «весь интернет»

Луковые новости

Блокировать в нужный момент неугодные сайты белорусские власти начали с 2001 года. Однако можно попытаться обойти такую блокировку.

Одним из самых известных способов получить доступ к заблокированному интернет-цензурой сайту либо установить анонимное защищенное от прослушивания соединение является сеть TOR (англ. The Onion Router — «луковый маршрут»). Система TOR является разработкой Военно-морских сил США. Затем она была рассекречена и передана независимым разработчикам. Именно с помощью TOR Эдвард Сноуден передал информацию о программе шпионажа PRISM газетам «The Washington Post» и «The Guardian».

Принцип работы TOR заключается в том, что запросы с вашего компьютера отправляются в непредсказуемом направлении на распределенную по всему миру сеть прокси-серверов («луковые маршрутизаторы»). При этом данные еще и неоднократно шифруются. Каждый сервер расшифровывает полученную им часть запроса (как будто снимает слой луковой шелухи) и передает его на следующий прокси-сервер. Никто из получателей не знает одновременно отправителя, адресата и содержание данных — таким образом сохраняется анонимность сообщения. А поскольку итоговый запрос к сайту в результате приходит не от белорусского пользователя, это позволяет обойти блокировку сайта.

Впрочем, использование TOR является ярким примером выбора между безопасностью и комфортом: прохождение данных между узлами TOR занимает некоторое время, в результате скорость интернет-соединения заметно снизится. Кроме того, не все программы и приложения могут работать с TOR.

Скачать TOR можно здесь: https://www.torproject.org/

Доверяй, но проверяй

Одним из способов дезинформации является создание фейковых (англ. Fake — подделка) сайтов. Такой сайт выглядит как настоящий: логотип, верстка — все, как всегда, но вот начинка — новости, содержание статей — совсем о другом.

Заниматься подделкой новостных или общественно-политических ресурсов в обычное время вряд ли кто-то станет. Иное дело, когда приходит время активных действий: накануне выборов, во время массовых акций и т. п. В чувствительных для власти обстоятельствах, когда риск подмены информации возрастает, адреса значимых сайтов набирайте с префиксом «https:», например, https://baj.by — так вы гарантированно попадете на правильный сайт, поскольку буква «s» означает, что используется защищенный протокол соединения. При этом (в отличие от обычного режима) браузер выдаст предупреждение, если сертификат сайта, на который вы зашли, поддельный.

Выводы

Совершенной защиты, как известно, не бывает. Бывает защита достаточная. Для начала нужно понять свои слабые места, кто, как и для чего вам может угрожать, и принять адекватные меры. Не усложнить свою жизнь чрезмерными перестраховками, но применить именно те из них, которые сделают возможный «информационный взлом» достаточно дорогой и сложной операцией, выигрыш от которой не окупит затраченные усилия. И помните, что любая ситуация может меняться, и, в конце концов, самым надежным инструментом безопасности является ваша голова.

I'm Getting Arrested (Меня арестовали!)

Полезная бесплатная программа для смартфонов с операционной системой Android или iOS.

Приложение позволяет быстро отправить SMS с информацией о том, что вы попали в беду. Текст сообщения и номер получателя вводятся заранее. Также приложение может посылать GPS-координаты того места, откуда отправлено сообщение.

Специфической формой давления власти на журналистов и редакции СМИ являются предупреждения, которые выносятся в их адрес Министерством информации, прокуратурой или КГБ. Эксперты в области СМИ отмечают, что большинство таких предупреждений необоснованны и используются как репрессивный механизм. Показательно, что с такой формой давления сталкиваются только негосударственные средства массовой информации.

ДАВЛЕНИЕ на журналистов со стороны государственных органов

СМИ может быть закрыто не только после двух предупреждений Министерства информации в адрес редакции или ее учредителя, но и после двух предупреждений прокуратуры в адрес должностных лиц редакции. Нередко прокурорские предупреждения выносятся и в отношении журналистов. И хотя по закону такие «личные» предупреждения не приводят к закрытию СМИ, они являются фактором серьезного давления на тех журналистов, которые с ними сталкиваются.

Что такое прокурорское предупреждение?

В соответствии со ст. 42 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь», официальное предупреждение — это «акт прокурорского надзора о недопустимости повторного совершения должностным лицом, иным гражданином правонарушений, влекущих за собой ответственность, установленную законодательными актами, либо подготовки к совершению ими противоправных действий, объявляемый таким должностному лицу, иному гражданину в целях предупреждения совершения ими правонарушений».

За что журналист может получить прокурорское предупреждение?

Прокурор имеет право вынести предупреждение о недопустимости любых незаконных действий. В отношении журналистов предупреждения, как правило, объявляются за нарушение законодательства о СМИ и за дискредитацию Республики Беларусь.

«Нарушение законодательства о СМИ» — довольно общая формулировка, которая в последнее время во многих случаях подразумевает сотрудничество с иностранными СМИ без аккредитации. Белорусская ассоциация журналистов уже отправила не одно официальное письмо в прокуратуры разных уровней, объясняя, что:

1. В соответствии с белорусским Законом о СМИ получать аккредитацию в МИДе обязаны

только журналисты, состоящие в штате редакции иностранного СМИ. Фрилансеры, не состоящие в штате редакции такого СМИ, не должны получать аккредитацию.

2. Любой белорусский гражданин имеет право собирать и распространять информацию, готовить материалы и предлагать их СМИ, в том числе и иностранным (давать или брать интервью, публиковать свои статьи в газетах, предлагать аудио- и видеоматериалы, направлять письма для публикации и т. д.). Это гарантировано ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Республикой Беларусь, а также ст. 33 и 34 национальной Конституции. Это же подтверждается и Законом «Об авторском праве и смежных правах», который предоставляет автору исключительные полномочия на использование своего произведения (в том числе право определять, где и на каких условиях его обнародовать).

Прокурорские предупреждения о недопустимости нарушения законодательства о СМИ в Беларуси выносятся также за распространение недостоверной информации. После взрыва в минском метро редактор веб-газеты «Салідарнасць» Александр Старикевич был предупрежден о недопустимости публикаций, «содержащих необоснованные сведения и домыслы, которые направлены на дискредитацию белорусского общества и государства». Между тем, в публикации, которая попала в поле внимания прокуратуры, всего лишь перечислялись версии события, — те, которые обсуждала на тот момент вся страна.

С 2006 года в Беларуси действует статья Уголовного кодекса, определяющая ответственность за дискредитацию Республики Беларусь. И прокуратура, и КГБ неоднократно предупреждали журналистов и политиков о возможной ответственности за дискредитацию. Имеется в виду предоставление иностранному государству, зарубежной или международной организации заведомо ложных сведений о политической, экономической, социальной, военной ситуации в Республике Беларусь, правовом положении граждан, если эта информация дискредитирует Беларусь или ее органы власти. То есть для привлечения к ответственности недостаточно, чтобы сведения предоставлялись иностранному СМИ и дискредитировали Беларусь или ее органы власти. Необходимо, чтобы:

— это были сведения, а не выражение мнения;

— эти сведения были недостоверными;

— журналист знал, что эти сведения недостоверны, и все равно распространял их.

Поэтому, если распространяемая информация соответствует действительности или даже неточна, но журналист был уверен, что эти сведения верны, статья УК 3691 «Дискредитация Республики Беларусь» неприменима.

Неприменима она и в том случае, если «публикации о социально-политической ситуации в Республике Беларусь… содержат негативные и искажающие оценки действующей власти». Личные

оценки не могут быть отнесены к недостоверным сведениям, так как являются выражением мнения (мнение и информация даже «разведены» по разным статьям Конституции: если о свободе распространения информации говорится в ст. 34 Конституции, то о свободе выражения мнения — в ст. 33). Мнения не опровергаются, а оспариваются. И ответственность за их выражение наступает лишь в том случае, когда форма выражения мнения является противозаконной (например, оскорбительной).

Чем чревато для журналиста официальное предупреждение?

Предупреждения прокуратуры (равно как и КГБ) носят в значительной степени профилактический характер и означают, что в случае нарушения какого-либо закона, о недопустимости чего журналист был предупрежден, он может быть привлечен к ответственности, которая установлена за нарушение этого закона. Если предупреждения вынесены прокуратурой в адрес должностных лиц редакции или учредителей СМИ за нарушение законодательства о СМИ, то, как указывалось выше, после двух предупреждений в течение года прокурор может обратиться в суд с иском о закрытии СМИ.

Как реагировать на предупреждение?

Прежде всего, необходимо посоветоваться с юристом и оценить правомерность вынесения предупреждения.

Если журналист уверен, что не совершает противозаконных действий, то главное — оставаться спокойным. Получая безосновательное предупреждение, журналист не должен чувствовать себя виноватым. Фрилансер Татьяна Бубликова в течение нескольких лет была трижды предупреждена прокуратурой, которая усмотрела в сотрудничестве с иностранными СМИ нарушение Закона «О средствах массовой информации». «Меня предупреждают о том, чего я и так не делаю, — говорит Татьяна. — Потому что я не нарушаю Закон о СМИ. С таким же успехом меня могли предупредить, что закон запрещает грабить людей на улицах, — но ведь я и так не граблю людей!»

Надо понимать, что практика предупреждений очень активно используется в качестве инструмента морального давления на журналистов. Не каждый готов ощущать повышенное внимание со стороны прокуратуры или КГБ, осознавать, что его работа (а, возможно, и частная

жизнь) под контролем. Иногда журналиста вызывают в прокуратуру «для дачи объяснений» по какому-то поводу, а перед уходом вручают ему заранее подготовленное предупреждение — вне зависимости от того, какие были получены объяснения и были ли получены вообще (ст. 27 Конституции РБ дает право не свидетельствовать против себя).

Осознавая, что прокуратура ограничивает право журналиста заниматься профессиональной деятельностью, незаконные и необоснованные предупреждения нужно оспаривать.

Почему нужно оспаривать предупреждение?

Официальное предупреждение можно обжаловать вышестоящему прокурору, а потом — в судебном порядке. Юристы утверждают, что даже если оспаривание не приводит к отмене предупреждения, то оно способно, по крайней мере, снизить видимое давление на журналиста или редактора. Например, когда в 2009 году гродненский журналист Иван Роман активно оспаривал предупреждения, которые почти одновременно

выносили ему прокуратура и КГБ, — давление на него прекратилось.

«Если писать о том, что происходит в Беларуси на самом деле, у журналиста обязательно будут проблемы, — говорит корреспондент польского издания «Gazeta Wyborcza» Андрей Почобут. — И, если возник конфликт с властью, любая ошибка может быть использована против тебя, чтобы принудить закрыть рот. Поэтому нужно знать законодательство и использовать правовые механизмы, даже если кажется, что это бесполезно. Даже если по твоему заявлению не возбуждается дело, по нему все равно будут совершаться какие-то действия, и следы этой истории останутся на бумаге. Кроме того, это демонстрация твердости человека и его готовности отстаивать свои права. Писать жалобы нужно обязательно. И, конечно же, журналист должен писать обо всем этом статьи».

Вызовы в прокуратуру

В соответствии с Законом «О прокуратуре Республики Беларусь» граждане обязаны являться по вызову прокурора и давать объяснения по обстоятельствам, связанным с проверкой или расследованием. В случае уклонения от явки они могут быть по постановлению прокурора доставлены милицией принудительно. Поэтому, если вы получили повестку, вам следует подготовиться к встрече.

Законодательство допускает возможность вызова в прокуратуру или другие органы не только повесткой, но и с помощью других средств связи (например, по телефону). Однако отказ от явки по телефонному вызову не должен иметь никаких правовых последствий. Хотя бы потому, что вы не можете быть уверенными в том, кто находится на другом конце провода (может, кто-то подшучивает), о чем вправе сказать собеседнику. Который, к слову, тоже не знает наверняка, с тем ли человеком общается.

Требование повестки позволяет узнать, в каком качестве и по какому делу вас вызывают (это должно быть указано в повестке). К тому же вы выигрываете время, чтобы собраться с мыслями, сообщить руководству редакции или в общественную организацию, получить юридическую консультацию или заручиться поддержкой юриста.

Впрочем, если вы уверены в себе, то можете согласиться прийти для дачи объяснений (на беседу, на допрос в том или ином качестве) и по телефонному звонку. Такой вариант позволяет вам договориться с вызывающим вас лицом на более удобное для вас время. Разумеется, после этого также следует выполнить все те действия, которые перечислены абзацем выше.

Что делать, если вы получили повестку?

Позаботьтесь о том, чтобы с вами в прокуратуру отправился адвокат или другой ваш представитель (например, юрист БАЖ). Это ваше конституционное право (ст. 62 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой, кстати, «противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается»).

Прокурор может отказаться пропустить на встречу адвоката или иного представителя. Тогда — в зависимости от ситуации и ваших личных качеств — вы можете:

— отказаться от дачи объяснений и т. п., мотивируя это тем, что ваши конституционные права уже нарушены; можете молчать в ответ на все вопросы;

— дать объяснения, но зафиксировать факт противодействия оказанию юридической помощи.

Будьте вежливы, однако не старайтесь «понравиться» прокурору или следователю. Ваши взаимоотношения должны быть в максимальной степени формальны. Должностные лица всего лишь выполняют свою задачу: им нужно получить от вас необходимую информацию либо оказать на вас давление.

Можно не давать никаких объяснений в отношении себя и своих близких, ссылаясь на ст. 27 Конституции: «Никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов семьи и близких родственников».

Наилучшими ответами, кроме отказа от объяснений на основании ст. 27 Конституции, могут оказаться: «Не знаю», «Не помню», «Не хочу вводить вас в заблуждение».

Вызовы «на беседу» в КГБ

Еще один способ морального давления на журналистов — вызовы КГБ «на беседу». Как правило, журналисту звонят на мобильный телефон и предлагают встретиться и поговорить по душам.

Журналистка Мария Савушкина рассказывает, как в начале 2008 года с неопределенного номера ей позвонил неизвестный и, представившись «сотрудником департамента добрых дел КГБ», вежливо и игриво посоветовал снять про них репортаж. Мария отказалась, а на предложение побеседовать в неформальной обстановке ответила, что предпочла бы, если это так необходимо, получить повестку и встретиться формально. В этот же день информация о приглашении Марии на беседу была размещена на сайте БАЖ. На следующий день журналистке позвонили на два мобильных и домашний номера, чтобы сообщить, что сайт БАЖ в КГБ читают. Мария снова сказала, что готова прийти, но только по повестке. Больше сотрудник странного департамента ей не звонил.

Так на звонки людей, которые представляются сотрудниками КГБ или прокуратуры, отвечает большинство журналистов. Некоторые из них потом действительно получают повестку с приглашением явиться (например, для «опроса в целях национальной безопасности»), другим больше не звонят.

Что означает звонок журналисту от сотрудника КГБ?

В правовом смысле он ничего не означает и ни к чему не обязывает. Неизвестный человек может звонить вам с какой угодно целью, в конце концов, он может ошибиться номером. И все же такие звонки действуют на нервы: журналист понимает, что его деятельность «на заметке».

Что делать в случае телефонного приглашения «на беседу»?

В случае такого звонка можно поступить тремя способами. Первый: отказаться разговаривать с незнакомым человеком (по телефону вам никто не покажет удостоверения). Второй способ поведения — предложить прислать повестку и на этом закончить разговор. В третьем случае можно поинтересоваться именем и должностью абонента, спросить, по какому вопросу вас вызывают, и — потребовать прислать повестку. Хотя юристы не рекомендуют долго разговаривать по телефону с представителями органов — вы не знаете, что впоследствии может быть использовано против вас.

Впрочем, вы можете принять приглашение. Соглашаться или не соглашаться на встречу по звонку — это ваше право. Журналист-расследователь Сергей Сацук не видит ничего плохого в контактах со спецслужбами и не расценивает вызов «на беседу» как давление. «Если вас вызывают, — сходите, поговорите, — советует Сацук. — Это ваше дело — что говорить, чего не говорить. Ведь любая коммуникация — это обоюдный обмен информацией, вы оттуда тоже можете почерпнуть кое-что для себя. У меня бывало, что приходил на беседу — и набирал в результате материала на несколько статей. Я не понимаю журналистов, которые не идут на контакт. Они тем самым отпугивают любую коммуникацию с собой, следующий раз сотрудники КГБ с ними встречаться не будут, опасаясь скандала. Если мне звонят, я всегда прихожу. Не было ни разу случая, чтобы кто-то позвонил, пригласил на беседу, а я сказал: "Нет, присылайте повестку". Наоборот: "Давайте встретимся"».

Некоторые журналисты настроены прямо противоположно. Наталья Радина, которая после последних президентских выборов больше месяца провела в тюрьме КГБ, категорически советует не вступать в неформальные отношения с органами. «Никаких бесед, никаких чашек кофе с сотрудниками КГБ, — говорит Радина. — Это просто исключено. В тюрьме КГБ я видела, как они вербуют: "Мы вам будем предоставлять эксклюзивную информацию, а вы вот с нами просто кофейку попейте". И они говорили, что многие белорусские журналисты так вот регулярно встречаются за чашкой кофе, что-то рассказывают о своих коллегах либо о каких-то политиках оппозиционных, правозащитниках, а в ответ им якобы предоставляют эксклюзивную информацию. Я считаю, что очень важно не купиться на этот эксклюзив от спецслужб. Журналисты хотят сенсацию, хотят сделать себе имя на громких материалах. Но не такой же

ценой, не ценой сотрудничества с КГБ, который просто превратился в службу политического сыска. Поэтому не надо думать, что ты умнее КГБ и сможешь их обхитрить. Не сможешь, а тебя используют. И ты потеряешь репутацию и будешь жалеть об этом всю жизнь».

В любом случае вы должны знать, что никаких «профилактических бесед» с обязательной явкой на них белорусское законодательство не предусматривает. Поэтому, даже если вы идете на такую беседу, знайте, что:

— производить ее запись (письменную, звуковую или видео) можно только с вашего согласия;

— если ведется письменная запись беседы, вы имеете право не подписываться под этой бумагой (она не является процессуальным документом);

— не следует давать никаких подписок о неразглашении факта беседы или ее содержания;

— вы можете рассказать об этом факте в СМИ.

Если вас вызывают в КГБ по повестке, вести себя следует так же, как и в случае вызова в прокуратуру. Правда, адвокатов на такую беседу чаще всего не пускают под тем предлогом, что вы не являетесь обвиняемым или свидетелем. Несмотря на то что в Конституции прямо записано, что каждый имеет право на юридическую поддержку для осуществления представления и защиты прав и свобод, в том числе прав пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей, а противодействие оказанию правовой помощи запрещается, — сотрудники органов госбезопасности, следствия и т. п. зачастую отказывают в этом конституционном праве свидетелям либо лицам, приглашаемым для дачи объяснений, на том основании, что, например, в статье о допросе свидетеля об этом праве ничего не говорится.

В этом случае потребуйте отметить факт противодействия оказанию правовой помощи в протоколе.

Ведения протокола бояться не надо. Это документ, в котором зафиксировано все содержание беседы. Наоборот, старайтесь как можно больше формализовать ваше общение с представителями КГБ. Требуйте, чтобы в протокол вносились не только ответы, но и вопросы. Свои ответы можете сначала записывать для себя, формулируя, и только потом заносить их в протокол (это дает возможность обдумать и вопрос, и ответ). Скорее всего, эти записи вам потом придется уничтожить, но их ведение позволит вам в какой-то степени влиять на ритм и атмосферу беседы (допроса и пр.).

Ничего не придумывайте по ходу беседы. Лучше отвечайте: «Не помню», «Не знаю», «Не уверен» и т. п., — либо ссылайтесь на ст. 27 Конституции Республики Беларусь.

Не бойтесь и не паникуйте, если начинаете ощущать психологическое давление. Оно — часть сценария, по которому идет ваша беседа. Сохраняйте внутреннее спокойствие. Можете отвечать следователю: «Это угроза», «Я расцениваю ваши слова как угрозу». Дайте ему понять, что намерены предать это гласности, обратиться с жалобой в прокуратуру и к руководству КГБ. Факт и содержание угрозы отразите в протоколе.

Внимательно перечитайте протокол после его составления. Обратите внимание на время начала и окончания следственного действия, беседы. Потребуйте внесения в протокол всех лиц, которые принимали участие во встрече (например, если появлялся «плохой следователь» или наоборот). Если вы не согласны с содержанием протокола, потребуйте внесения в него изменений (при ведении протокола на компьютере вы можете внести эти исправления в текст своих ответов сами) либо сделайте запись в протоколе, где отразите неточности. Все свои замечания также вносите в протокол. Проверьте, чтобы в нем не осталось незаполненных мест, куда может быть внесен текст. Подпишите каждый лист протокола.

Вызов на допрос — как совладать с паникой? Советует психолог

Получив повестку, не стыдитесь своей паники, не загоняйте ее вовнутрь. Вступите с собой в мысленный разговор и признайте: «Да, я паникую, мне не по себе». В данной ситуации это абсолютно нормально. Проговорите свое состояние, согласитесь с собой и разрешите себе на некоторое время потерять равновесие. Не пытаясь сразу «взять себя в руки», вы немного ослабите свой стресс.

Журналисты — люди интеллектуальной профессии. Будучи постоянно заняты умственной деятельностью, они, как правило, забывают о собственном теле. Вспомните о нем сейчас: начните делать элементарные дыхательные и медитативные упражнения, принимайте ванны, ешьте вкусную еду. Ритуализируйте свои ощущения: отклонения в телесную сферу помогут снять внутреннее напряжение и отвлечься от постоянного «пережевывания умственной жвачки».

Поговорите о том, что вам предстоит, с коллегами, юристом, правозащитником. Внимание к их советам — это попытка в какой-то мере взять ситуацию под свой контроль, что само по себе является в достаточной мере стрессопонижающим фактором.

Сидя в коридоре перед приемом, не скрывайте от себя, что волнуетесь, давайте себе в этом отчет: «Да, я сейчас волнуюсь». Если у вас трясутся руки — встаньте, выйдите в туалет и потрясите расслабленными руками изо всех сил. Дрожание рук прекратится. Дрожат колени — сделайте несколько приседаний.

У каждого есть свои любимые позы — «позы удобства». Они помогают нам владеть личным пространством, создавая вокруг себя «кокон спокойствия». Когда в кабинете следователя вам предлагают стул — вы не обязаны садиться, как пионер: ноги вместе, руки на коленях. Этот стул на какое-то время — ваш. Сделайте его своим полностью, овладейте хотя бы этим маленьким пространством. Не смущайтесь, разверните его и сядьте, как вам удобно. Создавайте равновесие: поставьте стопы полностью на пол, почувствуйте опору, ощутите, как плотно стоят на полу ноги. Такое физическое чувство — осознание опоры — очень важно и может помогать совладать со стрессовыми ситуациями.

Не верь, не бойся, не проси...

во время допроса

Олег АГЕЕВ

Судя по количеству политически мотивированных уголовных дел, которые за последние годы были возбуждены и рассмотрены в Беларуси, напрашивается вывод о том, что в стране началась «война», которую государство объявило гражданскому обществу. Задействованы практически все имеющиеся в распоряжении государства институты: обслуживающие власти СМИ, следственные органы, суды, прокуратура… А одним из самых применяемых механизмов является уголовный процесс.

В 70-е годы минувшего века в СССР таким образом боролись с диссидентами, в 80-е в Польше волна репрессий накрыла участников профсоюзного движения «Солидарность». Как тогда, так и сейчас одним из основных способов ведения «боевых действий» является допрос гражданина в качестве свидетеля. Это самое распространенное следственное действие органы уголовного преследования применяют для давления на людей, занимающих активную гражданскую позицию.

В ходе допроса участниками противостояния оказываются, как правило, две стороны: следователь и гражданин (он же свидетель). Баланс сил в этом поединке чаще всего неравный, поскольку следователя обучали правилам этой игры, он знает особенности ведения допроса, различные хитрости и уловки, у него есть опыт. А человек, сидящий напротив, никогда не совершал преступлений и не имеет опыта дачи показаний. Его, попавшего в необычную ситуацию, преследует страх из-за незнания, чем эта «игра» может закончиться.

Не бойся

Чтобы побороть страхи, вам необходимо готовиться к допросу. Иногда даже в большей степени, чем следователю. Для вас самое главное — минимизировать лично для себя и для близких вам людей риск получить иной статус в политически мотивированном уголовном деле.

Следователь, как правило, вызывает человека на допрос повесткой, где должно быть указано: кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин. Вместе с тем следователю разрешается вызывать на допрос, используя и другие средства коммуникации. Получив вызов, вы должны для себя решить, являться «в контору» или нет. На одной чаше весов находятся ваш гражданский долг и обязанность оказывать содействие государству и обществу в борьбе с преступностью. На другой — ваши сомнения, если есть основания предполагать, что вызов — только повод, чтобы оказать на вас как на активного гражданина давление. Плюс чувство самосохранения.

Если возможности не явиться на допрос у вас нет, значит, к нему надо основательно подготовиться. До встречи со следователем вы должны подумать о необходимости участия в следственном действии адвоката в качестве вашего представителя. Это право гарантировано статьей 62 Конституции Республики Беларусь, и только сам гражданин вправе решать, нужен ли ему адвокат на допросе. Это означает, что именно вам необходимо до явки на допрос заключить соглашение с адвокатом на представление ваших интересов в ходе допроса. Эта юридическая помощь является платной.

Накануне допроса запаситесь бумагой для записей и авторучкой.

Необходимо знать, что допрос — это следственное действие в форме беседы; порядок, условия проведения и оформления результатов допроса определяются уголовно-процессуальным кодексом (УПК).

Основная цель допроса — получение правдивой и по возможности полной информации об обстоятельствах, имеющих отношение к делу. При этом требуется либо получить новые, ранее не известные, сведения, касающиеся расследуемого события, либо подтвердить или опровергнуть уже имеющиеся, но не проверенные, которые пока не считаются достоверными.

Как и любое следственное действие (обыск, очная ставка и др.), допрос проводится после возбуждения уголовного дела. Это важно знать, поскольку протокол допроса является процессуальным документом лишь в случае возбуждения уголовного дела. До этого момента проводятся оперативно-розыскные мероприятия и сбор сведений в виде сообщений, заявлений, объяснений и т. п. Поэтому, прежде чем начать разговор с представителем правоохранительных органов, вежливо поинтересуйтесь, в чем, собственно, дело, в качестве кого вас вызвали, как называются ваш «разговор» и та «бумага», на которой что-то пишет ваш собеседник. Может, он зря тратит время...

До начала допроса следователь должен выяснить данные о личности свидетеля и его отношениях с подозреваемым или обвиняемым. Как правило, выясняется наличие либо отсутствие родственных связей между свидетелем и лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Также свидетелю в обязательном порядке должны сообщить, в качестве кого, по какому уголовному делу его будут допрашивать, а также разъяснить права и обязанности, предусмотренные УПК. Кроме того, свидетелю должны разъяснить требования Уголовного кодекса об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и заведомо ложные показания.

После этого, собственно, и начинается допрос.

В начале беседы следователь предлагает свидетелю рассказать все известное по расследуемому делу и выслушивает его. По ходу рассказа или после вам могут задавать уточняющие и дополнительные вопросы. Записанные в протокол пояснения, ответы на вопросы и составляют ваши показания.

ПЛОД

Для защиты свидетелей в ходе допроса от противоправных и незаконных действий сотрудников правоохранительных органов была разработана система ПЛОД. Эта аббревиатура обозначает некоторую систему фильтров, каждый из которых поможет при допросе не дать следователю нарушить ваши права, в итоге — вы получите возможность не навредить ни себе, ни людям, которые не совершали преступлений.

Однако не следует воспринимать систему защиты ПЛОД как догму, панацею, как полный «рецептурный» справочник. Жизнь сложна и многообразна, и поэтому невозможно дать рецепты на все случаи. Главное в общении с органами уголовного преследования — это сохранить чувство собственного достоинства, не впадать в панику и отчаяние, анализировать ситуацию и ДУМАТЬ.

Итак, в аббревиатуре каждая буква несет в себе следующие значения:

«П» — протокол;
«Л» — личное;
«О» — относящееся к делу;
«Д» — допустимое доказательство.

При допросе, когда наступит стадия вопросов следователя, все его посылы необходимо пропускать через указанную систему фильтров.

Фильтр «П» обозначает «протокол». При работе с этим фильтром необходимо помнить, что одним из основных требований, предъявляемых законом к протоколу, является его полнота. Также нужно иметь в виду, что УПК довольно четко и строго регламентирует порядок и правила составления протокола допроса. Об этих требованиях необходимо иметь представление, особенно о правах допрашиваемого при составлении протокола. Запомните: после свободного рассказа допрашиваемый вправе записать свои показания собственноручно. Ваши требования внести в протокол дополнения и уточнения подлежат обязательному исполнению.

На практике это означает, что протокол, являющийся источником доказательства, должен максимально

соответствовать самой процедуре допроса. При этом предполагается, что ответственность за полноту и правильность протокола лежит как на следователе, составляющем этот протокол, так и на вас (свидетеле), который этот протокол подписывает. Из этого следует, что вы, исполняя свой гражданский долг, должны сделать все от вас зависящее, чтобы в протоколе, во-первых, ваши показания были отражены полно и достоверно и, во-вторых, чтобы сам ход допроса был правильно отражен.

Как этого добиться? Вот и пригодились те листы бумаги, которые вы благоразумно взяли с собой. Фактически это даст возможность вести свой дубликат протокола допроса. Т. е. все ходатайства или иные события, возникающие в ходе допроса, вы имеете право записывать на принесенной с собой бумаге и приобщать к протоколу. Это очень важное обстоятельство!

Например, если вы заявите перед началом допроса о желании пользоваться юридической помощью и об участии в ходе допроса адвоката, то, исходя из принципа полноты протокола, это ходатайство должно быть отражено в протоколе. Так гласит УПК. Однако что делать, если следователь отказывается допустить к участию в допросе адвоката, никак не мотивируя свой отказ, а также не хочет делать отметку в протоколе об отклонении ходатайства свидетеля? Если это происходит, то вы имеете право изложить свое ходатайство отдельно, т. е. написать его на листке бумаги и присвоить этому документу статус приложения к протоколу допроса с обязательной отметкой об этом в самом протоколе.

Рукописные записи помогут вам избежать необдуманных и поспешных ответов на «сложные» вопросы. Саму процедуру вопросов-ответов рекомендуется проводить в следующем порядке.

Следователь задает вопрос, который обязательно должен быть занесен в протокол допроса в соответствии с принципами полноты протокола.

Свидетель тоже записывает вопрос следователя в свой дубликат протокола допроса. Пока это происходит, у свидетеля появляется уникальная возможность обдумать, не нарушает ли следователь закон, задавая этот вопрос, и обязан ли свидетель отвечать на него.

После записи вопроса следователя свидетель записывает в дубликат протокола допроса свой точный ответ, дословно его формулируя. Это дает возможность избежать неточностей и ошибок при допросе.

Свидетель зачитывает вслух свой ответ на поставленный вопрос и следит за тем, чтобы следователь именно в такой формулировке записал ответ в протоколе допроса.

Все вышесказанное основано на праве свидетеля в ходе допроса собственноручно записывать свои показания и пользоваться этими записями. Именно такая последовательность действий не позволяет следователю нарушить закон, а у свидетеля меньше шансов навредить себе или другим гражданам необдуманными словами, занесенными в протокол (источник доказательств), под которым будет стоять его подпись.

Можно попытаться потребовать у следователя дать вам возможность вносить ответы в протокол собственноручно. Действующее законодательство это предусматривает, и хотя шансы на такой порядок составления протокола невелики, попытаться настоять на этом нужно.

Если в допросе участвуют, т. е. задают вопросы или иным образом помогают следователю, другие лица, необходимо попросить их представиться и показать документы, удостоверяющие личность. После этого заявить ходатайство о внесении в протокол допроса этих «участников» следственного действия. При этом они также должны подписать протокол после окончания допроса.

Перед подписанием внимательно прочитайте протокол, составленный следователем, сверьте его со своим дубликатом протокола и убедитесь, что показания точно и полно отражены в нем. Также в протоколе должны быть указаны место, дата, время допроса и фамилия следователя, проводившего допрос.

В случае несоответствия протокола, составленного следователем, фактическому ходу допроса или ответам, которые вы давали, требуйте внести все исправления и ваши замечания. Эти требования подлежат обязательному исполнению. Только после этого подписывайте каждую страницу протокола, ставьте свою подпись и удостоверительную надпись на последнем листе. Но перед этим все свои замечания, если они имели место, обязательно внесите в оригинал протокола. Для замечаний можно использовать собственные листы бумаги с отметкой об этом в самом протоколе.

Фильтр «Л» в системе защиты ПЛОД обозначает право свидетеля не отвечать на вопросы, касающиеся лично его.

В соответствии с Конституцией и УПК свидетель имеет право не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников. Под членами семьи в данном случае понимаются все лица, проживающие совместно со свидетелем и ведущие с ним общее хозяйство. А вот к близким родственникам относятся родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки, а также супруг допрашиваемого лица.

Это значит, что если свидетель решит не отвечать на вопрос следователя, касающийся лично его, то он имеет на это полное право. На такой вопрос следователя в протоколе допроса необходимо указать примерно следующее: «Желаю воспользоваться своим правом не свидетельствовать против себя и отвечать на данный вопрос отказываюсь, поскольку ответ на него может мне навредить». Причем свидетель вовсе не обязан объяснять следователю, чем именно ответ может ему навредить. Достаточно просто об этом заявить, поскольку никто, кроме самого свидетеля, не может оценить, имеется данный риск или нет.

Надо отметить, что отказ от ответа на вопрос, который зачастую ставит свидетеля в положение подозреваемого, нередко психологически труден, особенно в щекотливых ситуациях, когда это можно расценить как трусость. Но никакой трусости в этом нет! Это разумный подход к своим правам в сложной ситуации. И не более.

Фильтр «О» — относящееся к делу. Мы ведь помним, что перед началом допроса следователь обязан поставить свидетеля в известность, в рамках какого уголовного дела будет производиться данное процессуальное действие. Т. е. свидетель представляет, какие обстоятельства должны выясняться следователем в рамках данного допроса.

Например, если вас вызвали на допрос по уголовному делу о хищении автомобильных колес у вашего соседа, а следователь начинает спрашивать о том, кто и чем занимался в районе площади Независимости в Минске 19 декабря 2010 года, то очень уместно будет заявить ходатайство о том, чтобы вам разъяснили, какое отношение имеет этот вопрос к данному уголовному делу.

Понятно, что и само ваше ходатайство-вопрос, и ответ на него следователя должны быть отражены в протоколе допроса с учетом требований о полноте протокола. После этого, как показывает практика, следователь прекращает задавать вопросы, не относящиеся непосредственно к делу.

Фильтр «Д» расшифровывается как «допустимость доказательств». Эта буква аббревиатуры ПЛОД базируется на требованиях УПК, предъявляемых к доказательствам, к которым относятся и протокол допроса свидетеля, и сами свидетельские показания, отраженные в нем. Пожалуй, самым важным требованием является обязанность следователя добывать доказательства исключительно законными способами. Ведь доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют законной силы.

Применительно к процедуре допроса в УПК закреплен прямой запрет задавать наводящие вопросы. Отличие допустимого в процессуальном отношении вопроса от наводящего состоит не в том, что в последнем имеется подсказывающая информация, а в правомерном вопросе ее нет. А в том, что содержащаяся в наводящем вопросе информация (как словесная, так и несловесная: мимика, жесты, эмоционально-интонационный подтекст) внушает, наводит, подсказывает определенный ответ. Наводящий вопрос не только содержанием, но еще и формулировкой может побуждать, ориентировать на подтверждение определенной информации. И ответ на него по имеющимся в нем фактическим сведениям полностью соответствует содержанию вопроса, не выходит за его рамки, не дает новой, дополнительной, ценной в доказательственном отношении информации, кроме как почерпнутой из заданного вопроса.

Ответы свидетеля на наводящие вопросы следователя не имеют законной силы.

Классический пример наводящего вопроса: «Вы были на конференции, проходившей 15 октября 2011 года в городе Энске в помещении Дворца культуры железнодорожников?» Если даже предположить, что вы решили отвечать на него, несмотря на фильтр «личное», то в вопросе уже утверждается, что: 1) некая конференция проходила; 2) 15 октября 2011 года; 3) во Дворце культуры железнодорожников; 4) города Энска, а следователя интересует только, были ли вы на ней. Даже однозначный ответ на данный вопрос «нет» в протоколе допроса может означать, что вы знали о месте и времени конференции, соответственно, отвечая на вопрос, заданный с нарушением закона, вы уже навредили себе и дали следователю возможность задавать вам вопросы об этой конференции.

Поэтому, если даже очень отдаленно покажется, что вопрос следователя может считаться наводящим, вам необходимо указать об этом в ходе допроса. Возможно, записать в протоколе допроса вместо ответа следующее: «Считаю, что данный вопрос является наводящим, и прошу его переформулировать». Это поможет вам как свидетелю не оказывать следствию содействия в фальсификации доказательств, основанных на ответах на запрещенные законом наводящие вопросы.

Таким образом, работая с системой защиты ПЛОД, внимательно анализируя каждый вопрос следователя и пропуская его через каждый фильтр, вы сможете не навредить ни себе, ни другим лицам, которые не совершали преступлений.

Помимо данной системы необходимо еще учитывать и аспекты психологического контакта, который происходит в ходе допроса между свидетелем и следователем.

Стратегическую линию поведения на допросе (чистосердечные показания, отказ от ответов на ряд вопросов, лавирование) свидетель выбирает сам, исходя из сути расследуемого события, степени своего участия в деле, своего реального положения. Отказы от ответа на каждый отдельный вопрос со ссылкой на различные причины, предусмотренные системой ПЛОД, требование вести допрос по-белорусски, ответы не по существу задаваемых вопросов, запись в протоколе процессуальных нарушений и т. п. приводят к конфликту со следователем. Но такие действия целесообразны, если последствия показаний могут быть тяжелее, чем последствия конфликта.

Общее же правило таково: не надо торопиться с ответом, не следует много болтать и не идти без необходимости на конфликт. Ведь можно сказать: «Я точно не знаю», — а можно: «Ничего я тебе не скажу!» Результат таких ответов одинаков, а возможные последствия для свидетеля разные.

Не надо пытаться переиграть следователя. Ваша задача — не проиграть самому и не «подставить» товарищей и коллег. Не надо лгать! Лучше не сказать правду, чем сказать неправду.

Тройка, семерка, туз...

У свидетеля на руках всегда должны быть, как минимум, пять «козырей».

1-й — уверенность свидетеля в том, что он не совершал преступлений. Он не виноват. И, поскольку он — свидетель, его никто не привлекает в качестве подозреваемого или обвиняемого. Свидетелю нечего стыдиться и нечего бояться. Виноват не он, а тот, кто его деятельность хочет представить криминальной и сам нарушает закон.

2-й — элементарные знания своих прав и юридических процедур. Для этого не нужно иметь юридическое образование. Просто перед походом к следователю можно посмотреть несколько статей УПК в части

порядка проведения допроса, собственных прав и обязанностей. Это позволит вежливо апеллировать к нормам и статьям законов, что дисциплинирует собеседника и поможет ему избежать «случайных» нарушений ваших прав.

3-й (самый важный!) — здравый рассудок. Ведь, оставаясь самим собой, человек сохраняет устойчивость. Умный и честный, притворяясь дураком или начиная лгать, теряет устойчивость. Необходимо быть спокойным, вежливым, рассудительным и немногословным. Если в ходе допроса свидетель почувствует ухудшение состояния своего здоровья, то не надо этого скрывать, ведь закон допускает перерывы и даже приостановление допроса.

4-й — готовность к несправедливому и неправовому отношению к вам. Ведь, если «вдруг, иногда, кое-где, порой» законы нарушаются, лучше, чтобы это не было для вас неожиданным. На хамство, брань, угрозы не надо реагировать как на опасность. Это «стиль работы» и «тактические приемчики» отдельных следователей. Поэтому при нарушении процессуальных норм вы имеете право:

а) указать на нарушения следователю;

б) отметить это обстоятельство в протоколе;

в) после допроса подать жалобу надзирающему прокурору или начальнику следственного подразделения;

г) вымыть уши...

При попытках физического воздействия (что на следствии бывает крайне редко, скорее, это просто угрозы) необходимо шуметь, кричать, притворяться гипертоником, сердечником, требовать нитроглицерин и т. д. В крайнем случае — перетерпеть, но ни при каких обстоятельствах не оказывать физического сопротивления! Потом — в обязательном порядке (!) — обжаловать такие действия следователя.

5-й козырь — знание основного правила взаимоотношений человека и представителя наших «правоохранительных» органов: никому НЕ ВЕРЬ, ничего НЕ БОЙСЯ, ни у кого ничего НЕ ПРОСИ. Следуйте этому триединому правилу, ведь оно проверено временем, и у вас все получится: вы сохраните достоинство и уважение к самому себе.

Барьеры на пути в ПАСЕ

Помнится, как в разгар «либерализации» глава Администрации президента допустил возможность введения моратория на смертную казнь. Если бы это было сделано, Беларусь могла бы получить гостевой статус в Парламентской ассамблее Совета Европы. Но этот шаг власти по загадочной причине не совершили.

Руслан ГОРБАЧЕВ, gazetaby.com

Предыстория

17 июня 2009 года Общественно-консультативный совет при Администрации президента (ОКС), созданный за полгода до этого и объединивший, в том числе, представителей гражданского общества, проводил выездное заседание в Жодино, на территории тюрьмы № 8. Встреча была посвящена гуманизации пенитенциарной системы.

Выступивший на заседании председатель Белорусского Хельсинкского комитета (БХК) Олег Гулак напомнил, что Беларусь остается единственной страной в Европе, где выносят смертные приговоры и приводят их в исполнение. И отметил: для введения моратория на смертную казнь достаточно указа президента.

В ответ глава Администрации президента Владимир Макей сделал почти сенсационное заявление: «Вопрос о смертной казни не надо рассматривать как нечто застывшее навсегда… Тем более что это надо рассматривать в контексте вступления Беларуси в Совет Европы. Пока мы говорим лишь о возвращении статуса специального приглашенного, но если будет четкое решение о вступлении в Совет Европы, то нам придется пойти на этот шаг».

Беларусь в тот момент переживала период так называемой либерализации, поэтому заявление высокопоставленного чиновника не выглядело пустым звуком. Интриги добавила принятая шесть дней спустя Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) резолюция 1671.

В ней говорилось, что при условии отмены смертной казни или введения моратория на нее Беларусь получила бы статус спецприглашенного в ПАСЕ.

Казалось, что белорусским властям достаточно сделать лишь один шаг для устранения одного из главных на тот момент препятствий в отношениях с Европой и для начала выхода из внешнеполитической изоляции. Однако этого шага не последовало.

Уже через три месяца руководитель Администрации президента не реагировал на попытки обсуждать вопрос смертной казни. Как рассказал журналистам глава ведомства федерального канцлера Германии и федеральный министр по особым поручениям Рональд Пофалла, на встрече

с Владимиром Макеем он открыто выразил свою позицию в отношении смертной казни. Министр вынужден был констатировать: «С его стороны не было реакции на мое заявление».

Свернули, не развернув

Своеобразной жирной точкой в этой истории стало сообщение весной следующего — 2010 — года о казни в Беларуси двух осужденных.

Но почему белорусские власти в 2009 году так и не решились на введение моратория? Аналитик Белорусского института стратегических исследований (BISS) Андрей Елисеев объясняет это следующей причиной:

— Дело в том, что та же резолюция ПАСЕ 1671 говорила об еще одном условии для властей: обеспечить участие в работе ПАСЕ и делегации белорусской внепарламентской оппозиции «до тех пор, пока в нем (парламенте Беларуси) не будет надлежащим образом представлена оппозиция». Вот это условие на тот момент было еще более неприемлемым для властей, чем отмена смертной казни.

Заместитель председателя правозащитного центра «Весна» Валентин Стефанович обращает внимание и на другие факторы:

— Я никогда не слышал от наших властей, что они хотят стать членами ПАСЕ. В этом случае нужно брать на себя много обязательств по соблюдению прав человека и признать юрисдикцию Европейского суда по правам человека.

Летом 2009 года Общественно-консультационный совет стал площадкой, где представители власти и гражданского общества обменялись мнениями о возможном введении моратория на смертную казнь. Однако развития этот диалог не получил. Хотя, как признался председатель БХК Олег Гулак, тогда у него было ощущение, что путь решения проблемы может быть найден.

— Шел процесс «либерализации» и диалога с Западом. Было впечатление, что вопрос о смертной казни могут решить раньше других серьезных проблем, — отметил он.

Сегодня председатель БХК Олег Гулак весьма скептически смотрит на роль ОКС в решении вопроса смертной казни.

— Да, проблема смертной казни на выездном заседании звучала. Но вопрос не был обсужден! Я говорил о том, что нужно смертную казнь отменять, но дискутировать было не с кем — в защиту предложения об отмене смертной казни не выступил никто. Вина в том, что вопрос как следует не обсудили, лежит точно не на представителях гражданского общества. Каково было личное мнение у Макея по этому вопросу, сказать трудно.

По мнению правозащитника, работа совета при Администрации президента на решение проблемы «практически не повлияла».

Осенью 2011 года Общественно-консультативный совет решением Владимира Макея был распущен, и площадка для возможной дискуссии по этому вопросу исчезла.

Игра в «бонусы»

Практически угасшую в 2009 году надежду на введение в Беларуси моратория на смертную казнь возродило создание в феврале 2010-го в Палате представителей рабочей группы по изучению проблем смертной казни.

Много позже ее руководитель Николай Самосейко заявил, что группа должна была быть создана еще летом 2009-го, однако этому, по его словам, помешало «ультимативное требование» ПАСЕ (в реальности ПАСЕ лишь «призвала» белорусские власти к действиям).

Вскоре после начала работы группы Николай Самосейко отметил, что говорить о введении моратория можно после изменения общественного мнения: «Объективные обстоятельства свидетельствуют о том, что Беларусь находится практически на пороге введения моратория. Но, пожалуй, никто не сможет точно ответить на вопрос, когда это произойдет».

Два года спустя, в 2012-м, депутат сказал interfax.by, что, «если бы не теракт в метро в апреле 2011 года, с большой долей вероятности, возможно, мы бы пришли к мораторию на применение смертной казни».

Несмотря на то что, по официальным сообщениям, группа планировала работать лишь полгода, она просуществовала до истечения срока полномочий Палаты представителей 4-го созыва, но так и не добилась видимых результатов. В Национальном собрании нового созыва в конце 2012 года вновь была создана рабочая группа по изучению проблематики смертной казни как инструмента наказания, применяемого в Беларуси.

Правозащитник Валентин Стефанович разочарован результатами работы парламентариев:

— Никаких реальных шагов по решению проблемы смертной казни я за эти годы не увидел. Вновь в парламенте создана рабочая группа, но она была и в предыдущем созыве и ни на что не повлияла.

Аналитик Андрей Елисеев считает, что деятельность парламентариев была подчинена вовсе не заявленным ими целям.

— По всей видимости, большого желания вернуть утраченный гостевой статус в ПАСЕ у властей не было. Однако было зондирование почвы насчет того, какие бонусы это предоставило бы, — полагает он. — Белорусские власти традиционно весьма меркантильно подходят к любой «уступке» (если можно употребить такое слово в случае с вопросом о смертной казни) Западу, исходя из предполагаемых выгод.

Глава БХК Олег Гулак считает, что вопрос о смертной казни может решить только один человек в стране, а никак не парламент или глава Администрации президента:

— Все эти годы риторика государственных функционеров сводится к констатации того, что наше общество не готово к введению моратория. Складывается впечатление, что решение этой проблемы упирается в субъективное мнение президента. Могу предположить, что власти не хотят совершать не популярных (в их понимании) шагов. Боятся, что такое решение снизит и без того невысокую электоральную поддержку.

Согласен с коллегой и Валентин Стефанович:

— Решение вопроса о смертной казни, как и все остальное в нашей стране, зависит от Александра Лукашенко. Нужно спрашивать у него. Для введения моратория достаточно указа президента — это дело одного дня.

На том и стоим

Догадки правозащитников подтверждают своими заявлениями и чиновники. В начале 2013 года председатель Конституционного суда Петр Миклашевич напомнил, что еще девять лет назад суд отметил: «При наличии соответствующих обстоятельств президент и парламент могут решать вопрос о введении моратория или отмене смертной казни».

А в 2009 году Генпрокурор Григорий Василевич прямо сказал, что вопрос «об отмене смертной казни находится в ведении главы государства».

Вывод о том, способен ли глава государства принять решение о введении моратория, можно сделать, проследив его высказывания последних лет.

6 декабря 2010 года, на IV Всебелорусском народном собрании:

«Надо обратиться к вопросу о целесообразности сохранения смертной казни. И это не подыгрывание Западу. С точки зрения криминогенной ситуации, которая значительно улучшилась, есть все предпосылки для неприменения данного вида наказания. Но, принимая окончательное решение, мы будем ориентироваться только на мнение людей… И потерпите, наберитесь терпения. Мы не людоеды здесь… Спокойно мы решим и эту проблему».

23 декабря 2011 года, на пресс-конференции:

«Да, мы можем мораторий сегодня ввести... Чтоб только боком нам это не вылезло...

Сегодня актуальность этой меры наказания (смертной казни), если сравнивать с прошлыми временами, с моей точки зрения, не снизилась. Мы могли думать, что у нас произойдет такой теракт? Нет, конечно. Это для нас аномалия, это я уже говорил.

Что касается смертной казни, то у нас есть референдум. Хочу я этого, не хочу, какой позиции буду придерживаться, — но есть решение референдума. Для меня это закон.

И когда меня начинают трепать: “Смертная казнь, диктатура”, — я им говорю, европейцам: “Немножечко развернитесь через Атлантику, там очень большой друг у вас. Вот как только они отменяют, — мы будем следующими”».

8 мая 2012 года, в ответе на вопросы парламентариев:

«Я никогда на это (введение моратория на смертную казнь) сам не пойду. Не пойду, потому что я слуга своего народа, простите за патетику, и для меня это не громкие слова, и знаю настроения людей.

…Но вы абсолютно правы: может быть, наше общество подошло к тому, чтобы ввести мораторий или, может, отменить смертную казнь, — может быть, подошло, но тогда примем решение вместе».

REPORTERS WITHOUT BORDERS
FOR PRESS FREEDOM

Індэкс свабоды прэсы: Беларусь на 157-м месцы

Міжнародная арганізацыя «Рэпарцёры без межаў» у штогадовым аглядзе ступені свабоды распаўсюду інфармацыі змясціла Беларусь на 157-е месца сярод 180 краін.

Самыя лепшыя паказчыкі — у Фінляндыі, Нідэрландаў і Нарвегіі (адпаведна — 1-е, 2-е і 3-е месцы). Самы горшы рэйтынг — у Туркменістана (178-е месца), Паўночнай Карэі (179-е) і Эрытрэі (180-е). Арменія — на 78-м месцы, Грузія — на 84-м, Таджыкістан — на 115-м, Расія — на 148-м. За Беларуссю (157-е месца) ідуць Пакістан (158-е), далей — Азербайджан (160-е), Казахстан (161-е), Узбекістан (166-е), Іран (173-е).

Індэкс свабоды прэсы адлюстроўвае ступень свабоды, якой карыстаюцца журналісты, СМІ і інтэрнэт-актывісты, свабоду выказвання меркаванняў, а таксама намаганні, якія прыкладаюць улады дзеля таго, каб забяспечыць выкананне прынцыпаў свабоды слова.

«Рэпарцёры без межаў» адзначаюць, што ў Беларусі незалежныя журналісты знаходзяцца пад ціскам адміністрацыйных органаў і дзяржаўнай ідэалогіі, а сілавыя структуры краіны «часта выкарыстоўваюць “барацьбу з экстрэмізмам” як падставу для ўціску тых, хто адмаўляецца падтрымліваць афіцыйную лінію».

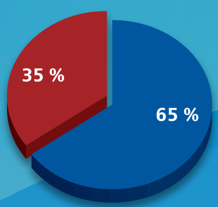
У справаздачы міжнароднай арганізацыі ўзгадваюцца забарона ў 2013 годзе распаўсюду ў Беларусі альбома «Прэс-фота Беларусі — 2011», пазбаўленне ліцэнзіі «аднаго з галоўных незалежных выдавецтваў», адміністрацыйны перaслед недзяржаўных сродкаў масавай інфармацыі, зарэгістраваных за мяжой дзеля беларускага спажыўца.

Маніторынг парушэння правоў журналістаў-фрылансераў за 2013 год

Беларуская асацыяцыя журналістаў

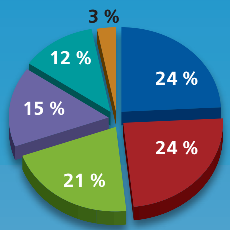
ПАРУШЭННІ ПРАВОЎ ФРЫЛАНСЕРАЎ

- Падчас збору інфармацыі
- Адтэрмінаваны пераслед за прафесійную дзейнасць

Найчасцей правы фрылансераў парушаюцца ў момант выканання прафесійнага задання (65 %). У мінулыя гады такія перашкоды складалі ад 63 % зафіксаваных, што сведчыць пра ўстойлівасць сітуацыі.

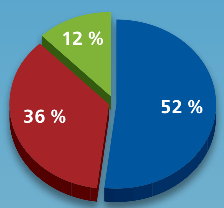
ЧЫЕ ПРАВЫ БЫЛІ ПАРУШАНЫЯ?

- Тэлежурналісты
- Тэлеаператары
- Журналісты, якія пішуць
- Фатографы
- Радыёжурналісты
- Блогеры

Падчас збору інфармацыі найчасцей парушаліся правы тэлежурналістаў і тэлеаператараў: па 24 %. На долю журналістаў друкаваных СМІ выпаў 21 %, фотажурналістаў — 15 %. Радыёжурналістам перашкаджалі ў 12 % выпадкаў ад усіх парушэнняў, блогерам — у 3 %.

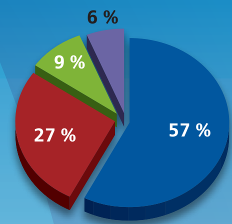
ВІДЫ ПАРУШЭННЯЎ ПРАВОЎ ФРЫЛАНСЕРАЎ

- Перашкоды ў доступе да інфармацыі
- Затрыманні
- Арышты ад 3 да 10 сутак

У выніку парушэння правоў фрылансераў на збор інфармацыі ў 52 % адбываюцца непасрэдныя перашкоды ў доступе да інфармацыі «тут і цяпер»; затрыманнем на кароткі тэрмін заканчваецца 36 % сітуацый, арыштам ад 3 да 10 сутак — 12 %.

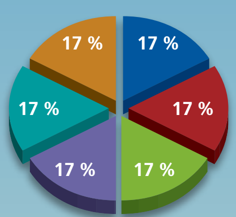
ХТО ПАРУШАЕ ПРАВЫ ФРЫЛАНСЕРАЎ?

- Міліцыя
- Іншыя (прадстаўнікі службы аховы, загадчыкі, адвакаты, рэдактары)
- Невядомыя
- ДАІ

Сумнае лідарства сярод суб'ектаў, што парушаюць правы фрылансераў на збор інфармацыі, як і ў мінулыя гады, займае міліцыя — 57 %. На другім месцы рознага кшталту прадстаўнікі службы аховы, старшыні, загадчыкі будоўлі, адвакат і нават рэдактар — агулам 27 %. Невядомыя — 9 %, а таксама ДАІ — 6 %.

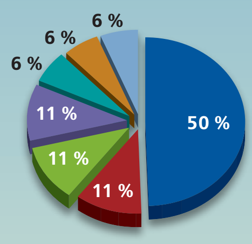
ЧЫЕ ПРАВЫ БЫЛІ ПАРУШАНЫЯ?

- Тэлежурналісты
- Тэлеаператары
- Блогеры
- Журналісты, якія пішуць
- Рэдактары незалежных сайтаў
- Радыёжурналісты

У маніторынг патрапілі выпадкі адтэрмінавання (не звязанага з непасрэдным выкананнем прафесійных задач) пераследу журналістаў з боку дзяржаўных структур, а таксама некалькі выпадкаў пераследу з боку невядомых. Адтэрмінаваны пераслед складае 35 % ад зафіксаваных парушэнняў правоў фрылансераў. Такі ціск звычайна мае моцную палітычную матывацыю.

ХТО ПАРУШАЕ ПРАВЫ ФРЫЛАНСЕРАЎ?

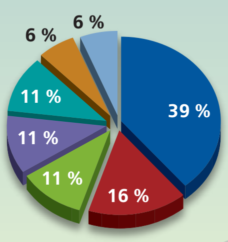

- Пракуратура
- Следчы камітэт
- Міліцыя
- Невядомыя
- Суд
- ДАІ
- Рэдактар газеты

Органы, якія здзяйснялі адтэрмінаваны пераслед: Пракуратура — 50 %; Следчы камітэт, міліцыя і невядомыя — па 11 %; суд, ДАІ і нават рэдактар газеты — па 6 %.

Даследаванне грунтуецца на дадзеных прававога маніторынгу парушэння правоў журналістаў службы маніторынгу ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў». Быў прааналізаваны 51 выпадак, датычны парушэння правоў выключна фрылансераў.

ВІДЫ ПАРУШЭННЯЎ ПРАВОЎ ФРЫЛАНСЕРАЎ

- Папярэджанні
- Іншае
- Знявагі, пагрозы, абразы
-Ператрусы
- Прафілактычныя размовы
- Прыцягненне да сведчання па крымінальнай справе
- Арышты

З дадзеных, якія магчыма прааналізаваць па адтэрмінаваным пераследзе, мы маем наступныя лічбы: пракурорскія папярэджанні атрымалі 39 % журналістаў-фрылансераў, «іншае» — 16 %, знявагі, пагрозы і абразы ад невядомых — 11 %,ператрусы — 11 %, прафілактычныя размовы — 11 %, прыцягненне да сведчання па крымінальнай справе і арышт — па 6 %.